

18+

АЛЕКСАНДР ИВАНЧЕНКО

НЕУТОМОННЫЙ

РОМАН

Александр Иванченко
Неугомонный. Роман

«Издательские решения»

Иванченко А. И.

Неугомонный. Роман / А. И. Иванченко — «Издательские решения»,

Роман Александра Иванченко «Неугомонный» относится к жанру современной прозы. Кирилл Мельник, известный читателям по роману «Покаяние», находится в поиске своего предназначения в жизни. Его взгляды отличаются от взглядов многих в обществе, что создает ему только трудности. «Укорениться» в трудовых коллективах ему нелегко. Почему? Он же — неугомонный. Действие романа происходит в российской глубинке; время — 80–90-е годы прошлого века, на грани смены вектора политического развития страны.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ЗАТЕРЯННЫЙ МИР»	10
1	11
2	16
3	21
4	25
5	30
6	36
7	44
8	49
9	56
10	62
11	67
12	72
13	81
14	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Неугомонный Роман

Александр Иванович Иванченко

Редактор Ольга Егоровна Иванченко

Корректор Анна Петровна Соломошук

Фотограф Александр Иванович Иванченко

© Александр Иванович Иванченко, 2026

© Александр Иванович Иванченко, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0070-6040-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Он ушёл... Когда мы слышим такие слова, то возникает ощущение недосказанности, куда ушёл, совсем ли ушёл или обещал вернуться, ушёл ли по собственной воле или попросили (кто-то принудил, создал невыносимые условия для ухода, когда остаться — смерти подобно или даже хуже того). Как много недосказанного. Пытливые люди пытаются догадаться, «догнать» своим аналитическим умом, а если не получится найти достоверные источники того, что ответит на вопрос — почему?

Менялись времена и эпохи, а проблемы в обществе, в производственных отношениях и, конечно, в личных всегда были, есть и будут. Отличие лишь в том, что в настоящее время изменилось многое и люди стали другие, стали более изощрёнными, более жестокими, порою и всё чаще более жестоки по отношению даже к своим ближним и родным людям.

Молодые люди до сорока лет, то есть среднего возраста, уже совсем мало знают о марксистско-ленинской философии (марксизме-ленинизме, если кратко), которая была официальным советским философским учением, созданным на основе взглядов её основоположников: К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Спросите выпускника средней общеобразовательной школы и мало кто даст на такой вопрос ответ, как: «Кто такие марксисты?» или «Что вы слышали о ленинцах?», «Кто такие революционеры?». Нет никакой уверенности, что в школьном курсе истории на эти вопросы отведено более 3—5 часов учебного времени. Хотя и сейчас мы часто слышим: «Без прошлого нет будущего» — это высказывание великого русского ученого и философа Михаила Васильевича Ломоносова знают, если не все, то многие. А вот саму историю... К сожалению, сейчас политической идеологии в стране, как таковой нет. Есть направления развития, программы развития государства и общества, хотя бы для примера, в период «перестройки» — «500 дней».

Коммунистическая идеология «канула в Лету». Остались, конечно, те преданные идеям коммунисты, но их единицы. Когда они выходят на центральную площадь посёлка 22 апреля или 7 ноября группой до 10—12 человек, в лучшем случае, на них смотрят с улыбкой, а кто-то с жалостью, кто-то с презрением и даже как на изгоев. Как же быстро, как хамелеоны, сменили свой окрас сотни и тысячи коммунистов, кто так красиво горланил с трибун призывами и красивыми обещаниями. Как сейчас модно говорить, «переобулись в воздухе», порвав партийные билеты и став теперь уже «твёрдыми» демократами. А новая идеология? А новая — переход к старому, становлению на путь капиталистический преобразований в экономике и социальной сфере. Но это ещё всё впереди. А сейчас ещё вся страна переживает эпоху «застоя». Ещё нет оппозиции руководящей и единственной в стране партии — КПСС, есть коммунистическая идеология, представляющая собой целую систему идей, ценностей и взглядов. Её главная задача — «создание бесклассового общества, в котором средства производства принадлежат обществу, а распределение благ осуществляется на основе потребностей каждого человека».

В высших учебных заведениях особое значение уделяется таким дисциплинам, независимо от того, технического направления ВУЗ (высшее учебное заведение) или гуманитарного: «История КПСС», «Марксистско-ленинская философия» и «Научный коммунизм», сдаваемый на первом курсе зачётом, а на последнем курсе, перед защитой дипломного проекта — государственным экзаменом. Он был настолько значим, что ставился во главу угла всего образовательного процесса, лучше сказать — на вершину пирамиды.

И вся система идеологической работы, проводимая на государственном уровне общественно-политическими структурами, институтами власти, начиная со школьных организаций и заканчивая всероссийских и всесоюзных: пионерия и её младшие братья — октябрята, солид-

ная комсомольская организация, подшефная главной и руководящей коммунистической партии.

Это мощная структура ещё работала и с детского сада все знали, кто такой В. И. Ленин, а со школьной скамьи уже всех классиков марксизма-ленинизма. Это сейчас мало кто помнит, кто написал «Манифест коммунистической партии», если даже знает о работе «Капитал» и то, больше из анекдотов. Марксист, революционер, интернационалист, ленинец, большевик, коммунист, сообщество — партия, коммуна. Вы часто сейчас слышите такие термины? Конечно, можно называть человека иносказательно, учитывая его взгляды и политические, религиозные или социальные убеждения и сформировавшиеся устои.

Первая «искра», послужившая тому, что «Призрак коммунизма» стал бродить по Европе, стала Парижская коммуна 1871 года. Благодаря её изучению и анализу, основатели научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс положили основы коммунистической идеологии, а В. Ленин её развил.

Кто-то скажет: вот началась ностальгия по брежневским временам, забыли сталинские? Что оно вам дало? У всех была работа, каждый мог получить бесплатное образование, медицина была также бесплатная и доступная. Много было хорошего, только это могут понять те, кто жил тогда и ощутив достоинства или недостатки сегодняшнего дня, сделать выводы. А нынешняя молодёжь, работающая не по восемь часов с двумя выходными, как их родители, а по двенадцать и более, с одним выходным для того, чтобы зарплата была достойная. А то, что она должна быть достойной и при 8-ми часовом рабочем дне — они этого даже не знают и не возмущаются. Нет профсоюзов и требований на растяжках и лозунгах во время массовых демонстраций. Что всех всё устраивает?! Наверное, помните, как мы все радовались переменам. Чего-же теперь плакаться. «За что боролись, на то и напоролись».

О чём пойдёт речь, о ностальгической для многих и даже трагической эпохе социализма, как промежуточного этапа в строительстве коммунизма? Нет, конечно. Об марксистах-революционерах, коммунистах и их роли в истории? Нет и не об этом. О времени, когда люди предчувствовали перемены, ждали и надеялись, а в итоге обманывались и теряли веру.

Это мы сейчас, через годы, когда прошло 30—35 лет после тех событий, более отчётливо понимаем, что было плохо или очень плохо, а что нужно было сохранить, не давая под слом, защищая грудью, как это делали отцы и деды, шедшие во имя идей на вражеские амбразур. О героизме пойдёт речь и стойкости убеждений? Ничего подобного. Так о чём же? Скорее это о том, как жили простые люди в те годы «заката» Советского Союза, в годы «перестройки» в отдельно взятом сельскохозяйственном регионе, в глубинке. Там, где не было «передового пролетариата» и его диктатуры, но люди хорошо помнили и депрессии, и Новочеркасск в июне 1962 года и бесплатную медицину, обучение по тем технологиям, с которыми не знакомы даже нынешние педагоги, так как сами обучались уже по программам, с девизом «Боже, храни Америку!», а не Россию, Советский Союз или славя КПСС.

И в этих ежедневных «муравьиных» копошениях простых людей, в их чаяниях и решении житейских, бытовых, семейных проблем, редко кто уже задумывался о революционных преобразованиях, но привычно верил в разумность руководства, властных структур, в то, что всё происходящее делается для человека, ради человека, во имя светлого будущего. О простых судьбах тех, кому выпала судьба и счастливая, в отличие от судеб родителей и дедов, и одновременно с неясностью и неуверенностью судеб тружеников, а не олигархов и «крутых», без криминала, которым заполонена вся телевизионная сетка ТВ (телевидения), мы так мало видим или читаем о таком. О них — не интересно, так многие скажут. Хочется жить красиво и «красиво жить не запретишь».

Возможно, что не интересно, но это реальность, как есть. Из песни слов не выкинешь, а прожитое повторно не прожить. И ошибки уже не исправить и новый смысл в судьбу нам не вложить. Да и от изгоев общество не избавились пока, они были всегда, есть и будут, ведь не

все становятся лицемерами, поддакивая и не возмущаются, когда их «имеют», а приспособляются, ведь по большому счёту во все времена кто-то кого «имел» и кто-то от этого в тоже время имел от этого. Вот так круг и замыкался.

Кто-то приспособился, зная, что чем меньше будешь сопротивляться, тем для тебя же жизненная стезя, как и карьера будет менее ухабистая, тряская, а порою и благодатно-приятная, и взаимовыгодная. А выгоды бывают разные, как материальные, так и моральные, что тоже немаловажно — жить в постоянном напряжении или расслабиться, чтобы получить удовольствие.

Но есть ещё у некоторых людей так называемое «быкование», нет, не в смысле буйного и разбойного поведения в обществе, а в плане упорства. О таких говорят: «упёртый, как бык», ему по лбу кувалдой лупят, а он упорно не отходит от «эшафота», даже если его никто к столбу и не привязывал. Отойди, увернись, пусть «бойник» хоть разок промахнётся и сухожилия потянет, сделает остановку, чтобы тупо подумать: что-же случилось? Нужно стратегию менять, толи током его уговорить, а не поможет — под гильотину подвести. И тогда появится время для передышки, за которое «бычара» может отойти от ударов, от гула в голове и предпринять более эффективное средство «упорства». Или вовсе повергнуть своего обидчика прочными и острыми, как клинки, рогами.

Есть «язвы» общества, иначе — «правдолюбые». Они так власть имущих достают и руководителей трудовых коллективов, что их заносят в «чёрные» списки, они попадают в опалу, но не сдаются. У них революционный дух в крови. Очень упорные могут добиться своего, но это им достаётся дорогой ценой, не обязательно материально, а нервотрёпкой подрывают и душевное благополучие, и физическое здоровье.

Как правило, их жизнь ничему не учит, и они наступают на одни и те же грабли по много раз, набивают шишки, бросаются на «амбразуры» политических ДОТов (долговременная огневая точка), «зализывают раны» и, собравшись силами, по новой, только с большим остервенением и упорством ведут атаку на административных или политических оппонентов. Неугомонные. Что с них возьмешь. Их словами убеждений не проймёшь, они упорны и твердолобы, их убеждения и идеалы до фанатизма непоколебимы. Они, что буревестники, ведут непримиримую борьбу, даже зная, что успеха в этом им не дадут добиться, от слова «никогда» — всё против них и эту армаду «брони противоречий» не пробить. Но, несмотря ни на что, они не переходят на ту сторону «баррикад», где большинство, где масса, которую правильнее назвать «стадом», управляемым единицами тех, у кого власть, у кого материальные или иные весомые убеждения, берущие верх над здравым смыслом и над личными идейными убеждениями.

Но есть и, казалось бы, безобидные такие, как донкихоты. Они создают, возможно, меньше проблем, но «путаются под ногами», всегда находят в любой сфере общественной жизни, в методах и организации руководства предприятий и учреждений, в сфере бытовых услуг всякие недостатки, изъяны, даже преступную халатность, и никогда не пройдут мимо них молча и спокойно, если это их раздражает, не нравится или идёт вразрез с их убеждениями. На них изначально не обращают особого внимание, затем их пинают, бьют и, если не помогает, то и они переходят в разряд «неблагонадёжных», в категорию изгоев. Но и это их только вдохновляет, даёт силы на борьбу с новыми «мельницами». Они неисправимы, неугомонные и этим всё сказано.

Возможно, читатель уже имел возможность познакомиться с героем нашего повествования, Кириллом Фёдоровичем Мельником. А если пока ещё не знаком, то это не страшно, так как большинство событий, которые будут доступны читателю — это воспоминания о том, что произошло до уже описанных в романе «Покаянии», где были подробно освещены только два, хоть и судьбоносных жизненных эпизодов. А посему, соблюдать очередность ознакомле-

ния с разными эпизодами жизни, соблюдая календарную последовательность, совсем не обязательно.

И эти эпизоды повествования о тех событиях можно было представить в виде трёх независимых повестей, если бы не одно и очень важное обстоятельство — идея, проходящая «красной нитью» через все три повествования, ставшие частями романа.

Ещё очень важное различие «неугомонного» от «кающегося» в том, что он в первом романе, которое не является в историческом плане более раннем повествовании — герой прожил в большей степени в настоящем времени, а в настоящем романе — в воспоминаниях. Запутано? А, как вы хотели, витиеватость сюжета, если она не излишняя то, не во вред. Так вот, «кающийся» герой от всего греховного пришёл в единому — к покаянию. То есть направление его действий, вектор движения на «вход», как цель покаяния — храм. Расставлять знаки «плюс» и «минус» будет читатель. В электрическом токе направление его вектора определяется движением его положительных зарядов. Если «плюс» вышел из источника — это, что должно означать, что его вход в «потребитель» — это «минус».

Давайте попробуем по-другому разобраться. Человек «ушёл», уволился с работы или даже его уволили не по собственному желанию — это «минус»? Или «пришёл», устроился на новую работу — это всегда «плюс»? Растягиваем «резину» дальше, пока не порвётся. А если кто-то «ушёл» и безвозвратно — это «минус», или для кого-то «минус», а для кого-то и «плюс»? Обязательно ли «уход» навсегда, для ушедшего — «минус», ведь смысл всей нашей земной жизни — это подготовка к той, неизвестной, вечной, но она нас пугает словом «смерть»? Но ведь «смерть» должна своей «костлявой рукой» (вернёмся к электротехнике), нажав на кнопку «Стоп», неумышленно запустить, через «пульт управления» Всевышнего, процесс подготовки к жизни вечной. И пройдёт не так много времени, даже по нашим земным меркам и произойдёт «рождение» в новой «райской жизни» или в той, что никому из смертных не посоветуешь. Что здесь «плюс», а что тут «минус»?

Невозможно жизнь прожить по шаблону и на любой случай в жизни не найти однозначно-верного ответа в Википедии или от «симпатяги» для молодёжи, Алисы, знающий всё или почти всё. А стоит ли нам привыкать к советам, стандартным решениям жизненных задач или идти своим индивидуальным путём, с ошибками, просчётами, промахами и попаданиями «в десяточку» — интересно?!

Рискнём прожить несколько жизненных этапов «методом проб и ошибок»? Тогда «вперёд и с песнями», как говорили во времена той уже, исторической эпохи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ЗАТЕРЯННЫЙ МИР»

1

В 80-е годы, ушедшего уже безвозвратно XX-го века, инженерный работник в сельском хозяйстве, как минимум, да и не только, получал зарплату 120—140 рублей. Много это или мало? Если он женатый и в семье он единственный работник, то конечно, мало. А когда в молодой семье наступает счастливый момент и жена ждёт прибавление в семье, то хорошо, если жена до этого успела где-то поработать, тогда ей выплачивают «дородовые» и «послеродовые» (56 дней до родов и 56 дней после родов), а также предоставлялся неоплачиваемый трудовой отпуск по уходу за ребёнком до достижения ребёнком возраста полтора года.

Сейчас у молодых чаще всего один ребёнок. Справедливости ради нужно сказать, что государственные программы и Национального проекта «Демография» способствовали тому, что молодые семьи стали получать единовременное немалое пособие и ежемесячные «детские». Но в те, уже далёкие годы единовременное пособие на первого ребёнка составлять стало 50 рублей. На второго — 100 рублей.

А если женщина, как и жена Кирилла Мельника, Люба, «залетела» в то время, когда находилась в отпуске по уходу за первым ребёнком? И кто возьмёт женщину «на сносях» на короткий период в 1,5—2 месяца на работу, чтобы затем она опять оформила положенные в те годы льготы? Да и на предыдущей работе в швейном цехе бытового обслуживания населения её зарплата часто не превышала, сейчас смешную сумму — 60 рублей. Пособие на ребёнка — слёзы.

Вот и задумался Кирилл зимой, в январе 1983 года о том, что неплохо бы сменить место работы. Но имея на тот период незаконченное высшее образование, не мог претендовать на должность главного специалиста, с зарплатой 170—200 рублей. А как поступали в этом случае другие, как решали финансовые вопросы, чтобы семья не бедствовала?

Были и такие рабочие и руководящие должности, где можно было, при желании и умении, иметь дополнительный источник прибыли. Что это? Это то, что можно было унести или даже увести в приличных объёмах то, что являлось или продукцией производства, продуктами питания или материалами. К примеру, купить транспорт, мотоцикл с коляской или автомобиль, при условии, что семья уже из трёх человек и доход семьи пусть 140 рублей, невозможно. Это слёзы. Для сравнения, стипендия студента, обучающегося по направлению от колхоза, равнялась 46 рублей. Мало, но когда из дому ещё привозить продукты и рублей десять от родителей перепадает в месяц, то терпимо, прожить можно. А здесь жить на такую сумму семьёй и «ни в чём себе не отказывать» — смешно, но только плакать хочется.

Одно было хорошо — выбор вакансий большой. В основном требовались производственные рабочие, такие как водители, трактористы, сварщики, станочники, механизаторы и слесари на животноводческие фермы и производственные предприятия районного центра. А их было не мало, кроме «Райсельхозтехники», в которой работал в то время Кирилл, требовались рабочие руки: в «Райсельхозхимии», на элеватор и комбикормовый завод, на завод ЖБИ (железобетонных изделий), в ДРСУ (дорожно-ремонтное строительное управление), на пищекомбинат и мясокомбинат, маслозавод, три довольно крупные строительные организации, три автотранспортные предприятия, не считая нехватку рабочих и специалистов в колхозах и совхозах, и трёх птицефабриках, расположенных на территории района. Но уезжать с родительского дома, где «хоть в тесноте, но не в обиде», не хотелось.

Доски объявлений пестрили свежими и заветренными уже объявлениями со стандартным началом — «требуются». Главное ещё было то, чтобы работа была не в наказание, ни как чистая повинность, а чтобы с удовольствием и за удовлетворяющую потребности зарплату. Хорошие зарплаты были в строительных организациях и даже возможность для тех, кто умел «брать с умом» с производства и то, что становилось уже личным и появлялась возможность за

два-три года построить свой добротный дом. Строительной специальности Мельник не имел, работа разнорабочего не привлекала и «прихватизировать» строительные материалы и транспортные услуги в частное он не мог, от слова «никак».

Дочурке Верочке уже исполнился годик. Она росла бойкой девочкой, как за большинством малышей нужен был глаз да глаз. Бабушка не могла нарадоваться внучкой, тем более что вопрос об имени не стоял, Кирилл настоял, хоть и никто особо не противился и кроху назвали в её честь Верой, Верочкой. Вечерами бабушка Вера брала внучку к себе в спальню, улаживала рядом и они устраивали «девичник», долго говорили, а потом бабушка читала внучке одну из новых книжек. Чего другого, а детские книги в доме были в изобилии, отец никогда не упускал возможность купить вновь поступившие в газетные киоски детские книги в твёрдой обложке.

И это неслучайно. Как рассказывала и мама Кирилла, и его бабушка Надя, что любимой игрушкой его в детстве была книга. И главное не для того, чтобы измачулить её в макулатуру, а подолгу с вниманием рассматривать даже те, что были без картинок. Забавно было наблюдать такую картину и все заранее знали, что этот ребёнок будет, как минимум, тянуться к знаниям, возможно, станет учёным человеком, образованным. Задатки у детей проявляются с раннего детства, только их нужно заметить. Так и дочурка — вся в папу.

За рекой большинство жителей районного центра, брали наделы земли, которые выделяли предприятия и организации. Можно было взять пять соток и десять, главное, чтобы хватало времени и желания ухаживать за землёй. Родители из-за необходимости купили, конечно, не новый мотоцикл «Ява» с коляской. Кроме участка на усадьбе, нужно было ездить на надел в поле, а также к родителям жены в село, где огород занимал пол гектара земли. Благо, что третью часть засеивалась ячменём, но помогать с посадкой и обработкой приходилось. В большинство выходных дней ездили в село. Был в этом и большой плюс, появлялась возможность посидеть на берегу пруда с удочкой. И делали это, когда дочурка пошла ножками, уже все вместе.

Люба, как ни удивительно, была также заядлой рыбачкой. Сколько радости и эмоций, когда был хороший клёв, да ещё у неё удачные поклёвки были даже чаще. Спортивный азарт, общение с природой, эмоции и адреналин, молодость и счастье жизни.

— Жена, ты за кого выходила замуж? — спросил однажды Кирюха, держа после ужина в руках районную газету.

— Что за вопрос? Я же один раз замуж выходила и надеюсь, что на всю жизнь. Или что ты имеешь ввиду? Всё, «кончилась любовь, завяли помидоры»? — во взгляде Любаши читалось напряжённое удивление.

Наступила короткая, но показавшаяся вечностью тишина, а муж смотрел на жену серьёзно и испытывающим взглядом. Потом не выдержал и рассмеявшись ответил:

— Расслабься! Я же не об этом. Конечно, как же я без тебя и без нашей красотищи, Верочки...

— А зачем тогда напрягаешь? Что надумал, пива попить? Так иди, если есть за что, разве я когда запрещала. Да и если б запрещала — это не про вас, хозяин.

— Вот так и поругаемся, если не скажу, что хотел... Или если скажу, тогда поругаемся. Но сказал «а», скажу и «б». Помнишь, когда соседка твоих родителей похвастала, что у неё зять — милиционер? А, что тесть ответил?

— Помню. Он ответил: ну и что?! А мой зять — инженер.

— Правильно. А, если бы ты вышла замуж за тракториста или того же комбайнёра, с каким ты встретишься в то памятное лето, вышла бы замуж?

— Это что за допрос? Я за это вообще никогда не думала. Ну и что, будь ты, хоть кем, я за человека выходила замуж, а не по выгоде. Если бы по выгоде, нужно было за богатого и перспективного, у кого отец или генерал или работник обкома или, хотя бы, райкома.

— Спасибо, дорогая, успокоила. Тогда мне можно и объявление сделать?!

— Да не тани ты уже...

— Хорошо. Вот, смотри, объявление. Мехлесхозу требуется тракторист. Но главное — зарплата 180—240 рублей. А?!

— «Хорошо стелют да жёстко спать».

— Ты думаешь? Не знаю, тебе решать. Но тут ты, как-никак начальник, не «пашешь, как Папа Карло», а там что будет?

— Да, что я трактористом не работал? Начинал с этого ещё до службы. И работу знаю и технику не хуже трактористов, даже лучше. Три года института за спиной и не прогулял, а серьёзно осваивал и практиковал в том же колхозе и на тракторе, и на комбайне.

— Тебе виднее. Деньги лишними не бывают, конечно. Каждый месяц «перехватываем» в долг до зарплаты и из месяца в месяц. Попробуй. А если что не так, тебя же в «Сельхозтехнику» с радостью возьмут, так же?

— Уговорила! Я не долго сомневался и даже не сопротивлялся.

— Опять шутишь. Пойду с Верунькой в коляске погуляю по двору или по улице. Перед сном полезно. Дочурка, пойдём?!

Утром, Кирилл, написав дома заявление на расчёт, поспешил сразу в кабинет непосредственного начальника, заместителя управляющего «Райсельхозтехники».

— Разрешите!?

Традиционно, Алексей Павлович, степенный и рассудительный человек, приходил на работу и занимал рабочее место в своём кабинете задолго до начала работы. Его кабинет располагался сразу на входе в контору, первым слева. Он перебирал бумаги и планировал производственные задания подразделениям и специалистам на сегодня или уже на завтра. Он имел привычку сдвигать очки низко на нос, что позволяло смотреть на вошедших не через очки.

Кирилл Мельник, работающий под началом Алексея Павловича уже два года, хорошо знал, что не стоит его торопить, а лучше выждать какую-либо минуту, что воспринималось руководителем, как знак уважения и терпимости.

— Да, Кирилл Фёдорович, — оторвав взгляд от бумаг, но не выпуская их из рук, спросил, рассматривая стоящего неподвижно стоящего у дверей работника. — Что не проходишь? Чеснока наелся или вчера повод был?

— Ни то и ни другое, Алексей Павлович. У меня важное, личное дело. Вот, — и протянув развёрнутый лист с заявлением, добавил, — я хочу уволиться. И было бы хорошо, если бы без отработки...

— И что тебя не устраивает? А вместо тебя я должен работать, пока тебе замену найду?

— Ну зачем же так. Я же не раз подменял Петра Семёнова, совмещал обязанности, пусть он немного и меня подменит, пока не...

— Всё рассчитал? Что тебя не устраивает? Зарплата?! Так заканчивай свой институт, я тебе своё кресло уступлю.

— Нет, мне такого не нужно. Лучше вас на этом месте никто не справится.

— Лъстишь, чтоб подписал без отработки?!

— Совсем не лъщу. Я вообще врать не могу. А, если правду не могу сказать — промолчу.

— Да я это уже понял, когда ты на планёрке перед всеми работниками СТО (станция технического обслуживания) объявил: «Я сегодня буду пьяный... У меня дочь родилась!» И не соврал же, «наклюкался» от души, — Алексей Павлович расплылся в доброй улыбке, хотя она не могла быть гарантией положительного решения вопроса.

Наступала тягостная тишина. Руководитель думал, держа в одной руке рабочие документы, в другой заявление. Выражение его лица постепенно приобрело серьёзность и решительность. Потом опустил заявление на стол и прихлопнул ладонью.

— Хорошо! Но я уверен, что ты скоро, чуть раньше или чуть позже, но всё равно вернёшься к нам. Разве нет?

— Возможно, Павлович, но мне сейчас нужно семью кормить, а в лесхозе мне обещали зарплату в полтора раза выше.

— Позови ко мне Петра. Так и быть, уговорю управляющего. Да, забыл спросить, как твоя дочурка, не ходит ещё?

— Да, бегает уже. Ей год уже исполнился. Спасибо вам, Алексей Павлович!

— И тебе не хворать!

В те годы, тех работников, которые долго не задерживались на одном месте называли «летуны». У них была фантастическая мечта — найти, в результате длительных поисков ту работу, которая удовлетворит работника во всём. А это разве возможно, чтобы зарплата была никак не меньше 240—250 рублей (такая сумма заработной платы считалась для рабочих предельной, да и для ИТР (инженерно-технических работников), не беря в учёт «тринадцатые» зарплаты или дополнительный оклад, а также натуральную оплату зерновыми культурами, для тружеников сельскохозяйственного сектора) и чтобы была не тяжёлой физически, не нервной и не пыльной. И почему было много таких вот «летунов»? Элементарно — существовал огромный дефицит работников, как рабочих специальностей, так и специалистов с высшим и среднеспециальным образованием. А потому работодатели, чтобы «заманить» к себе работников из множества вакансий на многочисленных досках объявлений и объявлений в СМИ (средства массовой информации) других организаций, завышали значение тех «козырей», которых, по их мнению, не будет нигде.

«Текучка» кадров была на многих предприятиях и организациях, хоть и не на всех. Чем правдивее была информация о том, на что мог у них рассчитывать вновь устраивавшийся на работу в объявлении и при собеседовании с инспектором отдела кадров или руководителем, тем больше была вероятность, что работник задержится на этой работе. Другим сдерживающим фактором было жильё. В этом виде «заманухи» преуспевали колхозы и совхозы. Как бы ни говорили о «застое», но в 70-80-е годы на селе было просто ударное строительство квартир для молодых специалистов и для тех, кто, видя в этом решение жилищной проблемы, тем более, если человек семейный, да ещё и дети имеются.

В селах и сельских посёлках строили много и целые улицы называли Молодёжными, а в городах даже посёлки. В крупных городах и, тем более, в мегаполисах с жильём было плохо, с приставкой «очень», определяющей и убивающей уверенность в том, что хотя бы дети смогут дожить до того времени, когда вся большая семья переедет из «бараков», «коммуналки» или «хрущёвки» в собственную квартиру.

Была и у Кирилла такая же перспектива и в колхозе в своё время, что и сманило, совместно с должностью инженерно-технического работника. Да и ещё той, ласкающей глаз красотой и привлекательной неповторимостью местности, где была река, чем-то более спокойная от строптивого и вертлявого Миуса, степенным нравом, обилием камышей, раков, шук, церковь на высоком берегу и многим, что способно тронуть душу.

Можно ли его считать «летуном», что он с трудом рассчитался через полтора года работы, которая ему нравилась? Зарплата в 110—120 рублей, но в колхозе, где жить приходилось у сестры, а питаться большей частью в столовой, где обед стоимостью 30 копеек, с прекрасным приготовлением, в котором мяса не наблюдалось только в компоте — тоже в принципе устраивала, ведь сколько нужно холостяку.

Но вот это крайнее и стало причиной того, что он пошёл «на взлёт» несмотря на то, что его всесторонне удерживали, и руководство, и трудовой коллектив — это было бесспорно. Не только потому, что из местных девушек Кириллу никто не пригляделся, ни к кому душа не лежала — не судьба, если иначе. Ещё была одна причина — он ни на кого и смотреть не хотел после предательства девушки, ещё когда проходил службу, а она его не дождалась.

Нужно было что-то менять в жизни... и он ушёл. Он ушёл несмотря на то, что он совершенно не знал, куда после этого устроится на работу, он порвал с этим селом, которое ему нравилось, как никакое другое, кроме своей малой родины, рвал «наживую», рвал «без наркоза», рвал так, чтобы ощущать при этом боль, как мазохист.

О чём он позже жалел? Об одном, о людях. Какие там были замечательные люди. И простые люди, механизаторы, животноводы, учителя сельской школы, воспитатели детсада, парни сельского ВИА (вокально-инструментального ансамбля) «Тузловские ребята», которые заказывали такие танцевальные вечера — городские тихо бы и с завистью покуривали в сторонке, если бы знали, как можно доехать до этого, забытого богом, «затерянного мира».

Но он слышал зов, этот глухой, тихий, даже беззвучный, kloкочущий, как молодой, только родившийся, пробившийся из земли, но не природный, а душевный родничок. Он kloкотал, он звал, он пытался размыть плотину душевной тяжести и неудовлетворённости, проложив русло изначально ручью, а затем, подпитываясь, превращаясь в судьбоносную реку, реку жизни.

Он получил здесь за эти полтора года многое, впитав в себя и обогатив свой духовный мир и профессиональный потенциал, что позволяло, как и оперившимся птенцам, вылетать из гнезда в самостоятельный полёт. Но он не улетел, как «летун». Он ушёл. Он ушёл без тяжести на душе, она растворилась в том море позитива и все прекрасного, что дало стимул жить и «искать себя» в этой жизни. А «потерять» себя можно не только в «затерянном мире», а наоборот, в большом городе, в мегаполисе, где тысячи и миллионы людей вокруг, а ты потерялся, как в дебрях, как в тайге.

Вот этого он точно не хотел. Он был в «поисках себя»... Он ушёл, чтобы найти себя.

2

Кирилл Мельник в эти годы ещё лично не был знаком с Василием Ивановичем Манченко, главным агрономом района, кандидатом сельскохозяйственных наук. Темой кандидатской диссертации учёного агронома стала «Водная эрозия почвы в юго-западных районах Ростовской области и меры борьбы с нею», которую он защитил в 1974 году. Работая главным специалистом в управлении сельского хозяйства района, он изучал проблемы водной и ветровой эрозии на полях хозяйств района, на приазовских чернозёмах, богатых гумусным слоем.

Памятными стали те годы, когда сильные восточные ветры изначально выдули весь снег с полей и принялись «слизывать» вымороженную до пылевидного состояния почву пашен паров или обработанных осенью дискованием или культивацией поля. Это было и в 1961—1962 годах, и в 1967-м, было и в 1969 году, и уже совсем недавно, в прошлом 1982-м году. Пыльные бури того 1969 года, когда Кирилл, четырнадцатилетним подростком, жаркими летними днями, будучи на каникулах с ватагой пацанов, на велосипедах устраивал велопробеги по тем местам, где под толстым слоем пыли за густыми, старыми насаждениями лесополос в пыльных бурханах отрывали сохранившийся снег и играли в снежки. Он очень хорошо запомнил. Нонсенс?! Скорее, это стихийное бедствие. Во-первых, снег, который весной мог стать влагой для почвы с полей выдуло и, к тому же и самый плодородный слой самой почвы складировало бурханами за лесополосами или там, где рельеф позволял завихрением делать снежные и земляные сугробы.

А совершенно недавние события, когда уже с декабря 1981-го по февраль 1982-го ветра выдували снег, затем уже почву, снова снег и таким образом формирую «слоённый пирог» в местах снижения напора ветра, за преградами, за лесополосами, изменениями рельефа и прочими. Обычно в марте месяце в этих краях весна уже предъявляла свои права зиме, снег таял, а в другие годы даже появлялись «февральские окна», когда снега уже не было и трактора выезжали, и проводили «закрытие влаги», и другие подготовительные работы перед посевами или подкормку озимых.

Международный женский день в том году не забыть никогда. И не только потому, что в семье Кирилла состоялось неожиданное событие — приехал без предупреждения друг-однокурсник с женой. И тем самым праздничные дни должны были быть приятными и не только воспоминаниями. Семь лет они не виделись. Ну и женщины познакомились тоже, и была возможность поддержать на руках трёхмесячную дочурку Кирилла и Любаши.

Все эти дни, чтобы ощутить то, что происходит на улице, можно было не только по завыванию ветра в печной трубе, серости и даже темноты на улице, если смотреть через подтаявшие оконные стекла, но и по скрипу на зубах. Это пыль и песок находили где-то в рамках и неизвестно как щелки и осаждались кругом и везде.

Друг Саня предложил Киру:

— Кирюха, когда ещё нам придётся приехать в гости, может быть, скоро и нас будет «спиногрызик»...

— Саша, разве можно так о том маленьком счастье говорить? Вот смотри на Верочку, ангелочек, Божий дар. А ты, крошек так, «спиногрызы», — не выдержала его жена, Ира.

— Дорогая, я же ласкательно-уменьшительно и шутя, студенческий жаргон...

Потом что-то «перетерев», то да сё с Кириллом, Саня обратился к женщинам:

— Погода нелётная, но мы же мужики-добытчики и кормильцы семей. Не посылать же вас в магазин за хлебом, да и того, как его... Тоже бы не мешало к обеду прикупить. Мы прогуляемся, а вы не скучайте и не будет с кем «лаяться». Так ведь?

— «Хозяин собаку на улицу не выгонит», а вам и пыльная буря в радость, заблудитесь, заблукаете... — вставила аргумент и Люба.

— Знаешь, женщина, «хороший матрос познаётся в скверную погоду», мы по гирокомпасу пойдём, — привёл контраргумент Кирюша и друзья быстро удалились через зимнюю кухню, где мать Кирилла готовила обед, а отец в своей келье по соседству зарылся в газетах.

С трудом открыв калитку, отгорнув ею наносы земли, вышли на улицу и в тот же миг стали гонимы попутным восточным ветром «весенней» пыльной бури. На часах было около 11 часов дня, а темень, как в восемь часов вечера и даже хуже, так как не видно ни-че-го, ни домов, ни дороги, ни неба — такая сплошная пыль, что туманы Балтики отдыхают. Идти было легко — поднимай ноги и тебя несёт, да и сдерживать порывы приходилось, чтобы не бежать, т.е. сдерживать «на тормозах».

Дошли быстро, хоть и идти пришлось почти два километра. Никого из людей не встретили. Во-первых, сегодня праздник. Во-вторых, не все такие бесшабашные, как эти два молодых человека, которые во время учёбы ещё ни то могли отчубучить. Магазины и пив-бар «Скиф», к счастью, были открыты. Бармен был рад немногочисленным клиентам, хоть и выручки сегодня ждать не приходилось.

Первые кружки пива были потрачены на то, чтобы смыть песок с зубов, языка, всей полости рта и глотки. «Волосяные фильтры-отбойники» не успевали справляться со сплошным пылевым потоком. А что говорить за бронхи? Но сейчас они об этом не думали. Нужно было многое рассказать. Сколько всего произошло, разве на это хватит два-три часа.

Саня, после окончания института, работал аспирантом в НИИ (научно-исследовательском институте), темой диссертации была «Послеуборочная обработка зерна. Транспортёры...», что-то в этом роде. У Кирилла: служба, работа в колхозе бригадным механиком и теперь инженер-комплектовщик, год, как женат, дочка... Вспомнили самые запоминающиеся моменты из студенческой жизни, друзей и товарищей-однотруппников. Взяли чего покрепче, вспомнив поговорку «пиво без водки — деньги на ветер». Можно было сидеть и сидеть, говорить и говорить, но... Бармен, проводив парочку «подлечившихся» мужичков, подсел к столу Кира и Сани, и... Не с пустыми руками. «Хорошо сидим» — так можно назвать вот эту тройку за столом.

А время неумолимо. С большой долей уверенности можно было догадаться, что там в доме, продуваемом восточными ветрами, так как за ним на восток уже домов нет — поле, где не только молодые женщины переживают и ждут супругов, но и родители Кирилла.

Выбрались вялыми ногами по ступеням бара наружу. Пополнили запасы горячительных напитков в гастрономе по пути и продуктами. Идти назад нужно было на подъём и против ветра. Вот теперь нужно было наклонять туловище под «угол атаки», как режущей части орудия или инструмента или «взлёта», как закрылки крыльев самолёта. Но взлететь-то всё равно не получится и не только потому, что «взлётная масса» прилично увеличилась — «перегруз», просто скорости разгона достичь никак не получалось, шли «по-ленински» — «шаг вперёд, два шага назад». Благо, что ещё авоська не обладала парусностью, хорошо продувалась, а иначе не дойти нашим друзьям до дому.

Дышать совсем неумоготу, вместо марлевых повязок, дышали через вязанные перчатки. Да ещё как-то ухитрились по дороге раза три покурить. «Приплыли из «автономки» живые, но «уставшие».

И было же это не в фильме о пустынных бурях, да и не о морских штормах, а наяву.

Скорее всего, благодаря именно Василию Ивановичу Манченко и производился набор трактористов в мехлесхоз, т.к. планировались большие объёмы лесонасаждений, продиктованные уже совсем свежим случаем губительной ветровой эрозии в районе, да и не в одном. Кто же он такой, этот Василий Иванович Манченко?

Раньше говорили о таких так — человек на своём месте. Это если совсем ничего о нём не сказать. До войны успел окончить сельскохозяйственную академию им. Тимерязева, знаменитую «тимерязиевку». Фронт, ранение, демобилизация после ранения. А дальше трудовая деятельность на землях Примиусья. Работая уже главным агрономом районного управления сельского хозяйства, Василий Иванович встречал рассветы в поле и провожал закаты там же. Он знал все сельскохозяйственные уголья района, границы хозяйств, рельеф, состав почв и многие те тонкости, которые нам ни о чём не говорят, а для него эта информация — кладёзь, на основе которой составлялись севообороты, разрабатывались мероприятия по защите почв от ветровой и водной эрозии.

Манченко защитил кандидатскую диссертацию за актуальную тему по защите земель Примиусья от водной эрозии. Ему было присвоено почётное звание «Заслуженный агроном РСФСР».

Сильной водной эрозии подвергались больше всего земли района, расположенных на сложном рельефе Донецкого кряжа, вдоль правобережья рек Миус и Крынка. Для минимизации вредных последствий водной эрозии Василий Иванович заключил договор с Новочеркасским институтом виноградарства и виноделия на освоение на землях района перспективной системы — нарезки горизонтальных террас для посадки лесополос по горизонталям. Планировалось высаживать сосны, акации и кустарники. Кроме этого, поперёк склонов нарезались канавы, задерживающие водные потоки и позволяющие воде впитываться через взрыхлённый слой целинной почвы. Когда шло таяние снегов или шли интенсивные дожди — большая часть влаги этими канавами собиралась, задерживалась и уходила под землю, не вызывая образования на склонах и полях новых оврагов и смывов. Большинство склонов планировалось засадить деревьями.

Но на этих мероприятиях Василий Иванович не собирался останавливаться. В колхозах по старинке выполняли глубокую пахоту с оборотом пласта почвы. Он узнал о технологии учёного-практика Т. С. Мальцева о безотвальной обработке почвы, что позволяло сохранить плодородный слой почвы от ветровой эрозии. Кроме того, Мальцев рекомендовал чередовать глубокую безотвальную обработку плугами без отвалов с поверхностной обработкой дисковыми лущильниками. А сверхглубокая обработка проводилась только в первой ротации севооборота для создания предпосылки глубокого проникновения корней, влаги и воздуха в толщу почвы. И вновь учёный агроном загорался желанием внедрить эту систему обработки, с учётом местных климатических, почвенных и рельефных условий.

Василий Иванович ездил в те области и районы, где эти технологии уже опробовались и применялись. И после настаивал на том, чтобы как можно больше руководителей колхозов и совхозов, их главных агрономов съездили в командировки, чтобы воочию увидеть весь технологический процесс на практике.

Пришлось, конечно, Василию Ивановичу убеждать и руководство района, и руководство хозяйств в перспективности перехода на безотвальную обработку почвы. Хозяйства стали приобретать стерневые сеялки и плоскорезы, хоть в те годы такие орудия были большой редкостью. Благодаря этой технологии в районе сошла на нет проблема с пыльными бурями, бури-то остались, а результат её применения «стоил свеч».

С Василием Ивановичем Кирилл смог лично познакомиться и даже работать вместе в образовательном заведении лет пять плечом к плечу, но это произойдёт через 11 лет, когда плоскорезная обработка почвы и посев озимых культур стерневыми сеялками применялся уже в районе повсеместно. А сейчас нужно было претворять в жизнь его первое «детище» — выполнение лесонасаждений по склонам для предотвращения водной эрозии. А также с этого года Василий Иванович «пробил» своё предложение, и оно было в конце концов утверждено на самых высоких инстанциях — «разбивать поля поперек розы ветров по всему району на более мелкие», чтобы расстояние между лесополосами не превышало 400—500 метров. И вот эту

задачу пришлось решать мехлесхозу по всем трём соседним районам, а в большей степени в Матвеево-Курганском.

Но не будем забежать наперёд на года, а лишь немного приоткроем завесу времени. И вот уже через 2—3 месяца после того, как Кирилл устроится на работу в мехлесхоз, об учёном агрономе ему расскажет его старший наставник, Василий Иванович Портнов. Это будет тогда, когда производственное звено, состоящее из двух машинно-тракторных агрегатов (тракторов Портнова и Кирилла с рассадопосадочными машинами) и автомобиля с бригадой женщин-сажальщиков и людей из администрации и разнорабочих в качестве уплотнителей рассады и собственно говоря самой рассады, заготовленной с вечера в питомнике лесничества.

Василий Иванович Портнов спросил тогда сравнительно молодого тракториста:

— А ты знаешь по чьей это воле мы будем эту работу с тобой выполнять? Даже я последний раз это делал лет десять назад, не считая посадки сосен на террасах.

— Откуда мне это знать? — возмутился Кирилл.

— Я думал, что ты учёный, в институте учишься и труды нашего земляка и моего тёзки знаешь. Ладно, смотрю, что у тебя уже дым из ушей пошёл, похлеще, чем из выхлопной трубы при нагрузке... — это я о своём тёзке, его зовут Василий Иванович Манченко, нашу знаменитость районного пошиба даже в соседних районах уже знают. Он меня промурыжил на террасах, дня три не отходил на горе в Александровке, пока и не закончили нарезку террас и посадку сосен. Хваткий мужик. На что я — не тюха и то «до белого каления доводил». Как я только его выдерживал. Благо, что рядом лесничий постоянно крутился — иначе бы...

— А что иначе, Василий Иванович, нельзя было с тёзкой поговорить? Матом бы укрыли его или аргументом в виде крепкого рабочего кулака?

— Да, нет, конечно. Ему уже лет где-то шестьдесят пять, а я хорошо родителями воспитан был, да и сейчас матерюсь очень редко, если допекут. Но умеет он, ядрёна вошь, достать, ох и умеет. Что клещ, вцепится и грызёт, пока не сделаешь то, что он попросил.

И так и случилось, что вскоре Мельник смог лично увидеть этого молчаливого в основном, постоянно находящегося в движении, в дождевике, выдавшей виды фетровой шляпе и кирзовых сапогах, расхаживающего по террасам. Он нагибался, ковырялся в почве, замерял линейкой, но на этот раз до прямого контакта учёного и недоучки не дошло.

Он ушёл... Он ушёл из «Райсельхозтехники» и тому была причина, со слов самого Кирилла — малая зарплата, на которую невозможно было содержать семью. А вот интересно, а были ли другие причины, по которым он так же мог, не оглядываясь уйти или эта материальная была единственной? Ну, если бы Кирилла попросить ответить, положив руку на сердце, то услышали бы следующее.

Работа была совершенно несложная, он в полной мере владел всеми необходимыми компетенциями и в принципе, если смотреть в плане перспективы, то должность «тупиковая». Было много, несколько десятков должностей, на которые, в случае необходимости, можно было без проблем перейти. Но они мало отличались спецификой, так как в большей части относились к самому крупному подразделению, которое занималось организацией технического обслуживания машинно-тракторного парка колхозов, совхозов и промышленных предприятий сельскохозяйственного комплекса.

В случае появления вакансии на какую-либо должность, можно было перейти на работы в отделы, стоящие на одной линии вертикали организационной структуры. Например, начальник СТО-Т (станция технического обслуживания энергонасыщенных тракторов), тот же руководитель СТО-А автомобилей, МЖФ (механизации животноводческих ферм) или нефтехозяйств обслуживаемых предприятий. Что это давало? Зарплата с прибавкой в 10 рублей, по сравнению с той, что он получал инженером-комплектовщиком, а головной боли и ответственности увеличивалось в разы. Ещё выше на ступень — это должности заместителей управляющего.

Для этого нужно «подсидеть» или своего непосредственного начальника, Алексея Павловича или главного инженера Ивана Васильевича. Но для этого ещё, как минимум, нужно было всё-таки иметь законченное высшее образование.

Была у Кирилла мечта стать главным специалистом предприятия? Ни-ког-да! Почему? Просто он очень рано понял, что это не его. Да, была мечта у него, стать классным специалистом ремонтного производства, но в линейке специалистов среднего звена с должностью заведующего мастерскими, как «потолок».

И мало сказать, что было желание стать заведующим мастерскими и всё. Он именно хотел быть профи во всём, во всём, что будут обслуживать и на каком оборудовании работать — всё это он хотел знать на уровне не ниже рабочего 3-го разряда. Но хотеть и уметь — это большая разница.

Коротко и конкретно об этом. Слесарное дело он знал довольно хорошо, и теория имела, и практика приличная, включая выполнения капитального ремонта трактора ДТ-75М, который он провёл от «А» до «Я». Станочное дело, выполнение несложных токарных работ 2-го разряда, фрезерных и строгальных работ намного лучше, сам себя мог оценить на 3-й разряд. Работу слесаря по ремонту топливной аппаратуры выполнял по полному перечню и даже мог заменить, в случае необходимости рабочего. Медницкие работы освоил полностью и профессиональные навыки были не ниже медника 4-го разряда. Дефектацией и комплектацией Кириллу приходилось заниматься, в соответствии с должностными обязанностями.

Кроме того, за три года работы в «Райсельхозтехнике», три сезона он неизменно выезжал в родной колхоз на уборку, в качестве комбайнёра. И работу комбайнёра освоил основательно, и устройство, особенность регулировок, характерные неисправности и их устранение, не в лаборатории СХМ (сельскохозяйственных машин), а на практике освоил. Три года работы под руководством Алексея Павловича не прошли зря. Кирилл сам «выковывал» из себя техника-профи.

Но он ушёл? Да, он ушёл. Он освоил практически всё, с чём приходилось соприкасаться так или иначе, но ушёл.

Но и ещё многое у него в жизни изменилось. Он женился, он нашёл свою судьбу. И это один из ответов на вопрос, почему Кирилл рассчитался из колхоза, расположившемся в «затерянном» мире. Но, если бы эта девушка, которая стала судьбой, жила в том мире — никогда не ушёл бы и, получив четырёхкомнатную квартиру жили бы припеваючи. Но он ушёл... Снова ушёл.

3

Александр Григорьевич, главный механик мехлесхоза, с которым Кирилл разговаривал предварительно ещё до того, как рассчитался в «Сельхозтехнике», встретил нового тракториста в конторе, которая располагалась в пятнадцати минутах пешего хода от дома. Он вкратце рассказал о видах и особенностях выполняемых работ, их отличие от работ в сельском хозяйстве.

— Занимаемся мы посадкой и уходными работами за лесонасаждениями, есть 80 гектаров земли, занятые зерновыми, три квартала грецкого ореха, объекты работ по всей территории района; в зимнее время заняты тракторы на транспортных работах, хозяйственные грузы и вывоз древесины из лесных кварталов, обслуживание и ремонт тракторов и инвентаря. Вопросы?

— В объявлении сказано о зарплате в 200 и более рублей. Это так или замануха?

— От выработки в большей степени зависит, но в этих пределах, верно. На ремонте, сам понимаешь, поменьше будет, — посмотрел на часы и заспешил. — Если всё понятно, мне нужно бежать. К секретарю подойдёшь, поможет заявление написать, и к директору, директор подпишет. Да, медкомиссию пройдёшь. Трактор в лесничестве примешь. Знаешь где это?

— Нет, никогда не был в лесничестве.

— Так это не в посёлке, в двух километрах на север, там наше лесничество. У нас в лесхозе три лесничества, ещё есть в двух соседних районов. Когда оформишься, в 7—30 транспорт, грузопассажирское такси от конторы уходит в лесничество. Там главный лесничий Николай Константинович Гордов и механик Иван Захарович. Трактор, хоть и не новый, но на ходу.

Собрался уходит, повернулся, видя, что Мельник стоял неподвижно, как в ступоре, улыбнулся и спросил:

— Ты говорил, что работал в «Сельхозтехнике» инженером? «Вышку» заканчивал или техникум?

— Да, инженером-комплектовщиком, ни то и не другое — незаконченное высшее. До службы три курса закончил...

— А я Сальский сельхозтехникум закончил. Так что сможешь вскорости и моё место занять. Я может ещё годик и, думаю уйти. Да и в лесничестве механик с четырьмя классами, на пенсии уже...

— Я — не карьерист. Мне нужно семью кормить и никакой работы я не чураюсь.

— Ну и ладно. Занимайся, — главный механик посмотрел на часы и заторопился.

Оформление много времени не заняло, один день ушёл на медицинскую комиссию, второй день на приём директора и оформление в отделе кадров. Директор изначально оставил у Кирилла приятное впечатление очень делового человека, видного и собой, и в кресле директора в кабинете без излишеств, но уютном, когда посетитель не усаживается на расстоянии, чтобы между ним и директором располагалась «защитная» зона, как «нейтральные воды» в море. Наоборот, он приглашал присесть в непосредственной близости, как для дружеской беседы, только без чая и прочих признаков гостеприимства. Быть может, первое впечатление было и обманчивое, на то и рассчитанное, чтобы вызвать у посетителя вот такое приятное впечатление. Это только проверка временем сможет или подтвердить или доказать обратное.

— Мне интересно, что побудило вас сменить костюм специалиста на робу тракториста, — с улыбкой спросил Андрей Владимирович.

— Банальный финансовый вопрос, нехватка ставки инженера на семейные нужды. Да и работа тракториста, обработка земли, другие сельскохозяйственные работы мне по душе. Я люблю технику и работу на земле. Потому и выбор такой.

— Понятно. Ну у нас и перспектива для роста есть, и то, от чего хочу вас предостеречь. В лесничестве коллектив специфический. Надеюсь, что вы вольётесь в него бес проблем, но будьте разборчивы в дружеских и товарищеских отношениях.

— ??? — Кир сделал удивлённое лицо, не понимая, о чём идёт речь.

— Буквально через неделю, не более, вы всё поймёте. Удачи в труде! Иван Захарович, он опытный человек, ветеран войны, коммунист, объяснит все на мете. Как говорится, проведёт инструктаж на рабочем месте. Так же у вас, у технарей говорят?

— Точно так. Вводный инструктаж уже получил, первичный инструктаж на рабочем месте завтра уже на месте...

— Тогда не задерживаю. Да и робу с собой возьмите, у нас с этим напряжёнка.

Утром, Кирилл, с «тормозком» на перекус в дерматиновой сумке и термосом для чая, морозным январским утром, пряча шею в плечи, под шерстяной шарф, с откинутым высоким воротником рабочей, непродуваемой тёплой куртки из плотного, прочного и практически не промокаемого материала. Её наделил ему отец, так как в свои 56 лет он работал в котельных, и она ему было только нужна, чтобы дойти на работу и с работы, а сыну, придётся находиться на холоде целый день. Как потом уже Кирилл поймёт, у этой куртки был один серьёзный недостаток, она будет стеснять движения во время управления трактора в тесной кабине. А в остальном, для морозов в пределах до минус 20-ти градусов и более — благодать.

Через пятнадцать минут Кирилл был уже во дворе мехлсхоза. Грузовой автомобиль ГАЗ-51А, с тентованным кузовом стоял «на парах», весь укутанный выхлопными газами с водяными парами, которые из-за тихого морозного утра, вырвавшись из «топки» железной машины и получив «стресс» резким перепадом температуры и давления, растерянно искали для себя направленное русло, но не найдя и ощутив полную свободу, разбегались и растворялись под кузовом, и обтекали задеревеневший на морозе брезентовый тент, открывали просторы необозримой выси.

Людей во дворе видно не было. Кир, сняв шерстяную перчатку, закурил за компанию с прогревающимся движком «газона». Из левого окна конторы и через узкую щель входной двери пробивался свет, крыльцо было освещено наружным фонарём, установленного на электрическом столбе в трёх метрах от крыльца.

Входная дверь с трескучим скрипом отворилась и из коридора стали один за другим выходить люди, мужчины и женщины. Впереди идущий невысокий мужчина лет 50-ти, жестякулируя и идя вполоборота к высокому, худощавому человеку с морщинистым лицом и орлиным носом, с портфелем на два замка под мышкой, похожим на ученический из чёрного кожзаменителя под крокодилью кожу, покачивал головой, покрытой замятой кроличьей шапкой, и повторял:

— Да ладно... Быть не может... Да, ты, что?

Весёлый рассказчик, увидев Кирилла, остановился и хрипловатым голосом спросил:

— В нашем полку прибыло? Новый «фордзоновец»? — не дожидаясь ответа, скомандовал. — Запрыгивай в кузов и занимай место, согласно купленного билета. Места инвалидов и заслуженных лесорубов юга России не занимать.

Подойдя ближе и увидев растерянность, мужчина расплылся в улыбке и, протянув короткую руку, с плотной, мозолистой ладонью, крепко пожав Кириллу руку, добавил:

— Будем знакомы, Александр Монахин, водитель зверь-машины. Можно и дядя Саша. А, ты?

— Кирилл Мельник, новый тракторист, пока ещё «безлошадный».

— А это Пётр Семёнович, учётчик. Ругаться с ним не советую, от него зависит, какой будет зарплата.

Представленный Кириллу высокий человек, скорее всего, пенсионного или предпенсионного возраста, руку не подал, но весельчаку ответил:

— Не язык, а помело. Тебя нужно определить к бабам в бригаду, веники вязать. Ударником и даже победителем соцсоревнования в раз станешь, — первым начал подниматься по откидному трапу в кузов, открыв дверку заднего борта, взглянул на Монахина и переведя взгляд на Кирилла, добавил, — как будет работать, так и получать.

Кирилл пропустил вперёд женщин и невысокого, пожилого, худощавого мужчину в фуфайке и сверху её сварочной брезентовой куртке. Шапка-ушанка его была завязана тесёмками на затылки так, как любил завязывать отец Кирилла, Фёдор Филиппович. Да и по возрасту этот мужчина был примерно, как и его отец.

Поднявшись по трапу в кузов, Кирилл спросил:

— Все? Закрывать? — после одобрения, защелкнул накладную металлическую пластину «замка» на неподвижную часть борта.

Две передние лавки были заполнены, потому Кир присел ближе к борту на третью из них.

Автомобиль тронулся. По маршруту движения он дважды останавливался, где подбирали тех рабочих, которые проживали поблизости от остановки. Свободных мест почти не осталось. На первой остановке подседа пара, мужчина и женщина. Женщина беспрестанно говорила, мужчина сдержанно улыбался и говорил мало. Но, присмотревшись к ним, Кирилл понял, что они ему кого-то напоминают. И, как потом выяснилось, не ошибся. Это были родители, но разных детей, с которыми Кирилл работал в «Сельхозтехнике».

Женщина называла мужчину «батей», а тот обращался к ней, как «мать». Когда слова обсуждения той темы, которую они начали ещё на остановке закончились, «мать» обратилась к «бате»:

— Слышь, старый! А у нас прибавление, глянь! — указывая на новенького работника.
— Гля, та вин красавчик! Може усыновим?!

— Тиби шо, своих мало? Ладно, як горбушку хлеба на старости поднесут, а як кормить до пенсии самим придётся?

— Не, вин гарный хлопчик! Як тебя зовут, паренёк?

— Кирилл.

Хорошо, что под тентом освещённость была слабая и никто не заметил той краски, которой залилось его молодой лицо.

— Во, гля, твого сына зовут Виктором. Будет теперь ещё и Кирилл Николаевич, — «мать» закатилась залиvistым, добродушным смехом и добавила, — а у меня Серёжка и Кирилл или наоборот. Смотря как распределить по дате рождения. Кирилл, ты же не против, что мы стали тебе родителями... Крёстными, конечно?

— Буду только рад, — ответил Кирюха. — У меня, хоть и есть крёстные, но крёстного один раз видел, когда мне было 10 лет, а крёстную совсем ни разу. Они оба далеко, вечерю на кутю некому было носить.

— Во, видал, старый! А ты говоришь, «ны цыпляйся»...

«Газончик» выехал на грунтовку, занесённую снегом. Дорогу через маленькие окошка в тенте, покрытые изморозью, видно совсем не было, но ухабы и пробуксовка колёс ощущалась в кузове очень даже хорошо.

— Не дрова везешь! — раздался чей-то женский голос, с нескрываемой язвительностью.

— Запомни, сынок, — обратилась «мать» к Кириллу, — это «дорога жизни». Скоро ты в этом убедишься. Это ещё «цветочки», весной и осенью будут ягодки. Да, а меня можешь мамкой кликать, або Екатериной Ивановной. А остальных всех тётками, вони ж чужи для тебе, а я — мамка, роднюсенька.

Приехали на место. Вся дорога заняла минут двадцать. Осмотревшись, Кирилл понял, что место незнакомое и, если бы его здесь оставили одного, то он не понял бы в какую сторону ему идти домой, не учитывая следы автомобильных шин на заснеженной дороге.

Лесничий, мужчина плотного телосложения с чёрными аккуратными усами, выйдя из кабины автомобиля, направился к зданию с крыльцом. Вслед за ним туда же отправился и уже знакомый Мельнику учётчик. Поднявшись на три ступеньки крыльца, лесничий, обернувшись и громко сказал:

— Мельник, зайдите ко мне, — открыв ключом дверь, он растворился внутри, как и следующим за ним Пётр Семёнович.

Здание конторы было построено из бутового серого камня и оштукатуренного снаружи, на фундаменте высотой около метра. Внутри было холодно, централизованное отопление отсутствовало и водяное автономное от бытового котла тоже. Внутри была печь, контору протапливали время от времени дровами. Войдя в свой кабинет, лесничий первым делом включил электрический обогреватель. Кроме кабинета лесничего в конторе располагались кабинет младшего бухгалтера, которого чаще называли учётчиком. Ещё один кабинет, который совмещали друг с другом лесник и механик. Лесник постоянно здесь не пребывал, чаще всего находился на объектах: в кварталах лесонасаждений леса и лесополос, стоящих на балансе лесхоза; в весенне-летний период в трёх кварталах грецкого ореховых деревьев и в квартале орешника; в трёх кварталах сосен и пр.

Механик ездил на своём личном автомобиле ИЖ-2140, когда дорога была проездной, а лесник на служебном легковом фургоне ИЖ-2715, на простом языке автомобиль величали, как «пирожок».

— Присаживайся, — предложил лесничий, — мы только заочно знакомы. Я — лесничий районного лесничества, Николай Константинович Гордов. Руководжу работой на всех объектах лично, учёт выполнения производственных работ ведёт Пётр Семёнович, а работами по обслуживанию и ремонту тракторов и машин выполняются под началом механика Ивана Захаровича. Ты с ним ещё не знаком? — увидев отрицание, сделанное Кириллом головой, продолжил. — Примешь трактор по акту. Он тебя проинструктирует. Надеюсь, что сработаемся. Не против, что я на ты? Вот и хорошо.

Немного расспросив Кирилла о причине смены работы и планах, надолго ли хочет связать свою судьбу с лесхозом.

— Будем посмотреть, — ответил Кирилл и, промолчав, обдумывая, добавил, — я, вообще-то, не «летун». Если изначально всё понравится, то искать лучшей доли не стану, даже если помянут, суля «горы золотые». Такая натура...

— Это хорошо. — Лесничий, услышав звук подъехавшего автомобиля, оживился, заулыбался и добавил, — а вот и механик своей персоной, да и не сам, не стал рисковать — «Москвичом» сейчас к нам никак, его сын на УАЗе доставил. Ну иди, хотя я сам сейчас тебя Ивану Захаровичу представлю.

4

Иван Захарович оказался коренастым человеком, ростом ниже среднего и даже в одежде, по манере держаться и походке было понятно, что крепкий, энергичный человек, хоть по возрасту уже пенсионер, года два-три как.

— О, слава Богу! А я думал, что опять капитан Журков «декабриста» пришлёт или есть грех искупленный? — пожимая сначала лесничему, потом и Кириллу руку, улыбаясь и говоря медленно, как-то рассудительно, как умеют это делать старики, собравшиеся на посиделки где-либо на скамье, уперевшись подбородками в рукоятки тростей или чаще самодельных посохов.

— А с каких пор коммунисты стали в Бога верить? — улыбнулся лесничий. — Нет, Захарович, всё нормально. Парень — не возвращенец с «курортов» южного побережья морей Северного Ледовитого океана. По собственному желанию и с охотой. Готовьте себе замену, он у нас учёный тракторист.

— Да?! Интересно посмотреть. «Слипый сказав — побачим». Ну пойдём. Как тебя? Кирилл?! Пошли, трактор примешь и всё, что к нему прикреплено.

— Е-е-в-а-а-н... За-а-а... М-м-у... М-м-м... Р-р-р-а-а... — замычал, зарычал, жестикулируя перед механиком, подошедший тихо со спины крупный мужчина лет тридцати.

Кирилл узнал в нём того, которого подобрали утром, вместе с женщиной с крайней в посёлке остановки автобуса, при доставке рабочих на производственную базу. Они даже не поздоровались с теми, кто уже прогрел деревянные доски лавок и оставшийся путь молчали. Мужчина сидел на задней лавке, держась одной рукой за задний борт, а другой приоткрывал полог, прикрывающий проём и качал головой, толи в такт раскачивающегося на ухабах кузова, толи в так музыки, которая звучала у него в голове, толи... — только Богу то известно.

— Леша, иди-иди! Я сейчас приду, разберёмся, что там у тебя, — подталкивая глухонемого человека одной рукой и отмахиваясь другой, как регулировщик на перекрёстке, механик отправил его и глубоко вздохнув, уже обратился к Кириллу. — Лёша Басов, сварщик «от бога» и кузнец, и слесарь, мастер на все руки, и самоучка или чему их там в спецшколе глухонемых обучили.

Мельник огляделся вокруг, и рассмотреть всё ему позволил сделать рассвет, хоть и зимний, но предвещающий ясный, а стало быть, и морозный день. Все постройки на территории предприятия были выполнены буквой «П», если не считать одного низкого, скорее всего подсобного помещения, склада или сарая, который был расположен в дальней середине основания этой самой архитектурной буквы «П». В качестве верхней перемычки этой самой буквы было сравнительно длинное производственное помещение, куда после приезда сразу устремились все женщины. Как потом выяснилось, в тех помещениях женщины работали в основном зимой, когда уже нет работ на земле: плели корзины, вязали веники из проса или сорго, сбивали тарные ящики для фруктов, банок краски и пр. Там располагалось четыре основных просторных производственных помещений, обогреваемых теплогенератором (ТГЖ на печном топливе).

Перпендикулярно этому зданию, рядом с въездом на территорию расположен административный корпус, с комнатами для хранения ценных материалов, который Кирилл посетил первым. На удалении метрах в тридцати от конторы размещались два здания-близнеца. Это были общежития для рабочих, о которых, мы пока ничего не знаем — «тайна за семью печатями».

На противоположной стороне двора, параллельно конторе и общежитиям, грустный вид представляло видевшие виды в течении десятилетий длинное производственное здание, куда и направился Лёша, мастер на все руки и вскоре механик следом повёл туда и Кирилла. У ближнего угла здания стоял трактор МТЗ-80 и вокруг него неспешно делал обход высокий тракто-

рист, возрастом «пятьдесят плюс». Не новый трактор выглядел ухоженным, ни на агрегатах, ни под трактором на снегу не было видно ни подтёков, ни капель масел или топлива.

— Здравствуй, Василий Иванович! — громко приветствовал механик тракториста.

— Привет, Захарович! Что за делегация, по чьей честь?

— Коллега, в помощь тебе, Иванович. Новый тракторист, знакомься... Кирилл Мельник — это Василий Иванович Портнов.

Кирилл пожал сильную руку Василия Ивановича. А тот перед рукопожатием аккуратно протёр свою руку ветошью, которую не выпускал из рук, осматривая трактор...

— Это наша «хата», — ведя Кирилла дальше, пояснял механик. — Вот здесь «слесарка». Тут кое-какой инструмент и приспособления и лесорубы квартируют, цепи точат. А вон там мой «кильдым» (помещение, где полный беспорядок, в данном случае деталей и запасных частей), тут нужное и не очень, запчасти и материалы.

Вышли и обошли по двору здание, зайдя в другие двери, где их встретил Лёша. Он с интересом смотрел на то, что механик пришёл не один, как обещал.

— Кирилл, познакомься, но говори медленно, он по губам всё понимает, — Пётр Семёнович, предложив это, сам что-то жестами сказал, для разъяснения Лёше.

Кузнец, выслушав, широко улыбнулся и протянул Кириллу руку, сжав её так, что в суставах кисти послышался хруст.

— Здоровый, чёрт... — произнёс механик. — Здесь и кузня, и электросварка. Пошли дальше.

Не выходя во двор, прошли, обогнув горн с наковальней и вошли через дверь в перегородке. Тут было просторное помещение, где стояли два трактора марки МТЗ-50 «Беларусь», но внешний вид значительно уступал тому, какой был у трактора Василия Ивановича, они были лет на десять постарше и повидали в разы больше, чем их «брат» более современной марки. Пройдя мимо впереди стоящего «фордзона», механик остановился у дальнего, но и потому ближнего к въездным двухстворчатым распашным воротам.

— А это твой железный конь. Принимай! Осмотри пока, что и как, будь внимателен, а потом бумаги оформим. Тут отопления у нас в гараже нет. Переодевайся, если хочешь в «женском дивизионе» или вот тут. Шкафчик есть, вот «буржуйка». Топим опилками с отработкой. Дрова только для растопки можно чуток взять, иначе Пётр Семёнович ругается, если напилённые дрова с его склада «уходят». Опилки во дворе, под циркуляркой. Я пойду. Занимайся. Всё проверь и можешь заводить. Если в бачке бензина нет для «пускателя», придешь, бутылку налью.

Механик вышел, а вскоре в помещение, где стояли тракторы, и Мельник приступил к осмотру того, на чём ему придётся зарабатывать обещанные две сотни рублей, вошли кузнец Алексей вместе с Василием Ивановичем. Лёша шёл впереди вполборота к Василию Ивановичу и, жестикулируя со звуковой «декламацией» жестов, указывал на трактор, который осматривал Кирилл.

— Так что, как «зверюга»? — увидев изумление Кирилла, Василий Иванович, поняв это изумление и пояснил с улыбкой. — Конечно, с моим не сравнить, но при хорошем уходе, работать можно.

Так как Лёша уже дергал Портнова за рукав, тот отмахнулся и громко в лицо сказал ему:

— Лёша, ты горн разжёл? Давай-давай разжигай, потребуется. Будем культиваторные стойки рихтовать, — и, оттолкнув буквально в сторону входной двери Алексея, обратился уже к Кириллу. — Ну репей! Не дай бог, пристанет — не отцепится.

— Вы, как я понял, Василий Иванович, давно тут работаете? Хоть и говорят, лучше один раз увидеть, а в данном случае, опробовать, но что вы расскажите об этом труженике? — Кирилл похлопал при этом по почвозацепу шины заднего колеса.

— А шо тут скажешь, сам видишь, трактор виды повидал и хозяев поменял не мало, а были они разные и те, что жалели, и те, кто «убивал». Движок, как я понимаю, должен сезон

отходить при условии, если следить и пожалеть. Резина, конечно, не первой свежести и давно требует замены, но просить бесполезно, пока её «лысину» до диска не прорежешь культиваторной лапой или лемехом плуга, где-либо в грязи — будешь на этих работать. И если дадут, то какую-либо «Б/У», механик или из «Сельхозхимии» попросит ту, что выбросить ещё жалко, но в виде «жеста доброй воли» или, как говорят «дашь на дашь» — чаще всего вот так мы тут и живём. А на передок, если есть шофера знакомые, то можешь выпросить «газоновскую» в запас. С запчастями тяжело, только по мелочи могут подкинуть и ещё фильтры дадут поменять. Да, ты фильтры проверь, а то бывший коллега мог их вообще выбросить. А сейчас, сам понимаешь, зима, отстой замерзает и аппаратуру можно угробить. Ты бы сказал Захаровичу, чтобы он тебе хоть день дал, чтобы ТО (техническое обслуживание) провести, заодно бы и «болячки» трактора выявил.

— Спасибо, Василий Иванович! Я так и сделаю.

— Та нима за шо. Мы ж в паре будем работать и в лесу, и в поле. Только так и не иначе! Держи! — Портнов протянул свою руку и, пожав, закончил, — да и я техническим уходом займусь. Сегодня лесорубам наряд в лозняк, помогут бабам лозу заготовить, пока совсем не задуло, не замело. Удачи! Бачу, работаемся.

Кирилл, как и советовал опытный тракторист, отыскал механика, который отогревался в «женском батальоне» и за комфорт оплачивал байками, на кои был горазд, дождался окончания очередной байки и попросил добро на проведение в урезанном варианте ТО-1 трактора.

— Конечно! Я просто сам забыл тебе это сказать. Только масла менять пока нечем, разве что подлить, подойдёшь, выделю.

Кузнец Алексей разжёл горн и приступил к растопке «буржуйки». Раздобыл коры и мелких веток, а заодно и несколько напиленных чурок дров, небольшого диаметра, оросил их соляркой и поднёс через открытую дверку зажжённую газету. Внутри металлической топчи что-то заурчало, пустило сизый дымок и, сделав хлопок, занялось, заматавшись в поиске выхода, а с закрытием дверки устремилось в прямоточную трубу. Через три минуты печь уже гудела, а Лёша что-то «мурлыкал» про себя и совком подбрасывал опилки, пропитанные отработкой масел в смеси с дизельным топливом.

Кирилл подошел к нему, вытер замасленные руки тряпкой, достал сигареты и предложил Лёше.

— Фа-а-а! — гулко произнёс немой, достал из своего кармана такую же пачку «Примы» и, заулыбавшись, сделал жест сжатого кулака с поднятым большим пальцем вверх, как бы одобряя предложение и провёл этим же большим пальцем от кончика носа вверх ко лбу.

«Буржуйка» гудела, от неё исходило тепло, даже жар, а потому курильщики отставили широкие чурки дров, используемые вместо табуретов и с наслаждением, пускали дым в сторону печки, тепло которой моментально подхватывало его своим теплом и поднимало под закопченный подволок.

После перекура, увидев, что Кирилл собрался запускать двигатель и взял в руки видевшее виды оцинкованное ведро, Лёша указал рукой в сторону цеха ширпотреба, пытаясь объяснить куда ему идти:

— Ф-фа-та-а та-а, фа-та-а та-а-м.

Принеся воду, Кирилл приступил к запуску пускового двигателя кожаным шнуром, называемым между трактористами шворкой, который отыскал в инструментальном ящике. Лёша стоял в сторонке и с улыбкой наблюдал. После нескольких неудачных попыток, дёрнул Кирилла за рукав и показал жест, как выпивают из стакана воду или чего покрепче. Кирилл понял, «пускач» «просил сто гамм для опохмелки», как шутят трактористы.

Открыв и повернув набок крышку заливного крана, он снял топливный шланг с карбюратора и предоставил вспомогательному двигателю ликвидировать утренний «сушняк». Движок

с полпинка, хоть и неустойчиво запустился, и медленно стал набирать обороты. Настывший дизель, отобрав большую часть мощности «пускатча» без малого не уgomонил его, но Кирилл успел поработать тягой привода заслонки карбюратора, обогатив горючую смесь бензином и холодное, вязкое моторное масло нехотя отпустило шейки коленчатого вала дизеля из своих цепких объятий, в которых они провели долгую и холодную зимнюю ночь.

Заработал дизель, щедро заполняя помещение едковатым сизым дымом. Лёша бросился в распашной двери, выдвинул засовы и резким нажатием распахнул ворота. Поток морозного воздуха устремился по-над бревенчатым полом, высланным из подручного материала, т.е. древесных чурок, что Кирилл понял только сейчас при дневном свете, достиг «буржуйки», заставив её «замереть» на мгновение, как раскалённый металл в холодной воде при закалке, но без звука «пши-и-и-к», чтобы затем завить сызнова зычным гулом в дымоход. Свежий воздух поднимал медленно дымовую завесу в гараже, как камера заднего колеса трактора «Беларусь» поднимает трактор, если её качать ручным насосом, к самому подволоку и вытянувшись бородой к распахнутым воротам, вытекал, облизывая верхний брус каркаса и фронтон здание, рассеял её, смешав с рассеивающимся туманом утренней изморози.

Кирилл повернулся к кузнецу и с благодарственным поклоном, медленно и громко произнёс:

— Спасибо!

Тот в ответ закивал головой, удовлетворённый тем, что без него тут ничего не освятится. И как покажет время, всё так и было. Он был действительно мастер на все руки и даже, если в чём-то не очень разбирался, всё равно стремился оказать посильную помощь. И тем более, что часто, когда трактора покидали территорию базы лесничества по нарядам и механик не мог придумать ему работу или погода не позволяла возиться с техникой, ремонтируя и готовя к весенне-летнему сезону, он изнывал от безделья и готов был делать любую работу.

А вот чего нельзя было сказать, так это о его жене, также глухонемой Татьяне, добротной бабе, но и такой же ленивой, как принцесса на горошине, неженке и с запросами, как будто она особенная, каких-то чистейших царских кровей. А если её копнуть чуть глубже, то, возможно, она и детдомовская. Они с мужем часто «цапались», грызлись, если это так можно назвать их глухое бурчанье и мычание или вообще мимическую и жестовую перепалку в полной тишине. Что они делили, и почему не могли прийти к компромиссу, один бог знает. Но это Кириллу ещё предстояло узнать, как и все те тайны и секреты, которые, если и были пока тайнами, но немногим, среди которых пока был и сам новенький член трудового коллектива, тракторист с незаконченным высшим образованием и большим желанием трудиться, тем более что эта работа ему нравилась.

Кирилл уже неделю работает в лесхозе. За это время успел, хотя бы поверхностно, познакомиться с трудовым коллективом. И в отличие от того, с чем ему предоставилась возможность работать в родном колхозе и тем более с коллективом производственного подразделения «Райсельхозтехники», этот трудовой коллектив был по сравнению с ними не просто «небо и земля» — это дальний, неизведанный и от этого более желанный и манящий космос и многокилометровые глубины земных недр, хоть и не Царство мрачного Аида, но то общество, с каким молодому человеку ещё не приходилось сталкиваться. Но всё в нашей жизни когда-нибудь бывает впервые: и радостное, и грустное, и привычное, и даже обыденное, и то, что в голову никак не укладывается с вопросом — как?

Ещё предстояло познакомиться и узнать «кто чем дышит», из тех, с кем он приезжал из посёлка на работу. Зачем? Интересно, с кем судьба свела его на этот раз. Ведь пересечений судеб, как считал Кирилл, случайных не бывает. Он только и успел в первый день и познакомиться чуть-чуть и даже обзавестись крёстным и крёстной, чего ему всегда не хватало, хоть и не всерьёз, в шутку, но всё равно, было как-то приятно на душе. Ещё предстояло узнать, что

от кого можно ожидать, кому можно довериться во многом, а кого нужно обходить стороной. Хотя Кирилл был с открытой душой и жил открытой жизнью, ничего такого, что нужно было скрывать, держать в тайне, у него ни в душе, ни за душой не было.

А что представляло население, проживающее непосредственно на месте производственной базы лесничества — это тёмный лес, но с чём придётся рано или поздно столкнуться в трудовых отношениях так или иначе. Были рабочие и из соседних сёл, как тракторист Александр Рагозин, но он несколько дней толи болел, толи отходил до сих пор от очередной зарплаты, сам из села Ротовка, расположенном в двух километрах на восток от лесхоза. Или ещё те, которые придут через полгода и на смену этому трактористу, и из-за увеличения объёмов плановых работ из посёлка плодосовхоза, расположенного в 2—3 километрах западнее — если проложить прямую линию через бездорожье и старое русло реки, давшей название всем прилегающим к ней землям, как Примиусье, а также через кварталы садов.

Но всё же основной контингент рабочих — это жители районного центра и большая часть которых проживала в непосредственной близости или от конторы, или от самого лесничества, то есть в северо-западной части посёлка. Часто эту окраинную часть посёлка называли «колхоз», т.к. третья часть трудоспособного населения трудилась в местном колхозе, который буквально окружил посёлок, но больше все земли протянулись на восток и на запад, за реку. Здесь же, на северной окраине располагался и зерновой ток, и оборудования для сортировки зерна, послеуборочной его обработки, и амбары, и мельница. Рядом же с колхозными застройками и территориями соседствовала производственная база рыбхоза. Хоть стихи сочиняй с подходящими для рифмовки словами названия основных производственных отраслей: колхоз, рыбхоз, лесхоз. Вот только комунхоз (упрощённое название жилищно-коммунального хозяйства или ЖКХ) выбился из этого «братского соседства».

Центральная же часть посёлка и его южная часть приютила десятки промышленных, технических, технологических производств и транспортных предприятий: «Райсельхозтехника», «Райсельхозхимия», элеватор, комбикормовый завод, мясоптицекомбинат, «Райпищекомбинат», «Автодор» — автотранспортное предприятие, ДРСУ (дорожно-строительное ремонтное учреждение), «Трансельхозхозтеника» (автотранспортное предприятие), АТК (автотранспортная колонна), ... Называть и называть, всех и не упомянуть сразу. А ещё говорят, что «застойные времена» настали. Но ведь всё работает и даёт продукцию, и даёт прибыль, и посёлок развивается, и строительство ведётся, и ведомственное, для рабочих и служащих, и личное или частного сектора. А ведь продукцию и промышленных, и сельскохозяйственных предприятия знали не только жители района и области, но и далеко за их пределами. А сейчас пришла очередь и «захромавшему» мехлесхозу возродиться, как птица Феникс. Что? Да при чём здесь Кирилл Мельник? Хотя, это уже капелька того возрождения, подъёма на более высокий уровень. Нет не потому, что он будет за семерых работать, а потому, что объёмы работ с этого года должны были многократно вырасти, а стало быть, потребуются человеческие трудовые ресурсы, рабочие и техническая энерговооружённость, машины и оборудование, посадочный материал и многое другое.

5

Что смог узнать за неделю работы Кирилл? Совсем мало о женщинах, с которыми ехал на работу и лишь изредка мог пересечься с ними в течении дня, или когда ехали после работы домой.

Круглолицая, полненькая светловолосая женщина лет сорока пяти, которая садилась на остановке вместе с «новоиспечёнными крёстными» — это была Елена Карпенко. Она совсем мало говорила. На её щеках не сходил румянец, даже в помещении, а не только на морозе. Голос был звонкий и певучий. А вскоре Кирилл от механика узнал, что её сына примерно год тому назад, толи уже и два, как убили ночью отвёрткой, да и ещё прямым попаданием в сердце. Шёл он на свидание или со свидания и по версии, которая гуляла в обсуждениях — из-за девчонки его могли и убить.

— Да ты должен был слышать об этом, — говорил Иван Захарович. — Весь Курган тогда только о том и говорил, случай для нашего посёлка, как говорится «из ряда вон выходящий».

— Да, конечно, слышал. Но парня не знал и родителей его тем более.

— Один он у них был. Вот так, был и нет. Не дай, Боже!

— Захарович, а партийный билет не покрывается плесенью? Я бы сказал «не краснеет», но он же и так красный, так? — Кирилл хотел лицо выдержать серьёзным, но, когда увидел трясущийся подбородок механика, поспешил исправиться. — Пошутил я, Иван Захарович. Конечно, не дай, Боже, никому такого!

Механик ничего не сказал, лишь отошёл с испорченным настроением. Но через время уже оба решали производственные вопросы, не вспоминая это недоразумение, которое получилось у них не совсем тактично, а в пример Василия Ивановича.

— Да это мелочи. Посмотришь, как я его подкалываю, особенно, когда по чарке примем. Вот, когда на месте будем работать, сообразим на троих, увидишь, — прознав о том, как пошутил Кирилл, высказался Портнов. — Хотя можно и сегодня, пока на ремонте. Ты как к этому?

— Да-а, я... — Кирилл замялся.

— Если нужно, я рупь займу...

— Ну, хорошо, я завтра отдам, — ответил Кирилл.

— Иван Захарович, — громко позвал Портнов механика, — подь сюды, разговор есть.

Механик, что-то жестикулировал кузнецу Лёше, стоя у культиватора, услышав, дав какие-то указания опять-таки жестами и направился на зов «души».

— Чего ты, Иванович?

— Слухай, начальник. У нас новенький уже неделю, как... Не порядок. Когда это он получит первую зарплату, чтоб проставиться?! Есть предложение...

— Ну, хйба я когда був против?! Раз безлошадные сёдны, то можно, — механик привычно сунул руку во внутренний карман, достал портмоне и вынул из него рубль. — Так?!

— Ну, как минимум, — ответил Портнов, вынув свой трояк, а рубль механика вложил назад в карман и продолжил. — Ни туда — ни сюда. Нужно Петра Семёновича подключать, тем более что он поедет в лавку с Монахиным и привезёт. Три винчишка на четверых — это уже что-то, для аппетита.

— Хочешь номер цирковой посмотреть? — спросил Василий Иванович у Кирилла. — Пошли.

Зашли вдвоём в цех ширпотреба к женщинам, которые что-то весело обсуждали.

— А Пётр Семёнович тутычки? — спросил Василий Иванович.

— Вася, заглянь в склад. Он там наши веники щупает, нет шоб нас... — закатилась смехом моложавая, следящая за собой и всегда вызывающе заведущая, особенно в присутствии Василия Ивановича, белокурая женщина среднего, трудноопределимого возраста.

Что успел заметить даже Кирилл, Надежда Павловна с фамилией, которая немного смазывала её шикарность — Шишова, не совсем ей подходила. Вот было бы лучше, если бы была: Прекрасная, Беляева, Голубева, Орлова или Романова.

— Надя, а ты всё хорошеешь! Ну так же ни-зя. Так если шо, то не токо я, но и Кирюха на тебя заглядываться начнёт. Ты прекращай молодёжь развращать. Я Андрея побачу, шепну, шоп угомил тебя.

— Та кажи. Боюсь я твоего Андрея, аж трясусь.

— Та не мого, а твоего! Ты шо, уже и мужа як звать забула? — поддерживал флирт Надежды Портнов.

— А шо, муж? Не стенка, можно и отодвинуть...

На смех из соседнего помещения, с ухмылкой вынырнул Пётр Семёнович со словами:

— Шо-шо, вы це про шо?

— «На ловца и зверь бежит», — разведя широко руки, как будто решив брататься с учётиком, Василий Иванович пошёл с растопыренными руками к нему навстречу.

— Кто зверь? — недоумённо спросил учётик.

— Пётр Семёнович, по рублю или как?! — резко сменил улыбку на серьёзный тон, Василий Иванович опустил руки и замер в ожидании.

— Ить!!! — только и произнёс Пётр Семёнович и резким движением, загнав руку глубоко под тёплую куртку, резко выдернул, с расплывшейся милой, насколько это подходит слово к улыбке пожилого человека, поднес перед Портновым два пальца, указательный и средний, а между ними купюру... «трёшку».

Василий Иванович, молниеносно вырвал купюру со словами:

— Сойдёт!

— Нет-нет! — заволновался учётик. — Да я не ту...

— Держи! — под дружный гогот вернул серьёзному уже Петру Семёновичу один рубль сдачи.

Тот взял рубль, зажал в ладонь и не знал, что или чем ответить.

— Пошли Кирюха. Работа не ждёт.

— А кто же теперь привезёт к обеду? — не мог понять Кирюха.

— Учись студент! Ты видел?

— Видел.

— Удачный сегодня фокус, теперь уже по «пузырю» на рыло получается. Ты так и не понял? Монахин, конечно, и привезёт. Теперь уже Марченко вне игры...

— Кто? — спросил Кирилл.

— А ты, что не знал, что Петра Семёновича фамилия Марченко? Ему если дай, он же «отобьёт» свой рупь, «как пить дать» и очень быстро, лис ещё тот.

И вот наступил долгожданный обеденный перерыв. Резко распахнулись двери цеха ширпотреба и из неё «выкатилась» Татьяна Басова, жена Лёши кузнеца. Она осмотрелась в сторону мастерских и заметив мужа, направляющегося от занесённых снегом рядов навесной и прицепной техники, что была выставлена за мастерской, вдоль дороги на пункт заправки топливом, начала энергично махать ему рукой.

Между Танькой и дверным проёмом из того же цеха юрко прошмыгнула невысокого роста женщина и направилась в центр двора, где с самого утра жужжала лесопилка, а вернее циркулярная пила с пильным диском большого диаметра, для поперечного распила древесины на дрова. Это была Лидка, женщина трудно определяемого возраста, скорее всего, ей было около 35 лет, работница лесничества, проживающая в общежитии. На распиловке древесины работали двое «аборигенов» лесхоза, Иван Иванович Ковдря, по прозвищу Фанфан и Константин Филиппенко по прозвищу Филя.

Иван, увидев быстро идущую к нему Лидку, нажал на кнопку «стоп» и жужжание циркулярки медленно затихло. Лидка была сожительницей Ивана. Её лицо, если и знало косметики, то очень редко и так давно, а большой шрам от верхней губы, зигзагом в направлении левого глаза, делал её постоянно улыбающейся. Её же сожитель своё местное прозвище Фанфан получил от того, что Лёша-немой, мог выговаривать только небольшое количество слов и то с искажением и с большим трудом, пытаясь обращаться к рабочему и трактористу в одном лице по имени и отчеству, говорил: «Ф-фа-н Ф-фа-н». Иногда Ивана еще называли, вспомнив кино, именем ловеласа — Фанфан Тюльпан. Во многом это было продиктовано тем, что несмотря на то, что Иван был старше от Лидки лет на пятнадцать, меж ними наблюдалась страстная, а порой и страшная в осознании поступков, ревностная любовь. А у Лидки, хоть и было изуродовано шрамом лицо, а голос был грубый и прокуренный, но её ювелирная фигура и походка были очень даже сексуальны.

Сам Иван в откровенных разговорах даже, как комплимент мог проговориться: «Лидка, раком, на безрыбье — рыбка». И Лидка, когда в духах своего Ивана Ванюшей величала и могла тащиться за ним, обняв его за поясницу, втиснув голову под мышку. Со стороны — милейшее загляденье, Ромео и Джульетта лесничества.

Ну и раз речь пошла о жителях общежитий лесничества, то над некоторыми «и» хочется расставить точки. Конечно, Кирилл не сразу обо всех всё узнал. А мы позволим себе опередить события, как говорится «одним ударом семерых», чтобы не повторяться и возвращаться к этому вопросу.

В восьми квартирах двух выдавших виды зданий и десятки разных жильцов, проживало сейчас двенадцать человек. Всех жильцов, если не считать двоих малолетних детей (которые были вынуждены родиться, девочка в тюремном лазарете, а мальчик на вольном поселении), проживающих с матерью-одиночкой Катей Рябой (Рябая — прозвище) и водителя полноприводного топливозаправщика на базе шасси ГАЗ-63, который работал не в лесхозе, а на нефтебазе, были бывшие «эзка». Сюда их, после «мест не столь отдалённых», определял уполномоченный районного отдела милиции, подразделения по организации и осуществлению надзора за соблюдением освобождёнными из заключения временных ограничений их прав и свобод, а также за выполнением ими обязанностей, которые предусмотрены законом административного надзора, капитан милиции Николай Журков.

Владимиру Никитину, как и его жене было примерно по «полтиннику», но в лесхозе работала только его жена, Серафима, которую все тут звали, как тётя Сима. Она сильно хромала на левую ногу и при ходьбе раскачивалась по сторонам, растопыривая руки, как курицанаседка крылья, созывая цыплят спрятаться от ненастья или угрозы со стороны. За что она «тянула» срок и где получила травму, сделавшую её инвалидом, мало кто знал и не распространялись об этом. Они вели домашнее хозяйство, держали коз и уток, жили тихо и мирно. Говорили, что у них где-то есть и свои дети, но здесь никто из них не появлялся и они, насколько известно, с ними не общаются. Встретились, сошлись и живут вместе. А как и что — это не для посторонних глаз и ушей. Но по разговору, вернее даже сказать, по говору, можно определить, что Серафима точно кацапка, откуда-то из средней или даже северных районов европейского административного региона.

Лидка и Фанфаном, в отличие от соседей, наоборот, жили бурной и разгульной жизнью. Да и, чтобы не повторяться, всё лесничество постоянно «гудело» дня три после получения зарплаты, и «гудели» сутками да так, что гул «гудков» поднимал даже ночами сотрудников дежурной части районного отдела МВД (Министерства внутренних дел). И это при том, что телефонной связи с «миром» не было. От того на ум приходило выражение «затерянный мир».

И он действительно был затерян несмотря на то, что до населённых пунктов было всего 2—3 километра, но проехать сюда можно было только по сухой или морозной погоде, а глубокую дорожную колею не заделывали даже летом. «А зачем? — говорили местные, — так даже

лучше, в любом состоянии можно домой добраться. Главное, попасть в колею ещё когда при памяти». Порою приходилось и подбирать «никаких», в смысле пьяных рабочих в той же колее или рядом. Но Бог миловал, пока ещё никто зимой не замёрз.

Почему их держали, эту пьющую и разгульную компанию? А попробуйте выгнать тех, кто направлен «на исправление», потом сильно пожалеете — ни-зя. Да и кто придёт работать на работу в тяжелых условиях, на тот-же лесоповал, только не в Пермском крае или Ярославской области и не на Колыме где-то, а в лесхоз степной зоны юга России. Определяемые на работы, чья малая родина, которую они успели и позабыть, да и ничего уже их с ней не связывало, удивлялись, что здесь ещё даже лесхозы существуют. Зимы, в отличие от тех, что закаляли их тело и дух долгие годы пребывания на зоне, были другими, помягче.

Филя, высокий и худой, пропитанный до костного мозга атмосферой зоны, чифирем и никотином, что заваливавшаяся где-то пятилетней засолки тарань. Ему вот-вот стукнет возраст выхода на пенсию, а он, кроме зоны в жизни нигде и не работал. Его «ходки» были отражены в «картинной галерее» на его теле, которой он неохотно хвастал, из-за своей худобы. Короче говоря, это было первое место работы, где ему выдали трудовую книжку. Статьи, по которым он «тянул» срок, лучше не спрашивать, чтобы спать спокойно и обходить «исчадие из ада» десятой дорогой.

Остальные жили по одному или вдвоём в квартирах и только до первой драки. Потом расселялись и производили обмен сожителями. Кроме Фили, который более двух червонцев «оттянул» за кражи с разбоем, был Гриня Косатенко по прозвищу Косой. Тоже не одну зону «топтал» и «оттянул» три нехилых срока, как он коротко говорил о сроках.

Лидка убила своего мужа в семейной ссоре, перешедшей в драку. Ленка, мать двоих детей тоже «тянула лямку», но за кражу и мошенничество по второй отсидке, освобождена условно, как мать двоих малолеток. Иначе ей ещё нужно было робу шить и рабочие рукавицы ещё 3—4 года. Это со слов Ленки и тех, кто был к ней близок, а как и насколько это правда...

Фанфана жена и мать их совместных троих детей посадила за то, что по пьянке погонял её, приревновав, да не просто, а с ножичком. Пятерик дали. Отсидел, пришёл, а жена домой не пустила. «Отрихтовал» сожителя жены, который начал права на жильё «качать» — ещё «трёшку» выхватив. Самое интересное, что и бывшая жена, и её дети — старший уже совсем взрослый, отслужил и работает — живут совсем рядом, менее пяти километров отсюда, в совхозе, а Ивану ещё платит алименты за младшего.

Что касемо двух бригад лесорубов. Только двое из десяти человек не сидели. Один из них, бригадир, Алексей Иванович, жилистый невысокий человек, возрастом за пятьдесят, проживал в посёлке, как и его подчинённый Николай Фёдоров. Остальные все с пятнами в судьбе.

Второй бригадир лесорубов «дикой бригады», Николай Петрович Шумаков, высокий, поджарый, крепкий мужчина, но тоже с судьбою, в который вмешался злой рок и виною всего того — война. Нет, он не воевал, не успел, когда началась война ему было лет четырнадцать-пятнадцать. А в 1943-м году, когда месяцев на пять стал фронт, названный Миус-фронтом, на огненном рубеже пали убитыми сотни и тысячи бойцов, пытавшихся прорвать неприступные высоты Донецкого кряжа. Вся долина от реки до горы была, как на ладони и обстреливалась из фашистских дотов. Но что удержит отчаянных подростков, они же ничего и никого не боялись. Вот и пошёл Николай с братвой под покровом ночи, чтобы раздобыть оружие и ещё чего, что в трудное военное время в хозяйстве пригодится. И не сдержался, увидев на убитых командирах хромовые сапоги. За остальных неизвестно, но он на этом поймался. Знал он или нет, но этот поступок квалифицировали, как мародёрство. Срок, как и за многое другое был по статье до 15 лет и даже вплоть до высшей меры. Но, как говорили тогда «чёрным юмором», сколько давали «за что-то», а сколько — «ни за что». «Ни за что» давали 10 лет, а за «что-то» — пятнадцать. И не смешно. Ушёл «топтать тайгу» Коля, а отбарабанив «червонец», пришёл уже Николаем.

Брал в свою бригаду Николай Петрович всех, даже самых «отпетый» дебоширов, тунеядцев, алкоголиков, тех, на ком уже и печать из-за наколок ставить негде было — всех, и умел как-то с ними работать, и слушали его даже те, которые не боялись и начальство повыше на три буквы посылать. Видимо, знал Шмаков какой-то секрет, и это не было «волшебное слово», типа «пожалуйста». Это были мужские жёсткие слова, но сказанные не криком, а спокойно и такие доходчивые, как слова кузнеца Мыколы из анекдота, который «кодировал» алкашей. Кирилл до этого не был знаком со Шмаковым лично, но несколько лет работал с одним из его сыновей, Петром. Грех юности и десять лет, проведённых там, где люди чаще «ломаются», чем исправляются, для Петровича не стал переломный периодом, он не озлобился, душа не стала чёрной, как и мысли, он был «правильным», если сказать одним словом, мужиком. Он был костяком лесорубов лесничества, наставником, он стал «крёстным батей» для Кирилла. И Кирилл этим даже через годы гордился. Он, в отличие от тех настоящих, но которых он и не знал, он просто был, был вот таким, каким был.

О лесорубах «дикой» бригады и наполовину и бригады Алексея Ивановича, лишь вкратце. Лесорубы: Коля Бес (Бес — погоняла), Вася Власов — Кабан, Андрей Фоменко — Шустрый и другие, были, хоть и со своими бзиками, но в рамках среднестатистических бывших «зэка», управляемые. Справедливости ради хочется сказать, что за время работы Кирилла в лесничестве, ни один из названных или не названных, кто был прислан на исправление, «туда», откуда пришёл, не вернулся. Один умер прямо на лесоповале, второй, в противность, из-за большого желания жить, излечился от туберкулёза. Потому, всех ровнять под одну гребёнку не стоит. У каждого была своя судьба в этом «затерянном» от большинства глаз «мире».

Конечно, они были и много их было в разных трудовых коллективах и районного центра, и в колхозах, но чтобы в таком преобладающем количестве контингента — не было нигде. И это хорошо, что было такое место. Ведь их нигде не брали, когда они приходили по объявления и показывали справки об освобождении. Это не ЛТП (лагерь трудового перевоспитания), где из слов тех, кто в них лечился, а по большому случаю, просто работали «на дядю» и никакого там эффективного лечения не было. А здесь, при желании, они могли, при расчёте, уйти с «отмытыми» хоть частично документами, трудовой книжкой, с отметкой предприятия «принят» и «уволен по собственному желанию». Такое желание было и у Фили, который практически с «малолетки» по тюрьмам и зонам, но хотел за оставшиеся до пенсии три года заработать хоть минимальную пенсию.

Но вернёмся, «там обед стынет». Хотя, справедливости ради нужно сказать, что горячим обедом здесь никто не обеспечивал, столовой не было и каждый брал из-дому «тормозок», кроме местных, у них дом под боком. Правда, неизвестно, если ли что-либо, чем можно «червячок заморить».

Лёша-немой ушёл к жене на обед. Они брали один «тормозок» на двоих. Монахин не подвёл, привёз четыре поллитровки плодово-ягодного вина и это благодаря Василию Портнову, который поймал учётчика на его лихой привычке быть быстрым. «От него не убудет, — потом скажет Василий Иванович, — у старика денежки водятся».

Расположились за столом в слесарке, предварительно разослав «скатёрку» из газет и прокладочной бумаги. Подтянули лавку, Иван Захарович пододвинул стул, который считал своей собственностью, до того он к нему привык, что тот вот-вот «хозявой» его назовёт. Пётр Семёнович, держал в руках дерматиновую сумку с бутербродами.

— Семёныч, не танцуй! Падай, — не выдержал Василий Иванович. — Ты не оратор на партсобрании, садись.

Механик достал из тумбы стола пару «дежурных» стаканов и со вздохом произнёс:

— Видать, что нужно прибарахлиться, тарой обзавестись, да и слюной не удавиться.

— Точно так! — только и добавил Пётр Семёнович.

Василий Иванович разлил и подавая стаканы механику и учётчику, произнёс:

— По старшинству, однако. Э-э! Погодите, — остановил поднявших стаканы. — Ладно, я скажу, а вы после выпьете. За Кирилла! Кирюха, ты уже сделал самое сложное — свой выбор. Хочется пожелать, чтобы ты и через десять, и через двадцать лет не пожалел об этом! Желаю найти общий язык с коллективом! А он у нас разнообразный... Ну, вздрогнем!

Потом выпили Портнов и Кирилл. Захрустели солёные огурцы на зубах, отварная картошки и, конечно, сало, как без него. Кириллу жена также положила отварную свиную солонину и вареные яйца.

Выпили по второй чарке, а вниз, под стол опустилось две бутылки. Перекусили молча.

— Иван Захарович здесь у нас единственный фронтовик, — подмигнув Кириллу, Василий Иванович. — Рассказал бы чего-нибудь о своих подвигах, будь ласка.

И, хотя Портнов не скрывал иронии, механик воспринял просьбу на полном серьёзе.

— Та шо рассказывать, поди я уже много рассказывал та и не раз

— Так Кирилл-то не знает о твоём героическом боевом пути, Расскажи, — и снова Василий Иванович моргнул Кириллу.

— Ну, ладно. Вот был такой случай. Идём мы ночью, тьма тьмуцая. Конным обозом, на Украины дело было. Я тогда служив в разведке, во втором эшелоне...

Василий Иванович поперхнулся от смеха, откашлялся и спросил, сбавив смех на улыбку:

— А це як, «во втором эшелоне»? В тылу, в батальоне обеспечения, чи як?

— Ну шо ты смеешься? Ты там був? Во, правильно, во втором батальоне... Як начали нас обстреливать, кони як понесли...

— А в яку сторону? Вперёд, чи наоборот, наутёк?

— Там не до шуток было... Наливай лучше. — Иван Захарович только сейчас понял, что его поджигивают и замолчал.

— Доживём до дня Победы, Кира, вот оденет Захарович костюм с орденами на полпуда, увидишь с кем ты имел счастье портвейн лакать... Там только ордена «Мать-героиня», мабуть, нет...

— За тех, кто не вернулся с той войны. И шоб вам, молодым её ни бачити...

— Хороший тост, Иван Захарович, — уже серьёзно сказал Василий Иванович. — Грех не выпить.

6

Кирилл не только понаслышке знал, что в районе есть, хоть и не такие, как в Сибири или где-то в Пермском крае, тайга, и не лесные бескрайние хвойные боры, и массивы смешанных древесных пород, а скромные леса, больше схожие на рощи. Здесь, конечно, не ведут лесоразработки, лесозаготовки и нет леспромхозов. Но есть мехлесхоз или проще лесхоз. И его основная задача — осуществлять восстановление и увеличения площадей лесонасаждений. Из трёх лесничеств, входящих в состав мехлесхоза в двух из них, в М-Курганском и в Куйбышевском было больше всего природных и искусственно высаженных лесонасаждений смешанных лиственных пород, дубов и сосновых кварталов. Естественные или природные массивы размещались в основном вдоль русла реки Миус, а сосновые вдоль склонов острогов кряжа.

Мехлесхоз организовывал лишь периодические санитарные рубки, просветление, прореживание и прочее, что в первую очередь было задачей оздоровления лесных массивов от гнилостных и других заболеваний растений и поражения их паразитами, хорошему и здоровому приросту. А уже, как результат этой работы, дрова, полученные после распилки сухих, больных и поражённых вредителями деревьев, реализовались по назначению в организации и продавались населению для личного пользования.

Две бригады лесорубов выезжали в тот квартал, который был определён лесником. Лесник, Григорий Фёдорович, как правило приезжал или с бригадами вместе, или на своём ИЖ-2715, если погода позволяла, показывал бригадирам «фронт работы» и уезжал или на «газоне» с Монахиным или на своём «пирожке».

Тракторист Василий Иванович, за много лет работы в лесхозе, хорошо изучил и знал где находится какой квартал, и как к такому-то номеру кварталу лучше подъехать и заехать. А лесорубы, высадившись десантом и перекурив, первым делом планировали подъезды тракторам, площадки или «петли» для разворота тракторов с прицепами.

У Василия Ивановича тракторный прицеп был в добротном состоянии, а у Кирилла тот, что достался при делёжке, т.е. «убитый» основательно. Особенно досталось боковым откидным бортам и запорам. Опасаясь за то, что при транспортировке дрова можно было растерять по дороге, даже приходилось пользоваться «вязальной» проволокой диаметром 6 мм. Благо, что таким добром был завален весь двор. Этой проволокой связывались бухты тарной доски, которую завозили во двор лесничества и в зимнее время женщины сбивали из них тарные ящики. А тарная проволока складировалась в куче, не имея особого применения. В те годы не было ещё металлического бума, как в 90-е годы, когда даже рабочее оборудование разбирали и железнодорожные пути, чтобы получить на пунктах приёма чермета копейки, а убытков сделать на сотни, тысячи и даже миллионы рублей.

Это был не тот случай, когда для того, чтобы молодёжь оставалась на селе, трактористам давали новые тракторы и машины к ним, а шоферам — автомобили. Тут нужно было добросовестным трудом заслужить такую привилегию, и Кирилл был готов к этому и ещё потому, что такая работа на свежем воздухе ему нравилась, была какая-то романтика в ней даже.

На территориях трёх районов, отданных в ведение мехлесхоза, было более 2000 гектаров площадей лесонасаждений. Самые значительные располагались в М-Курганском районе, из всех наиболее значимый размещался на пологом левобережье реки Миус, напротив возвышающегося правобережья с двумя поселениями. Жители этих сёл любовались с кручи правого берега красотой и благами, как самой выющейся голубой лентой реки, так и леса. Лес для них был источником топлива, грибов, экологически чистого, до определённого времени, места отдыха и не только.

Заложен этот рукотворный лес был внуком наказного атамана Войска Донского Алексея Ивановича Иловайского, носивший имя своего деда. Это произошло около 150 лет тому назад,

с основанием села на правом берегу реки, названного в честь основателя Алексеевкой. А лес с тех пор получил название Алексеевский.

Второй крупный массив размещён в живописном и также излюбленном для отдыха месте слияния реки Крынка, притока Миуса, как на левобережье Миуса, так и на правобережье. Этот массив известен ещё и тем, что на его территории много лет располагался пионерский лагерь «Орлёнок».

И эти оба лесных массива по-своему памятни были Кириллу, но лишь двумя эпизодами в жизни, хоть и незабываемыми. Но об этом чуть позже стоит чуть подробнее сказать, тем более что, когда Кирилл заезжал на эти территории и грациозные дубы и неповторимая тишина, состояние некой «нирваны» душевной, вызвали воспоминания 10—15-летней давности.

Придёт время и он узнает ещё и лесонасаждения вдоль той же любимой всеми славной реки Миус, благодаря которой появлялись в те, уже далёкие годы, изначально называемые на казачий лад, слободами, а затем переименованными в сёла и хутора, Большая Кирсановка, Кульбаково, Петрополье, а в Куйбышевском районе х. Русский и слобода Мартыновка, переименованная затем в Голодаевку и в наши дни уже в село Куйбышево. Все они некогда были основаны атаманами Войска Донского, которым земли были выделены императорами российскими за верность, преданность и особые заслуги перед Отечеством и императором лично. Кто не знает того же А. И. Иловайского, славных атаманов, героев Великой Отечественной войны 1812 года атаманов Андриана Денисова или Матвея Платова и его шурина Андрея Мартынова.

Да, эта миусская земля — это «музей под открытым небом», от петровских времён, первого сражения флота Петра Первого в устье реки Миус, создания Азовской флотилии, от имён славных атаманов до великих военачальников, прославивших этот край и во время ВОВ 1941—1945 года и после неё. Жители Примиусья гордятся главным маршалом авиации П. С. Кутаховым и Министром обороны СССР А. А. Гречко.

Не только миусская земля таит до сих пор тайны той, самой кровопролитной войны и поисковики ежегодно находят и с почестями предадут земле в мемориальных скверах, в братских захоронениях тех, кто отдал свои жизни здесь на рубежах Миус-фронта, но и вековые дубы бережно хранят в своём могучем теле те осколки и вражеские пули, которые предназначались для защитников нашей Родины, наших отцов и дедов. Они живы ещё и, если проводить уход за лесом, долго будут хранить тайны той войны, эти могучие деревья, ставшие на защиту родной земли вместе с бойцами. Опытный лесоруб, кто не понаслышке знает о том, что происходило на этой земле, на фронтовом рубеже вдоль этой ленты славной и героической реки Миус что, если появится необходимость спила «свидетелей войны», то нужно быть готовым к стальным «сюрпризам» в теле исполинов. Сколько цепей было угроблено и не при спиле дубов, эти красавцы, как правило, в редких случаях приходилось удалять, а в вязах, тополях и других лиственных породах. Встречались и вросшие в деревья, неразорвавшиеся снаряды. Бои-то в этих местах шли кровопролитные и продолжительные.

Куйбышевский лес, хоть и не столь большой по площади, но в отличие от Алексеевского, был размещён на правобережном кряжистом берегу Миуса, напротив одноимённого села и представлял собой в основном дубовый массив.

Сказать, что Кирилл сразу узнал места своего первого посещения лесов Примиусья нельзя, если не брать во внимание пионерский лагерь «Орлёнок» и то, что те же дубы стали теперь на 15—18 лет старше, а территория самого лагеря, его строения несколько обветшали от несвоевременного ухода. Или, возможно, придёт весна и здесь тоже наведут нужный порядок, проведут субботники, выгребут, выкрасят и он снова будет столь же обжитой и привлекательный, как и в том памятном 1965 году.

Как проходило детство послевоенной детворы? Сразу нужно оговориться, что речь пойдёт не о городской, дворовой шпане, а о сельских пацанах и девчонках. Тогда Кира жил не в

районном центре, а в одном из сёл района, которые мало чем отличались друг от друга. Это уже после, когда наступит эпоха Перестройки и Приватизации, когда произойдёт резкое расслоение общества на нищих и очень богатых людей, тогда даже села начнут сильно отличаться друг от друга. Неперспективные села, которые расположены вдали от городов, райцентра, железной дороги и автодорог, связывающих и потенциальными предприятиями и организациями, где можно будет найти работу, и поездка из дома будет экономически выгодной, так как на месте работы практически не останется, кроме фермерства. Но хватануть приличный куш и суметь выкупить пай у односельчан в то время, когда большинство «сидело на бобах», могли только те, кто имел приличный накопленный начальный капитал и большие связи. Конечно, это были те, кто был ближе к «кормушке». Колхозы распадутся, фермы закроются и по кирпичикам растянутся здания. Но об этом пока ещё никто ни слухом, ни духом не ведал, в крайнем случае, в глубинке точно никто и в страшном сне не мог увидеть. Самое страшное, что пережила вся многонациональная страна, это была смерть её бессменного руководителя, который стоял у руля государства в течении без малого два десятилетия и было это всего три месяца назад. Хотя и не стало это событие так трагично, как со слов мамы Кирилла, люди переживали смерть «вождя всех народов» И. В. Сталина, но было на сердце тревожно, как минимум. И Кирилл помнит, когда у него ёкнуло сердце в тот момент, когда опускался гроб с телом Генерального секретаря ЦК КПСС, транслируемого по телевидению, и прозвучал грохот, как будто оборвалась в могилу последняя тесная «комнатушка» руководителя страны.

Сельской детворе что нужно было? Только одно — слобода! А если эта свобода дана на все три месяца во время летних каникул, то большего счастья и придумать нельзя. Пруд, сад, огород, футбольная площадка, различные объекты, как строительные, так и объекты технические. Играли возле и на машинах, стянутых на площадки утиля, типа прицепного комбайна «Сталинец-6», по которому и внутри которого можно было бегать, лазать и прыгать с него. На пруду таким объектом была затопленная насосная станция в 6—8 м от берега, с которой прекрасно можно было нырять. Даже велосипеды уходили на второй и третий план. Куда лучше скатиться с горы, забравшись внутрь автомобильной (если кто совсем «дохлый»), а лучше тракторной шины, такой, как у «Беларуса» покрышка заднего колеса. Можно было бы и в более просторном, «кировском», но их только начал выпускать завод, именуемый ранее Путиловским.

Рыбалка — это излюбленное занятие Кириухи. И вот однажды после того, как он, лениво потягиваясь, сел за стол, чтобы выпить кружечку молочка с утренней дойки, думая о рыбалке, ему отец заявляет:

— Хватит беспризорником по селу бегать, пыль босыми ногами гонять. Нужно культурного отдыха задатки прививать, с пользой развития разнообразных способностей и чувства коллективизма...

У Кира даже челюсть отвисла, так как от отца он подобных речей никогда не слышал. Ну там что-нибудь по хозяйству или наказ даст, или о чём-либо расскажет, историю какую-либо, даже из своего военного детства и тогда, когда он шлодничал. А тут вдруг о культурном отдыхе заговорил.

— Что ты на меня смотришь, «как Ленин на буржуазию»? — видя, что сын потерял дар речи, Фёдор Филиппович продолжил. — Ты видимо не понял о чём я? Соседка же наша в правлении колхоза работает, говорила сегодня, когда коров в стадо гнали, что путёвки в пионерский лагерь остались, «горящие». Всего было шесть, пять взяли, и с твоего класса двое, со старшего пятого двое и один с третьего. Так что, бери, дружок, пемзу и отдирай свои «цыпки». Завтра я тебя с утра на «Захаре» (так отец Кириухи полюбовно мотоцикл Иж-56 с коляской называл) оттарабаню, чтоб на работу мне ещё успеть. Я-то и перестраховался, если чё, но в 7 часов выезжаем, а-то и раньше.

Наступила гробовая тишина, сменившаяся медленно нарастающим продолжительным нытьём, которое сводилось к реакции протеста со словами: «А, может, не надо!?»

Потом у Кирилла шок от новости прошёл и он, придя в себя, спросил:

— Па, а я не понял, почему я? А чё я один, а Вовка? Ему чё можно пыль по улицам гонять и «цыпками» на ногах «красоваться»?

— Ну ты же должен сам понимать, что вам нужно хоть немного друг от друга отдохнуть. Где такое видано, чтобы родные братья-близнецы и дрались ежедневно. А ещё, если вы оба уедете, дома некому будет помогать бабушке по хозяйству и маме по уборке в доме?

— А Андрей для чего, для мебели?

— Кирилл, у Андрея свои обязанности, как у старшего, а у вас с Вовой свои. Коров кто будет встречать, бычка поить, в доме убирать?

— Па, а можно наоборот, пусть тогда Вовка поедет, а я всё дома буду делать, а? — В глазах Кирилла появились слезы, слёзы обиды, как за наказание, которое ему ни за что назначили. — Можно, я не поеду?

— Всё! Решено. Мать уже тебе шорты в магазине подбирает и сандалии новые. Могла бы и пошить, да и получше магазинных, было бы времени побольше. Для развития полезно. Другие «по благу» путёвки достают, а тут, бери — не хочу и три недели отдыха в лесу и купание в речке...

— Ну, если в лесу и в речке купаться можно будет, то так и быть. Я и в лесу никогда не был...

— Так бы и давно. И дома ещё будет время набегаться, целый август останется впереди, — довольно заулыбался отец. — Вечером долго не гуляй. Я тебя подстричь должен и выкупать нужно будет.

Всю дорогу Кирилл, сидя в коляске, с интересом наблюдал вначале за знакомым пейзажем, так как в районный центр ему приходилось ездить с родителями к бабушке Тане и даже на несколько дней его оставляли погостевать у неё. Но это время он и вспоминать не хочет, так как мальчика бабулечка куда-то самого отпускать боялась. В кино на детский сеанс отвела и потом встретила после сеанса на выходе. И самое интересное, что и тогда одного отправляли без Вовки с формулировкой «за отличную учёбу» как награда. Какая же это награда? Бабушка его записала в детской библиотеке и набрав книжек, следила, чтобы Кирилл их читал и даже вслух. Это не отдых — «наказание за провинность».

Отец сдал сына «под подпись» и уехал, пообещав через неделю приехать с матерью «на свидание». Лагерь — он, хоть и пионерский, но лагерь, разве что колючей проволоки нет, а КПП со шлагбаумом и вахтой, как положено. «Куда я попал?» — думал погрустневший паренёк. Одно отец не соврал, что со школы Кир тут не один был, хоть с ними и в школе у него общих интересов не было, а заводить новые знакомства он был не охоч.

Домики ему понравились. Чем-то были похожи на увеличенную копию раз в десять того, что он дома соорудил, используя много стройматериала, которой мог отцу для дела пригодиться и не одну охапку строительной дранки. Разница строения Кира от этих домиков ещё была в том, что оно была рассчитано только на то, чтобы можно было сидеть в нём или лежать, чуть согнув ноги в коленях и не более того. Но он так любил уединяться там и мечтать, просто лежать и мечтать. Как ни странно, но порою его одолевало желание побыть в полном одиночестве. Его в этом домике даже братья не доставали, они были заняты в чисто пацанских игровых развлечениях. А домики в пионерском лагере были рассчитаны человек на двадцать. Они были даже чем-то схожи со сказочными теремками, возможно ещё и тем, что были приподняты на фундаменте и имели резные крылечки, вернее даже, веранды.

У каждого отряда был пионервожатый. Киру не повезло со старшим отряда. В то же время ему понравилась пионервожатая соседнего отряда — очень весёлая, задорная, приятная внешностью. Если даже не говорить об этом, весь отряд кружился вокруг неё, как цып-

лята вокруг наседки. Она находила постоянные интересные занятия своим подопечным, игры и развлечения.

Задачей старшего отряда №3, в котором «отбывал срок» Кирюха, было собрать отряд в полном составе на линейку, в колонну, чтобы шествовать с песней на прогулке или в столовую. Пионервожатый отряда — скучный, невзрачный, с излишним весом студент педагогического вуза, решивший заработать во время каникул или просто, он практику отбывал. Ох, как бы Кириллу не хотелось, чтобы этот уже дипломированный субъект сменил в его школе недипломированного, но такого талантливого во всём учителя физкультуры и труда, Михаила Ивановича. Хоть Михаил Иванович работал в старших классах, от пятого до восьмого, но Кир слышал о его способностях. Он был, что самая ценная достопримечательность школы, чем не могла похвастать, как считали старшеклассники и старший брат Кирилла, никакая другая. Это был недипломированный учитель, но человек на своём месте, отдающий всего себя, сгорающий на работе и отдающий для этого всего себя. Но о нём немного позже.

Дети бегали, когда не был «тихий час» или запланированные мероприятия, визжали, срывали зелёные дубовые жёлуди и мастерили из них поделки или составляли из простых цветов букеты. Кирилл скучал. Найти товарища по интересам он не смог. Да и какие тут интересы? Ладно ещё, если вечером покажут фильм, хоть и тот, содержание диалогов в котором главных героев можно было наизусть рассказывать, но всё же.

Когда объявили конкурс рисунков «Мир вокруг нас», Кирилл, после недолгих раздумий, согласился. В школе он рисовал совсем даже неплохо и хоть цели победить во что бы то ни стало не ставил, но надеялся, что на время развеет скуку нудности дневного расписания «распорядка дня». Изначально Кирилл ушёл в один из дальних укромных уголков территории, огороженной со всех сторон и с двумя проходными, у которых дежурили «стражи» в галстуках, чтобы предаться вдохновению, которое, как он представлял, должно было снизойти свыше, опуститься с самых высоких ветвей вековых дубов или «хряснуть» упавшим прошлогодним жёлудем по темечку и с криком «эврика» устремиться вперёд. Ему очень захотелось запечатлеть пейзаж, где будет и река, и ветви вербы, склонившейся ветвями к воле, и отражения солнышка от водной поверхности, с разрывами глади водоворотом, но... не судьба. Как не уговаривал настырных постовых из 2-го отряда — бесполезно, настоящие, преданные ленинцы. Творческий порыв поубавился. Вторая попытка была в желании изобразить веранду столовой. После десяти минут попыток, осмотрелся вокруг и увидел, что ещё как минимум четыре юных шишкиных и саврасовых облюбовали данный объект.

Расстроенный Кирилл пришёл в палату и плашмя плюхнулся на кровать, даже не обратив внимание на то, как на него внимательно смотрел сосед по койке, с куском чёрного хлеба в руке. Парнишка так и застыл с куском хлеба, поднесенным ко рту, в нерешительности. Кирилл, догадался или почувствовал, что на него испытующе кто-то смотрит, и он, приподняв голову, взглянул на едока затуманенными слезами глазами и снова резко, с театральным трагизмом, плюхнул её обратно на подушку. Валера, так звали парнишку, молча протянул, с натянутой улыбкой на лице последний, из четырёх, принесённых с обеда кусков хлеба Кириллу. После этого жеста Кириллу стало совсем обидно и он, воткнувшись лицом в подушку беззвучно зарыдал.

На другой день, после завтрака, построили всех свободных от внутрисемейных обязанностей и дежурств, кроме освобождённых по медицинским показаниям или из-за нахождения в лазарете. Строем пошли через главную проходную по дороге с флажками минут двадцать в сторону дома, как понимал Кирилл, а потом свернули в сады. Бригадир или помощница бригадира расставила пионеров на ряды яблонь, по два человека на один ряд.

Таких крупных и вкусных яблок Кирилл, пожалуй, никогда не ел. Или они были такими, так как были немытые и собственноручно сорваны, как и те, что в недалеком прошлом были украдены в колхозном саду — ещё зелёные, но кажущиеся такими вкусными. Эта работа

от души понравилась всем: на природе можно было кушать яблоки «от пуза» и была возможность, в отличие от лагеря, и побегать, и побесноваться, как это привыкли делать в непринужденной обстановке. Хотя пионервожатые и пытались уговорить подопечных, но за всеми не уследишь и по углам не расставишь.

Когда объявили «шабаш» работе, то разрешили всем с собой взять столько яблок, сколько кто сможет унести. А куда? Благо, что многие были в спортивных майках, и все, кто провёл босоное детство, знают, что майка — это, если нужно, может стать полотенцем и покрывалом на берегу пруда или речки, и сумкой по случаю появившихся фруктов, тех же яблок, черешен и, упаси бог, если вишен — майки больше нет или, если есть, то в тряпках у матери на кухне. Самым продуманным оказался опять сосед по койке, который, несмотря на свою худобу, ел за двоих, а-то и за троих, но по нём это не было заметно. Этот Валера снял спортивное трико с себя, оставшись в одних трусах, завязал внизу штанины, набил, увеличившееся вдвое в объёме, растянувшееся трико яблоками. Затем перебросил одну штанину вперёд, другую за спину и был таков. Правда всю обратную дорогу шёл тяжело кряхтя, но на пожелания помочь ему, отнекивался: «Не надо! Я сам, вот сейчас ещё по дороге парочку яблок слопаю, сил прибавится и допру, как пить дать...». И допёр.

В пятницу всё же повели поочередно отряды на реку. На купание отводилось всего 20—30 минут, которые пролетели, как 2—3 минуты. Да к тому же из этого времени минут до десяти уходило на инструктажи и правила купания, чего нельзя делать и прочее. Оставалось увидеть реку с мутной водой, так как в середине лета шёл массовый полив полей, с которых часть воды со смываемой почвой возвращалась в реку, делая её совсем непрозрачной. После такого купания нужно было потом долго отмываться в душе. Но и это не всё. Река была отгорожена металлической сеткой метра на три в воду с двух сторон, ограничивая небольшую разрешённую акваторию длиной метров в десять. Заплывать за сетку и на глубину далее указанной запрещалось. Никто не хотел отвечать, если, не дай бог, будет ЧП на воде. Короче, Кирилл хорошо плавал и нырял, и поэтому успел проплыть дистанцию от сетки до сетки и обратно, а также дважды нырнуть. Даже по привычке он открыл глаза, чтобы ощутить или увидеть, что здесь обитает под водой. Из-за этого после купания резали глаза, а на одном следующим утром он ощутил «ячмень».

Отец, как и обещал, приехал в воскресенье с матерью. Кирилл практически сразу после завтрака уселся недалеко от центральной проходной и стал с нетерпением ожидать, прислушиваясь, когда зашелестит поршнем в цилиндре выдавший виды «Захар» отца.

Ещё издали он заметил приближающийся к въездной арке главного въезда в пионерский лагерь, с флагами на стеле, мотоцикл тёмно-синего цвета, сменивший звук с натужно-ретивого на расслабленно-экономный ритм работы, с переходом в накат без нагрузки. Затем заскрипел задний тормозной механизм, и когда до ограды рядом с проездом под арку оставалось всего метров пять, отец нажал на рычаг ручного тормоза переднего колеса. Разгорячённый продолжительной работой в условиях высокой температуры июльского воздуха, набирающего обороты стрелок часов, день, мотоцикл замер, как вкопанный, но напоследок издал рекордные «буль-буль».

Кирилл добежал до шлагбаума уже в одной сандали. Вторая слетела с ноги, так как ещё работая в саду, он зацепился за сучок дерева и оборвал ремешок застёжки. Отважные вахтенные встали грудью на пути Кирилла. Он бы мог вильнуть и проскочить через заслон, но увидел идущего к КПП и качающего неодобрительно головой отца с матерью и остановился.

Когда они подошли и объяснили, кто они и цели визита — проведать вот этого нарушителя правил внутреннего распорядка, им было предложено присесть, пока один из стражников не сбегает за ответственным дежурным.

Родителям не нужно было ничего говорить, они всё поняли по глазам сына и тому, как он стремился своей грудью разнести в пух все препоны, чтобы вырваться на свободу. Хоть до

выхода политического детектива «Это сладкое слово — свобода!» оставалось целых семь лет, но оно уже отчётливо читалось в заполненных слезами глазах сына.

— Всё?! — только и спросил отец сына, когда его прижимала к себе мать и в её глазах в солидарность с сыном появилась благородная влага.

— Пыльная дорога, — глядя на мужа, объясняла мама Вера, «выдавая желаемое за действительное» и увидев его улыбку, отвела взгляд в сторону.

— Па, забери меня домой! Я не буду весь день пыль по улицам гонять и пропадать на пруду. Я буду помогать по дому: гусей пасти, телёнка на пастбище выводить, поить и перего-
нять на свежую траву. И, если нужно, утром буду корову в череду выгонять. Па-а! Ма-а! Забе-
рите меня! И вот сандалия совсем порвалась... — опустил глаза вниз, стоя на одной ноге, а
вторую, потерявшую обувь, поставил, поджав, на ту, обутую.

И только теперь мать, спохватившись, бросилась к тому месту, где сын ожидал их при-
езда, со словами:

— Ой, боже!

Мать возвращалась, всунув ладошку по большой палец в сандалию и держа перед собой,
как полный стакан с водой, чтоб не расплескать, а второй ладошкой протирала глаза.

Счастливее человека, чем Кирилл, сидящего в коляске мотоцикла, прикрывшегося с
головой дерматиновой накидкой и он громко кричал, стараясь перекричать рокот чуть остыв-
шего, перед обратной дорогой движка:

— ... Я, там в чемодане, всем подарки везу, яблочки, вы таких не пробовали. И вам, и
братьям, и бабулечке...

Какое это счастье — путь домой!

Кирилл подогнал тракторный прицеп на территории пионерского лагеря, свернув правее
от столовой и дальше, где дорога заканчивалась или была заросшей молодняком, его за собой
вёл бригадир лесорубов Николай Петрович. Самое сложное было развернуться между ство-
лами деревьев, некоторые из которых росли, борясь за первенство, тянулись к солнышку, среди
дубов-исполинов и потому были наклонены в сторону просветов развесистых крон, порою под
значительным наклоном. Так получилось, что Василий Иванович загрузился у предыдущей
кучи древесины, а Кириллу пришлось, потев от напряжения и желания «не ударить в грязь
лицом», заехать как лётчик на посадку с первого захода. И, если не брать во внимание, что пару
раз прописал бортами два-три ствола деревьев и однажды пришлось «задковать», упёршись
передним бортом. Но «экзамен» был сдан... на «троечку», правда, как он сам себя оценил.

— Десять-пятнадцать минут можешь перекурить, — сказал бригадир Кириллу с улыб-
кой. — Погуляй, только не заблудись в лесу, — последнее было сказано, конечно, с иронией.

— Нет, дядя Коля, я должен вспомнить эти места... когда-то уже тут бывал.

Бывал-то бывал, но что-то могло и измениться. Наткнулся на заброшенную в лесу
беседку и пытался вспомнить, что здесь было. Не смог. Скорее всего, она построена для того,
чтобы не сидеть на земле при общении, а под тенью деревьев и цивилично, как в пушкинские
времена, только без самовара. Кирилл понимал, что если идти строго на запад, то скоро должен
выйти к левому берегу реки. Так и есть, только идти пришлось дольше ожидаемого. Этот берег
он не узнал. Да и что могло напомнить ему заснеженный берег с рекой, на которой стоит лёд
и лишь местами, на излучинах чернеет промоинами и полыньями. Берег был крутой и спус-
каться к воде было опасно, можно было, поскользнувшись очутиться в лучшем случае — на
льду, а в худшем — под ним.

Кирилл прошёл по направлению течения и угадал то место, где когда-то был обустроен
«лягушатник» для купания. Заулыбался, присел, закурил, прижавшись спиной к дереву, устре-
мившему свою оголённую крону на юг, в сторону реки, над которой летним днём можно было
между сводами дерев с обеих берегов, увидеть солнце.

Неужели когда-то было детство? И сколько воды Миус унёс с тех пор. Вот так будет приятно приехать на свою малую родину, в глубинку и пробраться по узким и заросшим проходах в тех дебрях кустарников и древесных насаждений, где с ранней весны до поздней осени, пока не выпадал снег, играли в войнушку... И вспомнить эту счастливую пору детства, а если лет через тридцать или пятьдесят...

Какая интересная эта штука — жизнь.

7

Мы уже имеем общее представление о том, в каком трудовом коллективе лесничества трудится его новый тракторист, но очень мало знаем о самом Кирилле, каким он был в те годы, о которых и идёт повествование. И главное хочется узнать не то, что он среднего роста, зеленоглазый, с имеющим тенденцию к образованию завитушек волосами, в общем-то — симпатяга, а «чем он дышит», как говорится. Можно пошутить, сказав, что дышит жабрами, но не рыба. Как? А вот так. Дело в том, что он по гороскопу Рак, и этим многое определяется, и «чем он живёт», то есть его духовный мир, но не от слова «дышать», а от более глубокого и сложного понятия — «дух». Дух, духовность, душа.

Мы не берём сейчас во внимание философских споров, что является определяющим в жизни человека или общества в целом. И уже мало кто будет спорить с таким определением, что «сознание — высшая, свойственная только человеку форма отражения объективной действительности».

Не углубляясь в физиологические тонкости и того, как и по какой принципиальной схеме происходит, можно уверенно сказать, что разумным субъектам свойственно мышление, так как они обладают развитым разумом. Что здесь будет главенствующим, «диктующим условия» в различных жизненных ситуациях, душа или разум? Согласно религиозных Святых Писаний в христианстве, во главе всего стоит Бог, Он Един, но существует в трёх Лицах или Ипостасях. Святая Троица: Отец — Бог, и Сын — Бог, и Дух Святой — Бог. Также говорится: «Пресвятую Троицу можно назвать самым совершенным единством в любви, или союзом любви, потому что совершенны Любящие и совершенна Их любовь». Но в Святом Писании меньше всего говорится о Святом Духе. Нет, мы не станем развивать эту тему, нас интересует больше духовный мир героев, их человеческие, моральные качества и черты характера.

Какое значение имеет то, что тот же Кирилл был рождён под созвездием Рака? Очень большое. Хотя если следовать опять-таки канонам православия, то увлечение астрологией — грех. Более дословно из беседы с иеромонахом Макарием (Маркишем): «Естественные науки — такие как медицина, — имеют своим предметом материальные явления: они могут быть добрыми, злыми или нейтральными по отношению к добру и злу. Астрология, напротив, — это связь с невидимым, нематериальным миром, оккультное служение силам зла: поэтому она всегда греховна.» И, несмотря на это, мы, люди грешные, так привыкли к гороскопам, что во многом, особенно когда предстоит в жизни ответственное мероприятие или время принятия судьбоносного решения, то мы грешим, пользуясь «предостережениями» или подсказками, как лучше поступить, даже стрижемся и ногти обрезаем не в любые дни, а в «благоприятные». Постараемся держаться «нейтральной линии», хоть и хочется... но так и быть.

Хоть и душу с разумом можно поставить на один уровень вершины управленческой олигархической пирамиды жизнедеятельности, всё же душа «на полголовы» возвышается над разумом и, может быть, во многих жизненных эпизодах брать в союзники разум, но никогда не наоборот. И путь разума исключает вмешательство души в созидательный процесс. Как-то так.

Душа стремиться к идеальному, «райскому наслаждению» и потому подталкивает разум к тем путям, которые могут привести к этому, к чему стремится индивидуум.

Разум воспринимает органами чувств информацию и события, производит их анализ, создаёт стратегию и тактику действий и, конечно, не всегда единственно верные, выбирая из того потока, которые легли на душу, были ей предпочтительны. Но импульсы к «подключению» разума даёт всегда душа.

Если говорить проще о тех качествах, которые были предпочтительнее и определяли поступки и суждения Мельника, то это: порядочность, отзывчивость и простота со склонностью к самопожертвованию, открытость и душевная прямота.

Из тех качеств, которые Кирилл терпеть ненавидел в людях, и они были определяющими, чтобы с ними стараться никаких дел не иметь, по возможности, конечно: лживость, лицемерие и двуличие, предательство и угодничество, карьеризм и прочее.

Как «технарь», Кирилл, подключая к помощи аналитический ум, давал своей душе такое вот необычное для гуманитариев определение. Душа — это «очиститель вороха» (типа ОВС-25, с которыми он был знаком и не только в теории) всего, с чем приходится ежедневно сталкиваться. В ней производилась полноциклическая, многостадийная очистка: от грубой сортировки, где отделяются огромные камни и валуны, символизирующие ненависть, злобу, негатив и всяческую скверну, до тончайшего сепарирования и обработки на «триерах» нежных душевных фибр.

А если упростить этот процесс, ведь тогда на это уйдёт меньше сил и здоровья, нервы будут в порядке и позитивнее станет взгляд на жизненные тряски и испытания, так ведь?! Можно и так, некоторые так и живут, по принципу «меньше знаешь — крепче спишь». И у таких душа не болит, у них душевные фибры, скорее всего, толщиной в транспортную ленту рудных или угольных шахт — в жизни не порвутся, как не грузи, не бей — не пробиваемые и бесчувственные. Такие души имеются у людей-пофигистов.

Бесспорно, людям с повышенной чувствительностью к различного рода раздражителям — информации, впечатлениям, эмоциям и всему иному, проходящему через душевные фибры, — живется сложнее, чем тем, кто обладает «толстой кожей» и «бронированными» вратами, за которыми скрывается трусливая или равнодушная душонка. Подобно тому, как жабры у рыб являются не только органом дыхания, но и выполняют другие функции жизнедеятельности и обмена веществ, так и душа человека. А кто это делал такие умозаключения о людях и том же Кирилле? Они могут быть ошибочными, напыщенными, искажёнными, приукрашенными, не соответствующими действительности? — Бесспорно могут. И не обязательно в худшую сторону. Порою, человек, из-за своей скромности или излишней требовательности к себе, в чём-то скромно оценивает свои не худшие человеческие качества, черты характера и даже жизненные принципы. Хорошо ли это? Скромность, бесспорно, украшает человека. И хорошо, если это замечают окружающие и поправляют его, оценивая со стороны, может быть, более объективно и непредвзято.

В конечном итоге человек познаётся в поступках, как он проявляет себя в каких-либо сложных обстоятельствах, где необходимо иногда быстро и решительно принять решение и единственно правильное и кто потом подтвердит правильность этого решения или поступка. Будет отличаться человек высокоинтеллектуальный от того, у кого интеллект значительно ниже в одинаковых ситуациях? Конечно! А будут-ли поступки интеллектуала более благородными и правильными во многом от тех, которые совершит, скажем, дворник с незаконченным средним образованием и его тянули до аттестата лишь потому, что не хотели портить итоговые результаты по школе и престижность учебного заведения? Отнюдь не обязательно. Представьте себе, что этот человек, которого принято считать, как относящегося к одному из самых нижних слоев общества, вместо того, чтобы изучать математику с физикой, проводил бессонные ночи за трактатами философов. Он старался понять рассуждения того же Сократа в трудах Платона; знаком с работами Рене Декарта, с его «Метафизическими размышлениями»; знаком с принципами действующих форм морали, религии, культуры и общественно-политических отношений в философских трудах Фридриха Ницше и других. А «ботаник» вызубривший «от корки до корки» всю литературу, согласно школьной и институтской программы, не только «Войну и мир», но и «Му-му» прочёл в кратком варианте хрестоматии, где и приводится сразу «расклад» о том, кто и что собой представляет — собственного мышления где минимум.

Порою мы знаем человека много лет, но попав в какую-то ситуацию, где и должны проявиться все и самые лучшие человеческие качества, так и низменные, если таковым заложено начало, зародышем в сознании его, в низкодуховном внутреннем мире: лживость и безпринципность, безразличие к тому, что просто обязано затронуть душевные струны и они должны обозваться адекватно — но не тут-то было. Он здесь проявляет себя во всей красе, мы видим его сущность.

Кирилл обладал в большей степени аналитическим, творческим складом ума. Часто его ответные реакции и поступки, как результат решения задач не типовыми способами, с применения алгоритмов, а неповторимые, не только в практике поступков других, но и самого его. Он не любил повторяться. И даже когда знал наилучший вариант поведения в данном конкретном случае, выбирал неопробованный, совершенно новый, возможно, не совсем верный или совсем не верный, но «авторский», только его и возможно, что больше никем уже не будет повторён. Он терпеть ненавидел натоптанные тропинки и изъезженные жизненные магистрали. Дух первопроходца, создателя и творца — вот что руководило его сознанием в выборе решения той или иной жизненной проблемы, выхода из затруднительного положения.

Самое интересное, что Кирилл ненавидел жизненный штиль, который ублаживал и расслаблял. Волнение, как минимум, а ещё лучше — бушующий океан событий, чувств и идей — вот это настоящая и интересная, насыщенная глубиной ощущений до мурашек по коже, до эйфории, до жизненного экстаза и после до расслабляющей нирваны. Вот она, настоящая, кипучая жизнь, с ощущением нахождения в эпицентре землетрясения или жерла проснувшегося вулкана, из которых нужно выйти достойно, ценой больших усилий и победителем, благодаря концентрации всех своих физических и, главное, умственных способностей.

Проявлял Кирилл вот эти способности в повседневной жизни? Конечно, нет. А зачем, когда можно обойтись «малой кровью», чтобы энергетический запас как физических сил, так и интеллектуальных способностей, способностей быстрого логического мышления на базе математического и философского склада ума и какого-то необъяснимого чутья, а порою просто риска, можно было выплеснут мощным энергетическим всплеском в критические моменты. Вот это его свойство помогало ему совершать невиданные, удивляющих всех, потрясающие результаты в труде и лучше всего они проявлялись тогда, когда до этого было кризисное резкое падения его и в профессиональной деятельности, и в личных делах. Было такое ощущение, что внутри него работало два жизненных мотора: первый работал повседневно, был малой мощности, с целью экономии и аккумуляции жизненной энергии в мощном источнике питания, который лучше назвать человеческим реактором, работающим в «спящем режиме». И в критические моменты «времени „Ч“», происходит автоматическое переключение на более мощные и «режимы питания», и «мыслительные процессы», и «органы исполнительной функциональности».

После того, как сложная и на первый взгляд невыполнимая задача была достойно решена, Кирилл даже сам удивлялся, как он смог этого добиться так быстро, результативно и эффективно, даже эффектно, если не сказать феерически.

С другой стороны, если проследить его жизненный путь на протяжении нескольких лет или десятилетий, но он не увлекался этой своей способностью, а «подключал её», лишь в особых случаях. А те проблемы, которые он считал не судьбоносные и не столь важные он бросал на жернова повседневной рутины.

Сказать, что он был чистый «технарь» с аналитическим складом ума нельзя, как и то, что он был сугубо гуманитарием. Его склад ума был сбалансирован, хоть и колебался на весах равновесия с перевесом то в пользу одного типа мышления, то в сторону другого, в зависимости от специфики решаемой задачи. Являясь и прагматиком, и креативщиком, вернее совмещая или сочетая всё в себе одновременно, он находил их и налаживал между ними логические связи, увязывал, на первый взгляд, несовместимое — это и позволяло решать сложные задачи, при

условии, что они были ему интересны и он проявлял к этому явный интерес. И чем сложнее была задача, тем больше разгорался интерес разрешить её самому, применив все свои способности, умения и навыки в единой связке.

Была у Кирилла ещё одна черта характера, которая проявлялась в излишнем самоедстве, самобичевании и даже самоунижении. Он это делал, конечно, чаще всего в пылу, когда осознавал свои серьезные ошибки или проступки и делал это не только в своих мыслях и страданиях, забившись где-то в уголок, а на виду, при людях. Кто его хорошо знал, те не старались его успокаивать, так как это могло было подействовать, как канистра с бензином, применённая для тушения пожара. Ярость и обвинения в свой адрес, как правило, утихали минут через пять, но этого времени было мало, чтобы начинать с ним разговор, тем более, обсуждать этот случай и его поведение — упаси бог. В противном случае последует взрыв эмоций, в разы превышающий по мощи первичный. Кто-то скажет: да он просто псих. Надо полагать, что психи не только и не столько на себя накидываются в обвинениях, сколько на других. Как бы то ни было, эта реакция называется аутоагрессией, то есть реакция, направленная на себя, в свой адрес. Единственно, что можно констатировать из слов самого Кирилла после завершения аутоагрессии: «Фу! Пар выпустил... Вот теперь другое дело, вот и отлегло на душе...».

Может быть он и «казнил» себя лишь потому, что после своего недостойного, по его мнению или даже убеждению, высказывания, поступка или иного действия, он не получал осуждения окружающих, а самобичевание, как исповедь, как покаяние облегчало душу, хоть и делал он это в своеобразной, если не сказать артистической формы, в виде театрального трагического монолога.

Были ещё вот такие вещи, которые окружающим могли показаться странными. Например, за свою жизнь Кирилл сдавал больше двадцати раз кровь, чаще всего это происходило в день донора. И, если посчитать, то вся кровь, только благодаря этому, сменилась полтора раза. Он никогда не боялся уколов и всегда смотрел на руку, наблюдая за процессом забора крови. А когда уже вены стали плохими, тоненькими и хрупкими, то сам подсказывал, откуда ещё можно взять кровь для заполнения десяти «кубиков» для анализов. Но упаси боже, когда ему прокалывали палец, чтобы взять несколько капель крови на тот же анализ подтверждения группы, вроде она изменится, если всю жизнь была четвёртая «положительная». Его чуть-ли не держать приходилось, он стискивал, оставшиеся во рту зубы до их скрипа и сидел сам на стуле, как на иголках. Он так же смотрел на момент укола иглы или ланцета, но за пару секунд, от момента, когда палец дезинфицируют ваткой со спиртом до того, как произойдёт «проникновение острого предмета в его плоть», для него казались вечностью.

Его в 50 лет жена водила к зубному врачу. Кирилл ещё лет с десяти, как впервые услышал жужжание бормашинки, даже под «угрозой расстрела» не ходил к зубникам. А если зуб начинал сильно болеть или появлялись дефекты, которые нужно было устранять в стоматологическом кабинете? Он терпел до тех пор, пока мог. Когда это было невыносимо, брал слесарные плоскогубцы, обрабатывал их огнём и спиртом или спиртосодержащим раствором, набирался терпением, становился напротив зеркала в ванной и «извращался» над собой до тех пор, пока или зуб был выдран или его обломленный конец. Но второе было реже. Таким образом он вырвал пять зубов, в основном коренных. Три зуба вырвал голыми руками, терпеливо расшатывая их, делая перерывы, чтобы не отключиться об «болевого шока» и продолжал. И считал, что удалением таким способом и без наркоза ему легче стерпеть, чем ту же процедуру в оборудованном кабинете специалистом и под наркозом. Вот таков парадокс.

Если немного обобщить всё из того, что мы узнали, а многое осталось за завесой неведения, то и здесь прослеживается то, что «все люди, как люди, а этот — Рак». Сколько людей, столько и характеров, и без «бзиков» в голове не обходится. Индивидуум должен быть индивидуальным и неповторимым, не как все, он же не клон. Хотя, если посмотреть с другой стороны, люди, имеющие много общего, сходятся чаще, даже заранее об этом не зная. Их просто тянет

друг к другу по непонятным причинам. Опять же пример, когда Кирилла очаровала девушка и он влюбился в неё с первого взгляда. Это уже потом, через много лет, когда в моде стали гороскопы, выяснилось, что они очень подходят для совместной жизни. Вот так-то, как говорится, хотите верьте — хотите нет.

Ещё об одной черте Кирилла хотелось бы сказать, это общительность и откровенность в общении, возможно, что излишние даже, его простота была близкой к простоватости. Нельзя же говорить, что излишняя простота, наивность человека и доверчивость часто могут быть источником его неприятностей. Люди же могут использовать это в своих, совсем не благородных, не в дружеских задумках, а против самого открывшегося перед ними человека. Кирилл знал и об этом, но ничего с собой поделать не мог, он просто не мог жить иначе, закрыто, что-то утаивая — это чуждый для него образ жизни. Он был не готов жить в этом лицемерном и противоречиво-враждебном мире, где законы волчьей стаи являются несбыточной мечтой человеческого общежития, в которые наивно верил сам Кирилл. А в обществе работал другой закон, «закон курятника» — «кто нижнем ярусе сидит, на то и гадят».

Что тут скажешь, если человек простака-простаком. Мать, зная эту слабость сына, пыталась его научить быть более скрытным, но он даже на своих недругов шёл «с открытым забралом». При этом умышленно или нет, но сообщал и о сильных, и о своих слабых сторонах, становясь более уязвимым и предсказуемым. Зачем? Думается, что, видя своё превосходство в чём-либо перед противником, Кирилл давал «фору», чтобы хоть как-то за счёт этого уравнивать силы, чаще не физические, а интеллектуальные.

Что касается физических сил, которые Кириллом применялись очень редко и в крайних случаях, то он имел средние физические показатели: не был хилляком и громилой тоже не был, а был как и ростом, так и силой среднестатистическим и не агрессивным. А избегать открытых конфликтов, с откровенным мордобоем, мог избегать, благодаря совсем не физическим способностям.

— Так, всё, хорош! — такими словами может возмутиться читатель, ожидающий интриг, — зачем все карты раскрывать? Тогда образ будет не интересен и предсказуем.

Согласимся с правдивостью высказанного замечания и отлаживаем анкетный лист в сторону. А уважаемому читателю напомним: 1983 год, март месяц, Алексеевский лес, санитарные рубки продолжаются. Кириллу любые незаконные методы противоречат его принципам, сделаем это и без его помощи.

8

Уже несколько дней бригады лесорубов выполняли санитарные вырубki в Алексеевском лесу и в кварталах, расположенных внутри излучины Миуса, напротив села Алексеевки. Те, что слева при движении из М-Кургана, хоть и на небольшом участке, но украшают вид за окнами проезжающих автомобилей по трассе Ростов-на-Дону — Донецк, с желанием остановиться в дни знойного лета, чтобы, съехав на обочину, отдохнуть, перекусить и подышать свежим лесным воздухом. Можно также съехать и по ходу направо, где также имеются лесонасаждения, но уже напротив хутора Степанов и посёлка Надежда. И тут и там предстояли лесорубам работы.

Кирилл уже не краснел как в первые дни работы, когда подходил к бригадиру лесорубов с просьбой:

— Дядя Коля, выручай! Втюрился прицепом, что ни в зад, ни вперёд...

Тот, неизменно улыбаясь, брал бензопилу «Урал», которая незначительно отличалась устройством, но несущественно, от «Дружбы», которой работал Алексей Иванович и двинувшись за Кириллом, уже с усмешкой отвечал:

— Мы так с тобой доработаемся, что нам не премию, а штраф наложат за то, что губим здоровые деревья. На нём же Фёдорович «чёрной метки» не поставил?!

Увидев, что Кирилл изменился в лице, приняв сказанное близко к сердцу, успокоил:

— Кирюша, да не бери ты пустого в голову... ну пошутил я. Ты думаешь, что и правда лесник все деревья под спил пересчитал, и сколько их в квартале должно остаться? Всё нормально. Через пять минут от дерева и «аварии» и следа не останется. А ты присмотришься, учись у Василия Ивановича. Он всю жизнь трактористом проработал, опыт ого-го...

Это было в первые дни работы в лесу. А теперь Кирилл мог, застопорив прицеп и работая рулём и раздвоенными тормозами правого или левого задних колёс, что танк или гусеничный трактор, вращаясь на одном колесе, ювелирно подгонять прицеп точно, как командовали бригады. Сложнее было потом выехать уже с гружённым прицепом, но и с этим Кирилл быстро научился справляться, учитывая величину заноса прицепа при повороте и условия сцепления или, наоборот, проскальзывания шин по снегу, если это будет выгодным, для изменения траектории движения. Тут тебе и физика, и теория механизмов и машин, и тригонометрия, и особенности вождения с прицепом в сложных климатических условиях — вся теория могла быть применена на практике, и Кирилл это быстро понял, что институтские знания только «плюс» в совокупности с практическим опытом.

Уже середина марта, а в лесу снег подтаял только в тех местах, где имелись поваленные деревья, и чернота стволов их «притягивала» скудную теплоту солнца, снег подтаивал. А также сильно подтаял снег и на тех склонах, крутых берегах реки, которые уже начинали «нежиться» напротив солнышка.

Кирилл поневоле вспомнил как во время службы, когда прослужил уже более двух лет и на морском жаргоне звался «годком», делил со своими товарищами открытые с южной стороны окна казармы на втором этаже, где размещался кубрик их экипажа. Парни раздевались до пояса и выставляли отбеленные за зиму в бане тела дерюжными мочалками, управляемыми, как в море корабли, сильными руками товарищей-мореманов с таким усердием, что даже «прошлогодние тельняшки обнаруживались на спине», как говорили в шутку. Принимали загар, начиная с середины марта. Но в марте это был ещё не загар, а закаливание на воздухе. А самый красивый за всю жизнь загар Кирилл получил именно на Балтике, на последнем году службы. Там невозможно было сгореть, а загар получался бархатным.

Бригады со своими помощниками валили намеченные на спил деревья. Другие лесорубы крыжевали их внизу и сталкивали тонкие ветки в кучу, которые просто потом сжигали. И затем в обед усаживались вокруг сильно просевшего костра. Собственно говоря, в костре

оставался только один жар. Можно и картошку поджарить. А кто желал, нанизывал кусочки отварного мяса или сала на веточки, что шашлык.

Но коллективного стола как на пикниках не делали. Так как кругом лежал снег, то рассаживались на заваленных деревьях или пнях по кругу, как «двенадцать месяцев». Это сравнение пришло Кириллу в голову тогда, когда он без проблем сосчитал всех присутствующих — родно двенадцать, десять лесорубов и два тракториста. И-то, иногда один из трактористов, отвозивший дрова, мог перекусить и на базе, если время обеда заставало его там.

Хуторяне, находящиеся в большинстве своём ещё «под надзором» брали с собой скудные тормозки и их обед, как правило занимал не более пяти минут, за исключением Фили, у которого зубов практически не было, и он мог смаковать пять минут только один кусочек сала. Возможно, это и хорошо. Учёные говорят, что пища должна пережёвываться долго, тогда у человека быстрее наступает насыщение. А если глотать, «как утка», то и при большом объёме заглощённой еды, чувство голода не пропадёт.

Коля Фёдоров о чём-то мирно беседовал за едой со своим бригадиром Алексеем Ивановичем. Николай Петрович, что на троне восседал в гордом одиночестве на пне, разложив «тормозок» на газете, а сама газета, что скатерть прикрыла широкую сумку на коленях бригадира. Кирилл привычно не нарушал традиции, обедал с Василием Ивановичем и у них обычно были темы разговора специфические, хоть и не всегда.

Один только Косой незаметно удалился и его «пропажу» обнаружили только тогда, когда он возвратился со счастливой улыбкой, гордо поднимая над головой руки, в которых «красовались» бутылки, штук четыре лимонадных или пивных, получивших в народе название «чебурашки» и пара водочных.

— Не успел закончиться февраль, а уже звучит хрусталь! — только и произнёс Косой.

— Поэт, ядрена вошь! — усмехнулся его бригадир Николай Петрович. — Если бы так работал, саботажник.

— Он же ничего не рубал, в смысле не перекусил... — заметил Кирилл, собирая и заворачивая в газету отварную картошину, кусочек хлеба, одно яйцо и половинку луковицы.

— Ты чего? — удивился Василий Иванович. — Решил всю эту кодлу прокормить? Они зарабатывают неплохо. Где они деньги девают, ни детей, ни плетей, а? Проср..., прое... — пусть то и едят.

— Да он же не так давно у нас, может на одежку, на посуду там потратил первую получку.

— Ну, да. Корми-корми, я-то чё... — Василий Иванович даже отвернулся.

Кирилл чуть поразмыслил, резко поднялся и решительно пошел к Грине:

— Держи! Перекуси, хоть немного...

— Не... не-не, не нужно, я сыт.

— Чем же ты сыт, воздухом морозным? — удивился Кирилл.

Косой улыбнулся, задрав ватник, сунул руку за пояс и гордо вынул поллитровую бутылку вина, наполовину отпитую и закрытую капроновой пробкой. Он развернул бутылку этикеткой к Кириллу и тыкнув в неё пальцем сказал:

— Читай! Крепость — 17, сахар — 12! Что такое сахар? Это глюкоза, то бишь еда. Я и выпил, и закусил. Не нужно мне ничего, я не привык...

Кирилл не стал дожидаться окончания лекции на тему «о пользе плодово-ягодного вина, как средства от ожирения», всунул газетный свёрток в карман ватника «сладкоежки» и молча пошёл, чтобы присоединиться к Василию Ивановичу, и собрать сумку, а объедки, яичную и картофельную кожуру предать огню.

— Ну, что ты понял? — с улыбкой спросил Василий Иванович.

Кирилл ничего не ответил. Открутил крышку термоса, налил горячего чая и с удовольствием предался чаепитию.

И тут его внимание опять привлёк Косой. Он снял переброшенную через голову небольших размеров матерчатую сумку с пришитым грубо и неумело к длинному поясному ремню, открыл и, с фарсом о своей находке вынул десятка полтора свежих, местами примороженными наледью на шляпках опят. Затем положил на свободный пенёк свежеспиленного, погибшего на корню дерева и пошёл, с помощью топора, изготавливать из гибкого побега шампур. Быстро нанизал самые крупные экземпляры на изготовленный шампур и присел на присядки у костра, предвкушая вкус деликатеса. Грибы, попав в стрессовую ситуацию перепада температур, пытались защититься от такого насилия, выбрасывали влагу, изображая на гладких шляпках всевозможные гримасы и возмутительное шипение. Но вскоре смирились, стали подгорать совместно с шампуром и, когда шампур буквально перегорел, Гриня ловко подхватил, желавшую упасть половинку со снедью и бережно, как на подносе медленно опустил на пенёк.

— Горячее сырым не бывает! — театрально объявил всем, кто следил за его кулинарным мастерством.

Но, прежде чем притупить к трапезе, достал «из холодильника» недопитую бутылку, выпил, крикнул, потёр энергично ладони и взяв одну из половинок шампура приступил, с наслаждением и причмокивая, глотать подгоревшие грибы.

Откуда взялся холодильник? А вы разве не знаете? Есть загадка: какой холодильник самый лучший в мире? Ответ: мужские трусы, в них и колбаска и яйца хранить могут годами, где они не пропадают.

А Косой держал стеклянную тару за поясом, как в холодильнике в дверце — не в морозилке, дабы ангину не заработать.

— Вот тебе, Кирюха, ещё одно доказательство. Такие не пропадут, у них иммунитет такой, что наш отдыхает и, что тараканы, живучие, просто жуть берёт. — Василий Иванович вздрогнул и медленно поднялся с удобного, в качества табурета, пня.

Повесил в кабину трактора сумку, повернулся к зашевелившимся у костра «одиннадцати месяцам» и громко предложил:

— Ну, чё, братва?! Грузить будем или по грибы?

Кирилл с разрешения лесничего с работы и на работу ездил на тракторе, как и Василий Иванович. Одна из причин была в том, что в условиях зимы и морозных мартовских ночей, с тракторов приходилось сливать воду, так как об антифризах и речи не было. В домашних условиях можно было легко и своевременно нагрев дома воду, запустить и прогреть тракторы, приехать в лесничество ещё до приезда рабочих, заправиться с помощью ручного насоса, взяв ключ от замка от заправочного пункта в условном месте. Это позволяло экономить от 40 минут до одного часа подготовительного времени.

Вторая причина была в том, что во время непогоды, снежных заносов или распутицы, «грузопассажирку» необходимо было буксировать до базы лесничества и вечером в обратном направлении.

С восточной стороны усадьбы родителей Кирилла, где была, хоть и не обозначенная пограничными столбиками граница посёлка, была высажена лесополоса и акации достигли возраста зрелости, деревьям было лет по 20—25-ть, судя по диаметру стволов. И потому, в крайних западных рядах и междурядьях лесополосы между лесополосой и забором усадьбы, из-за пыльной бури образовался приличный земляной бурхан. Кирилл использовал эту горку для стоянки трактора, а утром использовал её для запуска спуском вниз накатом. В редких случаях запуск «с толкача» не удавался, обычно, при низких температурах и сильных ветрах, выступившими за ночь металл и масла. Тогда приходилось использовать «пускатч».

«Дэтешка» всю зиму, что медведь в берлоге простояла на приколе у окон Ивана Ивановича. И когда весна начала вступать в свои права, на его металлической крыше по утрам можно

было заметить резвившихся коз. Это тётя Сима выгуливала, соскучившихся по свободе, долгое время ютившихся в сарае коз. Ладно, когда гусеничный трактор, на него легче взгромоздиться, на гусеницы, потом на капот двигателя и далее на крышу. А вот, когда Кирилл оставлял трактор во дворе лесничества, а утром, что на горной вершине, толкаясь боками и бодаясь рожками, гарцевали две-три молодые козы или козлика.

После них приходилось даже крышу выдавливать наружу, так продавливали прыжками. Ранней весной, пока ещё не было молодой травы, а только деревья, которые были объедены на высоту, куда можно было дотянуться, козы съедали всё, что попадалось: бумагу, целлофановые кульки, кору с древесины, сложенную для распиловки на дрова, дерматин утеплителей на капотах тракторов. Это просто стихийное действие. Бедные их желудки. Ладно там, утки, они и металл перетирают песком и мелкой галькой.

А вот уткам была благодать. Только в июльскую жару, если не было долго ливней, они принимали водяные или грязевые ванны в многочисленных лужах. И метрах в трёхстах было озеро, почему-то имеющее название Немецкое. Тётя Сима как-то ухитрилась уток приучить, видимо кормом, что они весь день могли примерять на себе имидж «диких», плескались в озере, а с заходом солнца, гогоча, с раскачкой моряков спешили к кормушке.

Земли, прилегающие к лесничеству и принадлежащие ему, находились в низине, в пойме с близким залеганием грунтовых вод, и представляли собою солонцы. По периметру территории и даже между посадочными участками, где высаживались саженцы акации, берёзы, сосны, кустарниковые и другие саженцы, были нарезаны мелиоративные каналы, для осушения этих площадей.

Как только почва подсыхала, начиналась в лесничестве, как и во всём мехлесхозе самый напряжённый период. А в этом году объёмы работ, со слов лесничего раза в два-три будут превышать прошлогодние объёмы. И стояла задача, принятия срочных мер по повышению энерговооружённости предприятия, а стало быть, и численности рабочих.

Были приняты три тракториста: один с плодосовхоза, Алексей Пронин и двое из бывшей некогда немецкой колонии, хутора Староротовки, Андрей Шмидт и Саня Рагозин. Рагозина «посадили» на «дэтешку», так как Иван Иванович, после очередной зарплаты, загульванил с Лидухой, и так, что из райотдела приезжали утихомиривать сотрудники. Он даже в КПЗ на нарах пыль своими боками сумел подшлифовать и «отгладить с отпариванием», а «в награду» ещё эти бока ему чуток «прогладили», чтобы на будущее их не тревожили ночами вызовами в этот «клоповник» в «затерянном мире», хоть и под боком райцентра.

Иван, после того как отлежался и стал ходить более ровно, не хватаясь за бока, вышел на работу на распиловку древесины. А когда наряда не было, ночами с Лидухой, как он любил называть свою красавицу, клепал тарные ящики или вязал веники. И не только они, многие из так называемого «бандерложья», от скуки и после того, как выпьют, осознав, что деньги совсем не помешают, и ещё потому, что если не пить, здесь, в этой трущобе, вообще делать нечего, устраивали ночные смены: как минимум до полуночи в цехе ширпотреба горел свет.

Саня Рагозин, как выяснилось, тоже по малолетке успел «наботаться по фене». Но от этого, как говорится, как и от суммы зарекаться не стоит. Саня на ДТ-74 Фанфана обрабатывал поля и насаждения непосредственно на территории лесничества и это было логично. Не пошлют же гусеничный трактор по колхозам района, удалённых от базы лесничества на 30—50 и более километров.

Саня был молодым женатым мужчиной возраста Кирилла, худощавым, черноволосым, с орлиным носом и глубоко посаженными маленькими, постоянно бегающими карими глазами. Было в нём что-то отталкивающее. Даже речь его была интересная, с ощущением того, что его челюсти зажаты сталью узкого рыцарского шлема, как в фильме «Маска», он как бы уже врос в неё и с трудом процеживает слова, как через такой же металлический дуршлаг. Но это было ещё ничего, терпимо.

В этот день, сразу после получения первой зарплаты, Рагозин, в отличие от «бандерлогов», чин-чином, даже раньше времени явился на работу и, не дожидаясь приезда начальства, заводит ДТ-74 в агрегате с тяжёлым культиватором КПЭ-3.8 и отправляется «поднимать целину» недалеко от двора лесничества.

Кирилл, когда приехал в лесничество, Саню уже не видел: только был слышен напряжённый рык дизеля на плотной почве, много лет не обрабатываемой и скреплённой корневой паутиной сорняков. Получив наряд — засеять пять гектаров семенами веничного сорго, навесил зернотравяную сеялку и отправился на подготовленное поле, которое было расположено метрах в двухсот от мастерской.

Настроение хорошее, всё ладилось. После нескольких дней посадки лесополос, смену вида работы можно было считать, как отдых. Нужно было не упустить сроки и не допустить выветривание влаги. Настроив сеялку на норму высева и сделав пробный засев, разбил загонку и стал «челночным» способом с помощью маркера, отчерчивающего след, для обратного прохода.

Сделав всего пару кругов, Кирилл услышал неестественный рёв двигателя, с каким-то раскатисто-металлическим грохотом вперемишку со скрежетом, где-то за мастерской, там куда направил своего железного коня Саня Рагозин и где располагался летний лагерь. Кирилл оставил трактор, не поднимая сеялку, чтобы не сбиться с прямолинейности рядков, при повторном заезде. Выбежал на грунтовую дорогу, соединяющую двор лесничества с пунктом заправки дизтопливом, большинством полей и питомником.

Трактора Рагозина из-за мастерской видно не было, но во двор повыбежали все женщины из своего производственного цеха и что-то неразборчивое кричали, жестикулируя руками. Послышался очередной грохот со звуком перехода двигателя на режим работы под нагрузкой. Кирилл хорошо понимал, что это всережимный регулятор увеличил подачу топлива на максимальную, дабы преодолеть кратковременную нагрузку. Но она была не такой уж и кратковременной.

«Почему Саня не переходит на пониженную передачу? Почему „душит“ движок? Что случилось?» — пульсом, после каждого бегового шага Кирилла, вопросы пробивали «адекватность поведения» тракториста со склонность в сторону неадекватности.

Немного срезав расстояние не по двору, а мимо питомника за мастерской, Кирилл уже увидел столб чёрного дыма и трактор, который, казалось, двигается не по полю, а по буеракам. На дороге, в двадцати метрах от «озверевшего трактора» или, точнее, тракториста за рычагами трактора, стоял лесничий Николай Константинович, с воспалённым красным лицом, одной рукой поправляя очки, как будто там не очки, а пенсне, а другой рукой жестикулировал и угрожающе махал кулаком.

Кирилл понял, у Сани «съехала крыша». Он уже не культивировал заросший сорняком участок, он умышленно и целенаправленно направлял «дэтешку» на лёгкие, если можно так назвать, строения летнего лагеря. Этот лагерь, с административным корпусом, двумя общежитиями и столовой, рассчитанный на проживание и питание школьников-старшеклассникам или студентам, проходившим учебную или производственную практику, уже около трёх лет бездействовал и был законсервирован. А Саня его «расконсервировал», как консервную банку «Килька в томате», но не консервным ножом, а «стальным конём» с «неубиваемым» культиватором.

Два домика уже больше были похожи на руины: груды уголков среди торосов из битых плит плоского толстостенного шифера стен домиков и волнистого с крыш, утеплителя, изуродованных каркасов столов, шкафов и прочего. За культиватором, который уже не мог заглублять свои пружинные стойки с культиваторными лапами, тащился шлейф арматуры и всякого хлама. Мелкий хлам вываливался при резких разворотах трактора, который под управлением

невменяемого человека, представившего себя Александром Гастелло, идущего на огненный таран вражеской колонны.

Кирилл уже не видел ничего под ногами, цеплялся за разбросанный хлам и даже чертыхнулся однажды, зацепившись за что-то и разодрав штанину шерстяных морских брюк-клёш. Кирилл после службы три года берёг их и одевал только на День ВМФ и на праздники, а когда впервые порвал, жена отремонтировала, и он решил: «Своё отслужили, доношу на работу». Кирилл пристально смотрел на того, который «мёртвой хваткой» уцепился в рычаги управления фрикционами поворотов, глаз совсем не было видно, но выражение лица было пугающим.

У Кирилла был небольшой опыт запрыгивания в гусеничный трактор, которым управлял он сам и, дурачась, на спор выпрыгивал и запрыгивал в него. Но то было сделать проще, «Алтаец» двигался по прямой на 2-й из 4-х возможных передач и за рычагами никого не было, и двери его были открыты.

Здесь всё сложнее: дверь открыта только левая, движения трактора непредсказуемы, как и сам буйнопомешанный (для диагноза врач был не нужен), и самого тракториста оторвать от рычагов, не попав при этом под движущиеся гусеницы — проблема не из лёгких.

Кирилл обернулся к лесничему и заорал:

— Константинович, отвлеки его, как и чем хочешь, бросай в него земляные крыги, главное — отвлеки...

Лесничий понял, что хотел сделать Кирилл, и сделав ещё несколько шагов, начал нагибаться, брать земляные комки и швырять в движущийся на ещё не развороченную столовую невольный исполнитель больших фантазий «самурая-камикадзе». Пару раз это у него получилось и Рагозин, сделав ещё более обозлённое лицо, искажённое злобой и даже, сделал резкий вираж, при этом мог зацепить культиватором Кирилла, оббегающего трактор сзади и слева. Рагозин его потерял из виду.

Кирилл прыгает на вращающуюся левую гусеницу и успевает правой рукой ухватиться за дверной проём. Тракторист, скорее всего неосознанно, от неожиданности, дергает рычаги на себя. Трактор, идущий под нагрузкой, практически моментально останавливается. Кирилл, под действием инерции, устремляется вперёд, правой рукой, пытаясь удержаться, тянет дверь и она, выскочив из фиксатора покатила вперёд, закрывая дверной проём. И вот уже кисть руки, получая удар, оказывается зажатой дверью. Сашка, сообразив, что его пытаются остановить, отпускает рычаги и трактор, взревев, пробуксовал гусеницами и ринулся вперёд. Рука освободилась и дверь снова пошла назад, а ноги потащило почвозацепами вперёд. Кирилл, быстро перебирая ногами и цепляясь за гусеницы коленями, ухватился левой рукой за неподвижную ручку на передней стойке кабины и начал подтягиваться.

Попытался правой рукой ухватить Рагозин и оторвать от рычагов, но гусеница стащила ниже, и Кирилл лишь смог потащить за штанину. Рагозин толи рычал, толи бормотал что-то — невозможно было что-то понять, ощутимо ударил ногой в грудь так, что Кирилла даже развернуло относительно левой руки, которой он впился «железной хваткой» за ручку.

Положение было почти патовое. Нужно было что-то срочно предпринимать. И тут Кирилл понял, что в кабину ему не обязательно нужно прорываться, озверевший Саня, ему не даст это сделать, момент неожиданности упущен, но и вместе с тем пришлось единственно верное в этой ситуации решение. Кирилл вспомнил, как проходит из кабины к ТНВД (топливный насос высокого давления) привод подачи топлива. Не раздумывая, пока ещё были силы держаться на левой руке и перебирать быстро ногами, дабы не быть захваченным гусеничным полотном, Кирилл рванул рычаг открытия бокового капота правой рукой на себя. Капот отошёл, но держался на втором крюке, до которого не дотянуться. Потянул во всю силу за угол капота, появился просвет между боковым и верхним, несъёмным капотом. Просунув туда руку, Кирилл нащупал тягу, опускающуюся под углом вниз и вперёд, и потянул вперёд. Дизель рыкнул и заглох.

В ушах стоял шум. Руку заклинило под капотом в области локтя. У Кирилла не осталось сил, чтобы подтянуться на левой руке, для освобождения правой. Да и левая рука уже отпустила спасительную ручку на кабине. Кирилл лежал на гусенице на правом боку.

Подбежал лесничий. Он кричал на очумевшего тракториста и одновременно пытался высвободить застрявшую руку Кирилла. Наконец, догадавшись, открыл передний запорный крюк капота и откинул его в сторону.

Кирилл сполз с гусеницы, прижался спиной к опорной каретке, медленно повернулся и посмотрел снизу вверх на Рагозина. Тот продолжал сидеть в своём кресле, с неподвижным и равнодушным взглядом. Он просто ещё ничего не понял, что он натворил.

Через пару минут налетели бабы, но то, что сыпалось на виновника ЧП в лесничестве в словесном потоке и виде ударов сжатых женских кулаков через головы друг друга, как они умеют, без боксёрского замаха «свингом» или «джебом», а сверху вниз, обрушив гнев на его голову и плечи.

Теперь уже лесничий успокаивал «бабский батальон». А Кирилл, поднявшись, поковылял потихоньку к своему трактору. Он закурил, руки были в крови и тряслись, куртка и особенно брюки были разорваны. На ногах через шерстяное тряпье брюк виднелись многочисленные ссадины с кровоподтёками. «Главное, что „фейс“ не пострадал, — подумал Кирилл, — а остальное заживёт».

Кириллу лесничий дал пару дней выходных, чтобы прийти в себя. Василий Иванович на другой день досеял сорго. Что стало с Рагозиным? Кирилл его в тот день видел последний в жизни раз. Его не просто уволили, судили. Заработал Саня за свою «героическую» битву с «мельницами» пять лет лишения свободы. А после того, как вышел, через пару лет пропал совсем, его не стало. Он ушёл туда, куда стремился, «в нирвану», в вечную «нирвану». Он после себя оставил память? Безусловно, оставил, но какая эта память, пусть скажет её вдова и дочурка, которая его почти не видела и не поняла, этот дядька с недобрым взглядом, от которого по спине мурашки бегали, он кто был для неё и её мамы? Но он был и «слов из музыки не выбросишь».

9

Кирилл имел хоть и не такой большой опыт работы трактористом, как у Василия Ивановича, его стаж насчитывал лет тридцать пять. Начинал он трудовую деятельность в колхозе и уже более десяти лет неизменный передовик производства и гордость мехлеспхоза, и это не для красного словца, а заслужено.

Кирилл же имел навыки работе на гусеничных тракторах, на ДТ-75М и на Т-4А. Если брать организацию и технологию выполнения полевых работ в культивации или посева, то тут большой разницы нет. Просто нужно привыкнуть к самому трактору, знать его габариты и что брать в качестве прицела, чтобы отбивать делянку на полях протяжённостью от 700—800 метров до полутора-двух километров. Для этого, накладывая мушку того же ружья между сконцентрированным взглядом и ориентиром (колышком или вешкой, другим ориентиром в конце загонки), пролегающим на прямой линии через ту же мушку. Как в тригонометрии или начертательной геометрии, прямая линия, проведённая через три точки — ювелирное дело. Если от глаза тракториста до «мушки», в качестве которой может выступать центр передней части откидного капота, всего около 2,5 метра, а до вешки пусть 500 метров. А теперь представьте, что вы потеряли из виду вешку, из-за сложности рельефа и продолжаете вести трактор, но со смещением направления движения по «мушке» всего на 10—20 миллиметров, к чему это приведёт через 50 метров, когда вы вновь увидите вешку? Трактор уйдёт от идеальной прямой на 2—4 метра в сторону. Если вы видели лесополосы, которыми разбиты сельскохозяйственные угодья предприятий, а в то время — колхозов, то поймёте. Если издали посмотреть — это прямая линия. От этих лесополос в дальнейшем механизаторы и производят разбивку поля: при посеве, особенно пропашных культур, где волны и изгибы сразу выявятся после всходов; при вспашке или культивации и, для того чтобы машинно-тракторный агрегат работал эффективно, нужно, чтобы практически отсутствовали «клинья» и «холостые пробеги». При разделке этих клиньев, как при обработке почвы, так и при уборке урожая. Всю теорию Кирилл, конечно, знал, а вот на практике нужно было опыта и навыков набраться. И вот она первая загонка. Поле засеянное озимой пшеницей, которая отошла от зимней спячки, хорошо перезимовала под снегом и была уже в фазе 4—5 листьев, нужно было разбить пополам. Примерно в середине загона рельеф плавно проваливался в продолжительную, затяжную впадину. В итоге расстояние метров в триста необходимо было пройти «вслепую», не видя вешку.

Кто знаком с особенностью вспашки тракторами семейства «Беларусь» навесным трёхкорпусным плугом, тот знает, что плуг нужно регулировать дважды. Первую регулировку заглубления корпусов при вспашке «всвал», производят правым регулировочным раскосом, центральной тягой и опорным колесом, с учётом того, что трактор первый и второй возвратный проход делается, когда трактор всеми четырьмя колёсами идёт по невспаханной поверхности, имеющей одинаковый коэффициент сцепления шин колёс с почвой. Остальные проходы делаются с перенастройкой плуга с тем условием, что оба правые колеса теперь движутся по пахотной борозде первого и второго прохода и так далее.

Это тоже Кирилл знал в теории. Но он не знал пока ещё тех тонкостей, которые были хорошо известны Василию Ивановичу. Конечно, выполняя первый проход, а он самый важный, Кирилл часто оглядывался назад, чтобы убедиться в прямолинейности первого прохода. И это была первая и серьёзная ошибка. Если бы и нужно было это делать, то не поворотом туловища, а через зеркало заднего вида. Дело в том, что когда он поворачивался всем туловищем, чтобы обозреть черную полосу пашни на красивой ковре яркого цвета, среди ранневесенней серости, символизирующем жизненное обновление, то неосознанно поворачивал и рулевое колесо, в результате чего послушный «железный конь» делал зигзаги.

Вторая и главная ошибка была в том, что, когда Кирилл «провалился» с трактором в ложину, не видя вешки, старался просто держать рулевое колесо в своих руках, как в «тисках». Но даже малейшие изменения сопротивлению первого или крайнего заднего корпуса, уклон поверхности на одну сторону и многое другое влияли на то, что тракторный агрегат мог уходить в сторону. Его «тянуло», что даже можно было ощущать по усилиям, передаваемым от управляемых колёс, но Кирилл был сильно занят, даже заиклен удержания строгого курса, как штурман за штурвалом корабля. Тут так не работает, как на воде, там гирокомпас чётко фиксирует курс, даже в условиях тумана, ночи или шторма. Короче, Кирилла заштормило. Тут и служба вспомнилась и «кэп» качающий с осуждением головой.

Дотянув до конца первую борозду, Кирилл, находясь под пристальным вниманием Василия Ивановича, который доверил на этот раз Кириллу «испечь первый блин», выполнив первый проход загонки, быстро и проворно заскочил на крышу кабины и... ужаснулся. Дуга была столь явной, хоть и плавной, даже симпатичной, что в горле встал ком, не дающий ничего ответить на комментарии и шутку Василия Ивановича:

— Ну могло быть и хуже. Лук есть, теперь тетиву натяни на него и будет само то.

— Сам не пойму, как? Я же по вешке... и не вилял вроде бы...

— А когда спустился в балку, ты по какому ориентиру двигался?

— Так... не видно же было, держал прямо.

— Я тебя научу, ты быстро поймёшь, парень-то учёный. — Василий Иванович быстро спрятал свою изначальную улыбку. — Запомни один раз и всегда твои загонки будут ставить в пример. Прежде чем начать движение, осмотришься и смотри не только на вешку, смотри на максимально большое расстояние, где есть хорошо видимые объекты, но не самолёт и не грачи в небе. — Тут он улыбнулся. — Где ты видел «дремлющий» в небе самолёт? К примеру, ты, центр капота трактора, можешь с «Волги» оленя содрать на капот, дальше вешка и тот же столб, но если их множество, то ни-ни, собьёшься, лучше просека лесополосы или один, не повторяющийся индивидуальностью объект, но главное — он должен быть повыше располагаться. Ты нырнёшь в яму, вешка исчезнет из вида, но дальний объект никуда не убежит. Запомни, студент.

— Спасибо, Василий Иванович! Почему вы мне сразу не объяснили, этого бы не было.

— Э-э, нет, так лучше дойдёт. Ты же теперь понял, где и почему совершил ошибки. Вот на них и учишься, чтоб не повторять. Сам исправить загонку или...

— Сам! — не дав досказать Василию Ивановичу, уверенно ответил Кирилл.

Подъехал Монахин на грузопассажирке. Из кабины выскочил оживлённый Пётр Семёнович, а из кузова спустились по трапу двое рабочих лесничества, помогающие учётичку разбивать намеченные по плану поля пополам.

— Пётр Семёнович, ты давно свой сажень на проверку сдавал? Он у тебя на пять сантиметров уже истёрся. Гляди чего вышло, — наступило молчание, Василий Иванович жестом показал на чернеющую дугу вспашки на поле. — Сколько ты кубов сортового леса в свой двор перетащил, списав на колышки и вешки, а?

— Так... Ты того... Не...

— Ну чего там того? Вот факт на лицо. Поставил бы антенну в низине — тебе хвала и орден на груди. А теперь — выговор... строгий. А? Или хош замять?! Так мы того, как его... И не против. Да, Кирилл?

Кириллу было неудобно, он осознавал свой «ляп», но и слова обвинения в адрес Петра Семёновича имели под собой почву. Тем более, что у него было два помощника.

Работы было много. Если сказать просто так — вспахано, к примеру 200—300 га земли на целинных землях, на косогорах и на полях колхозов, то в этих цифрах ничего сверх значимого нет. Но ведь нужно эти площади вспахать не на двух-трёх полях, а по всему району,

где узкие полосы в 15—20 метров расположены друг от друга на значительном расстоянии и где-то приходится объезжать балки, речушки и прочие преграды. А на это уходит очень много времени.

После этого выполнялась сплошная культивация вспаханных полос. И только после этого уже посадка саженцев. Все работы выполняли два машинно-тракторных агрегата Портного и Мельника.

А где же остальные? Фанфан, вновь вошёл в доверие, после ЧП, произошедшим на территории лесничества с участием его преданного «боевого коня», за которым он следил и лелеял не меньше, чем свою Лидуху. Пришлось ему, конечно, повозиться с «дэтешкой». Не только капоты и облицовка пострадали: радиатор был пробит металлическим прутам, одно из стёкол кабины выбито, оборван был «тормозок» вала сцепления, разбиты фары и прочее. Передок облицовки пострадал серьёзно. Да и культиватору досталось тоже прилично. Целую неделю от трактора и Ивана Ивановича не отходил механик и кузнец Лёха, но ввели его в строй. Иван держался, в смысле, пьянки и ему дали ответственное задание, готовить террасы под посадку сосен вдоль Донецкого кряжа. Благо, что Иван Иванович был практически местным и знал, как ближе и без проблем проехать к горе, начиная от Бумажной фабрики и заканчивая с. Александровка и с. Авило-Федоровка.

Два остальные колёсника продолжили работы в лесу и подготовку почвы под посев ячменя и сам посев, культивацию лесонасаждений в питомнике и прочие, включая транспортные работы.

Конечно, ударным звеном были агрегаты Портного и Мельника. У них была самая сложная и ответственная работа. Самые большие объёмы работ необходимо было выполнить на землях тех сельхоз хозяйств, которые расположены восточнее Матвеева Кургана, где больше всего зверствовали пыльные бури. Там же затерялась и глубинки Кирилла и его супруги Любаши.

Была возможность в конце работы забежать и к теще с тестем, чтобы лично убедиться, что живы те и здоровы. После наведался на сельское кладбище, где покоился его дед Филипп. Семейное захоронение, где было восемь могил, располагалось в глубине терновника и лишь узкий проход вёл к нему. Да и там каждую весну разросшийся молодняк терновника приходилось вырубать.

Выпрыгнув из кабины, Кирилл решил, пользуясь моментом, узнать, какие работы нужно было к Пасхе и Радонице выполнить, но найти могилки не смог, одни верхушки металлических крестов торчали из-под земли. Вот такой результат пыльных бурь на востоке района. Вот почему он в составе мобильного звена мехлесхоза сделать должен будет то, чтобы такое больше не повторялось.

Культиватор — не отвал бульдозера. Трактор заползал на пыльные бурханы, из которых, как в пустыне, наличие некогда густых кустов терновника напоминали редкие их верхушки, внешне схожие с саксаулом. Кресты сильно мешали маневрированию и пришлось сильно попотеть и постараться, чтобы, не сломав крестов и не сорвав лапами культиватора гробницы, вытащить и распланировать по полю максимум земли. Сильно припозднившись, уставшим, но удовлетворённым тем, что смог хоть чем-то помочь родным, по-прежнему проживающим в родном селе, Кирилл возвращался домой с включенным светом и стараясь двигаться по обочине. В темноте трудно заметить культиватор без фонарей, да и красные тряпки пойдут, найди, чтобы обозначить габариты.

Машины, для посадки саженцев, возможно, что были даже постарше самого Кирилла. Они представляли упрощённый вариант рассадопосадочной машины без барабана с зажимами для рассады или, в данном случае, саженцев. Основой машины была рама, на которой основным рабочим органом был сошник, по типу плуга, два прикатывающие колеса, ящик для рас-

сады и два металлических сидений — точной копии, как и у трактора «Фардзон-путиловец», для рабочих-сажальщиков.

Одна машина, которая досталась по наследству Кириллу, была навесная. Две другие агрегировались в прицепную сцепку. Это было личное «ноу-хау», рацпредложение Василия Ивановича, для повышения производительности труда. Для МТЗ-50 он был неосуществимой мечтой, даже если бы Кирилл этого и захотел. Даже МТЗ-80 Василию Ивановича приходилось «попотеть» и второй сопутствующий недостаток — агрегат был маломобилен и переезды на новые объекты посадки занимали намного больше времени. Но повышенная производительность всё же перекрывала эти недостатки. Тем более, что в этом году основной проблемой было то, чтобы первый раз доставить машинно-тракторный агрегат в нужный колхоз. А после, машины в конце смены оставлялись на площадках тракторных бригад, а иногда и прямо в поле.

Когда переезд с одного поля на другой был недалёким, женщины не желали даже вставать с нагретых мест и с охами и ахами, когда машина, поднятая на навеске на высоту не менее метра, раскачивала как на качелях настоящих русских баб. А чем славятся простые сельские женщины, настоящие русские бабы, которые ... (ну мы знаем, что они могут всё и потому не повторяемся) с такими задами в сидения-то не помещались, вернее застревали и для них, будь на то воля Кирилла, он бы их расширил раза в полтора. Жалко родимых, особенно мамку, хоть и «крёстную» без крещения, Екатерину Куликову. А она сразу сказала, что я только на машину сыночка пойду. С ней на машине работала ещё Лена Карпенко. Они гармонично подходили и по комплекции, и по темпераменту, и по душевному складу были приятны и понятны Кириллу. Добрый коллектив, если коротко.

Надежда Шишова не упускала возможности, хоть и короткими диалогами, во время остановок и обеда, «пощипать» Василия Ивановича. Но его, как говорят, «голыми руками не взять». Он, мужик, знающий себе цену и место в своём душевном мире другим. Остальные женщины без бзиков в голове, простые труженицы, нелёгким трудом которых славился мехлехоз. Кроме Василия Ивановича, на «Доске почёта» красовался и портрет Татьяны Ивановны Соколовой. Достаточно посмотреть на их руки, которым ни специальные ванночки, ни СПА-процедуры с маникюром не помогут придать той, девичьей нежности и бархатистости кожи, но зато в них столько тепла и не просто тела — души.

Эти женщины редко даже головы поднимали, сидели в согнутом состоянии, на ощупь хватая саженцы, разделяя, если они были пучком, со сросшимися корнями и умело втыкают в борозду, образованную сошником и действия их согласованны в очередности, сбоек практически нет. Для улучшения приживаемости, на посадку привлекались люди из «затерянного мира», «бандерлоги» и люди из контрастно-противоположной социальной группы, те, кого принято считать административно-управленческий аппарат. Конечно, директора Кирилл на посадке и на других объектах работ не видел, как и главного лесничего мехлехоза Арсения Николаевича Сердюкова. «Не царское это дело» работать бок о бок с представителями «затерянного мира» или, если говорить словами тех же героев «Книги джунглей» Редьярда Киплинга, с неким извращением фраз, то «мы с тобой не одной крови, ты и я...». Может быть это и не так, а только в богатом воображении Кирилла, но глядя контраст и лиц и одежды, даже рабочей, ни макияжа, ни речевого лексикона, как небо и земля.

Кого директор «выгонял» на работы в качестве «топтунов», тех кто шёл за агрегатами и уплотнял почву вокруг корневой системы саженцев? Бухгалтер, не старший, конечно, кассир, секретарь, однажды даже Раиса Фёдоровна, лесодендролог лесхоза — вот и все, и то по одной в день, а однажды вдвоём, чтобы нескучно было или необидно и было с кем потрындеть.

И невольно Кирилл представлял, а вот, если третьего не дано, то к какой группе людей он бы себя отнёс... И, почти без колебаний ответил бы: к «затерянному миру», я с ними «одной крови». А разве он не готовился перейти вскорости в разряд или категорию «белых воротнич-

ков»? Видимо, в раздумьях, с малым перевесом в пользу «да», но без особого рвения к этому. Он вышел из трудового класса и быть рабочим не считал зазорным.

Посадочный материал подготавливал Фанфан, с вечера подрывая ряды акации или других деревьев садовой скобой. Корни саженцев опускали в приготовленную почвенную «болтанку», разведённой водой до состояния свежеприготовленной манной каши в чанах и оставляли до утра.

В те дни, когда колхозники только делали первые пробные выезды тракторными агрегатами в поле, мобильное звено посадочных агрегатов в каждые два-три дня выполняли плановую посадку лесополос в одном из колхозов района. Самыми крупными по площади, а стало быть, и по объёмам работ лесопосадок были колхоз им. Ленина, «Знамя Ленина» и «Победа».

Кирилл приезжал поздно и дома от него ожидать супружеской помощи в чём-то не приходилось. Благо, что жили они в доме родителей Кирилла, что было и хорошо и в тоже время Любе, как невестке, как-то напряжённо. «В тесноте, да не в обиде», да и чего греха таить, когда бабушка Вера была дома, на неё можно было оставить маленькую Верочку.

И в эту пору случилось то, что случилось — дочурка заболела и как-нибудь, а двухсторонним воспалением лёгких. Весёлая и активная девочка, бегавшая по комнатам в доме, и с нетерпением ждала, когда просохнут дорожки, и можно будет побегать по двору, и вдруг, «как гром среди ясного неба». Любу с малышкой положили в больницу. Кирилл вечерами навещался к ним, чтобы принести домашнюю пищу, в основном для жены, так как Верочку пичкали больше капельницами, и она практически ничего не хотела кушать. Бог есть и Он, конечно, милостив. Дочка пошла на поправку.

Люба не говорила мужу ничего, когда он приносил зарплату, первая из них была даже скуднее, чем та, которую он получал на предыдущей работе. А когда он сам начал комплексовать по этому поводу и за ужином, поддавшись пессимистическому настроению и минутной неуверенности, даже не в своих силах и способностях, а в том, что обещанной зарплаты ему не видать и сумма в объявлении — замануха, жена успокоила.

— Ну, что ты, Кира! Зарплату же не дают авансом на месяц вперёд за ту работу, которую только предстоит выполнить. Обещали — заплатят, ты же работать умеешь.

— Спасибо, Любаша, успокоила.

Но сомнения остались, просто он эту тему уже больше в семье не поднимал. В апреле, хоть и получил побольше первой зарплаты, но тоже не такой, какой она было заявлена, всего 154 рубля 38 копеек. К начальству пока не решился с претензиями идти, Кирилл поинтересовался зарплатой Василия Ивановича.

— Кирюша, я тебе скажу сколько я получаю, но тебе нельзя напрямую сравнивать цифры. У меня первый класс и стаж работы, есть доплаты. Потом ещё помнишь, когда дрова возили, тебе Пётр Семёнович на полкуба меньше записывал? А у него «глаз — алмаз», он без ювелира может с точностью до десятой доли определить объём или площадь — всю жизнь с сажнем и «еврейским» глазомером. Это я тебя потом научил брёвна укладывать в прицепе «бок к боку», брёвнышко к брёвнышку. И потом, вспомни то, когда мы работали на пахоте и культивации... Да, ты старался, курил без остановки, задерживался дольше 8-ми часов на работе. Вспомни ещё и то, на сколько ты заглублял плуг? До рамы? Нет? Но на 2—3 сантиметра точно глубже необходимого, я проверял, даже говорил тебе о том. Также и культивация. Мы же не под посев озимых культур почву готовим, а для четырёх полос саженцев. Главное что? Траву срезал, перевернул или ту же озимую, которая забьёт посадки акации. Её высевают на какую глубину?

— На 6—8 сантиметрах для наших чернозёмов и климатических условий...

— Вот, видишь, ты же это знаешь, учёный, а зачем зарываешь свой КПС-4,2 на пятнадцать?

— Так «зарывается»...

— Знаешь это почему? Ты же по инструкции делаешь, как тебя учили в твоём университете, чи як его... На твёрдой площадке, под опорные колёса вымеренные «спичечным коробком» (у «технарей», при неимении в наличии измерительных инструментов, линейки, штангенциркуля или шупа, часто используют подручные вещи, спичечный коробок имеет размеры 50х35х10 мм) бруски подлаживал, так?

— Ну...

— Баранки гну... А у нас пахота-то не осенняя, а весенняя, почва за три-четыре дня уплотниться, осесть не успела. Понял? Вот и «тонет» культиватор. Нет, не правильно. Ты же подводник?! Погружается на глубину — так правильнее будет...

— Теперь понял. Спасибо, Василий Иванович!

— Нема за шо. А за посадочный агрегат со сцепкой двух машин, думаю, что ты и так всё понял. Вот и получается, что я от тебя на 50—70 рублей получаю больше, хоть ты и не ленишься, а где-то и по времени дольше «пашешь». Учись, студент!

Короткий непринуждённый разговор, а сколько в нём смысла и полезной информации, которую необходимо взять «на вооружение».

10

Есть такие поговорки: «Бесконечно можно смотреть на три вещи: горящий огонь, бегущую воду и на то, как работает другой человек» и «Лучше гор могут быть только горы». В первой поговорке Кирилл бы перефразировал последнее из трёх на — как я буду получать достойную зарплату. А если немного подробнее, то чтобы семья ни в чём не нуждалась и наконец бы привычка «перехватывать» червонец до получки перестала быть таковой.

А по поводу гор, Кирилл никогда не видел настоящих гор, если не считать ту же гору Машук и другие в окрестностях Пятигорска, на которых он не был, просто проезжал, будучи в командировке и туманный вид издали предгорья северного склона Большого Кавказа. А вот эти кручи, имеющие своё название, как Донецкий кряж, чьи оконечности в виде отрогов подходили где-то совсем близко, а где-то удалялись от путляющей, словно заяц, пытающийся запутать след по первому снегу, по широкой долине реки Миус, были дороже всех и они были доступны.

Бесспорно, что побывать в горах на Кавказе или на других горных массивах — это круто. Но Кирилла не очень пленяли горы, не так, как море, на которое он всегда стремился попасть, но... Причина одна, и она банальна — эта извечная нищета и желание за отпуск сделать что-то полезное дома, а также огородные работы и возможность пару раз посидеть с удочкой на пруду, иногда даже с ночёвкой. А, кто не слышал слова украинской народной песни, автором слов которой является Михаил Иванович Петренко «Дивлюсь я на небо, та й думку гадаю...», без которой и в эти годы, и тем более ещё в те в годы, когда люди умели уставать гулянки, посиделки и не в ресторанах и кафе, а собрав где-либо в саду, во дворе или в самой просторной сельской хате родня, кумовья, сваты, просто соседи и друзья? Слова этой песни уже более века трогали душевные струны в большей степени тех людей, проживающих в сельской местности. В крайнем случае в этом был убеждён Кирилл, сотни раз слышавший исполнение этой песни и от людей старшего поколения и среднего, к которому относились тогда его родители, да и молодёжь с удовольствием подпевала.

Кирилл с женой Любой часто ходил в гости к её тёте Наде. И когда это был день рождения, совпавший с днём 23 февраля бывшей фронтовички, то в тесной комнате хозяйки «камню не было где упасть» — столько было гостей, подруг и друзей. Многие из них, как и гармонист были участниками районной художественной самодеятельности. Чтобы не ошибиться в подсчёте, около половины исполняемых ими песен были украинскими, а вторая половина — русские народные и казачьи.

Отчего так? Всё просто объясняется. Малая родина Мельника, юго-западный район Ростовской области, ранее называемый Миусским округом Войска Донского, позже переименованным в Таганрогский, непосредственно граничила с Екатеринославской губернией Новороссии и, чуть севернее, с Харьковской губернией. Почему люди старшего поколения территории, входившей в состав Земель Войска Донского, говорило не на чистом русском языке, пусть и с говором донского диалекта, в котором также присутствовало вмешательство, но не столько украинского, сколько белорусского языка? Он присутствовал, но лишь частично, вперемишку с украинским диалектом запорожских казаков. Это был так называемый «суржик», смешивание двух языков, рядом проживающих этнических групп, близких во многом народов, со смешиванием кровей, обычаев, традиций, культуры.

Вторая причина того, что во времена правления Российской империи императором Петром Первым и императриц Елизаветы Петровны и Екатерины Великой, земли Примиусья, ранее малозаселённые, как южная окраина «Дикого поля», где хозяйничали некогда сарматы, скифы, татары и другие кочевые народы, в XVIII веке заселили донскими и запорожскими казаками, немцами, поляками и другими. В итоге, по переписи через полтора-два века после этого, большую часть населения округа, около 60% от всех составляли украинцы; русские —

30%; немцы около 5%. Но, если говорить конкретно о Матвеево-Курганской волости, то здесь немцев-колонистов было в разы больше (если судить «методом тыка» и имеющихся знаний, и информации, полученной из рассказов людей старшего поколения и доступных источников, то их было около 30% до времён Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.), до того, как их переселили за Волгу и в Казахстан. Хотя в школах, а в сельских уж точно, преподавали и до войны, и после неё, в качестве иностранного языка именно немецкий. Но он не смог стать составной частью. Кириллица и латинский алфавит был не совместим, а здесь братские народы, славяне, сам Бог велел.

А когда Кирилл, культивируя молодые насаждения, высаженные месяц-полтора назад, выезжал на самую высокую точку горы Чёрный Ворон, что расположен между хуторами Подгорный и Петрополье, глядя в открывшиеся бескрайние просторы земель Примиусья, вспоминаются слова любимой и им песни в подлинном варианте, без перевода, как он её слышал многократно:

Дивлюсь я на небо та й думку гадаю:
Чому я не сокіл, чому не літаю,
Чому мені, Боже, ти крилець не дав? —
Я б землю покинув і в небо злітав!

...

Когда подходило время обеденного перерыва, Кирилл любил выезжать на такие вот возвышенности и места с великолепным обзором. И тогда обед уже был не в одиночку, он мог «разделить» его с этим прекрасным видом долины Примиусья и намного-намного дальше над равнинными полями, лугами, лесными массивами и селениями. И несмотря на то, что степные орлы могут патрулировать большие территории полей и степей на высотах в 1,5—2 км, но даже с высоты окончаний выступов отрогов кряжа, как и с горы Чёрный ворон, не запрокидывая сильно голову можно было любоваться этим неповторимым видом бреющего полёта красивых и гордых птиц. А вы бы могли оторваться от такого чудного вида?

Вот тогда можно пожалеть о том, что у тебя или нет способностей, или просто нет достаточно времени, чтобы сделать хотя бы наброски такого красивого панорамного вида. Но даже это не самое важное. Важнее то, что душа и очищается от негатива, и наполняется с видом весеннего обновления в природе замечательными чувствами, в первую очередь элементарной радостью жизни. И именно в таких местах, как здесь, у памятника «Пушка», в память о тех воинах освободителях, которые геройски пали на этих непреступных высотах Миус-фронта, как нигде осознаёшь, какой ценой далась нашей стране Победа, а жителям Примиусья, прорыв Миус-фронта и освобождения родного края от фашистов.

И здесь, именно в одиночестве и тишине, сосредоточив своё внимание на окрестности, кручи кряжа и многокилометровый обзор той местности, откуда наступали бойцы Красной армии, в феврале и июле-августе 1943 года. Только несколько документальных фактов краеведа, методиста Районного краеведческого музея Н. М. Перепелицы: «...На высоте „Черный ворон“ за один день, 19 августа 1943г. этот подвиг мужества и жертвенности (подвиг Александра Матросова), совершили шесть!!! героев: Павел Пудовкин, Абдула Салимов, Михаил Иванов, Василий Иванов, Гогладзе, Дурновец».

И только один был награждён за бессмертный подвиг званием Героя Советского Союза посмертно. Возможно золото в то время было нужнее на строительство танков и самолётов, и на оплату поставок оружия, продуктов для фронта и другого в рамках программы ленд-лиза. И это только вот здесь, где сосны, которые Кирилл обрабатывает культиватором, впитывают с весенней влагой и кровь тех бойцов, которые здесь сложили свои головы. Вдумаешься в это, пропустишь всё, что знаешь из школы, что рассказывали родители, фронтовики, участники в том числе и боёв на Миус-фронте и пусть после этого тебя будут убеждать, кто победил в

Великой Отечественной войне, и чей вклад во Вторую мировую войну был самым значимый — ответ будет без раздумий, твёрдый и однозначный — Советский Союз.

Ещё один факт из того же источника: «...Освобождал наш район легендарный летчик-ас, трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин. Вторую Звезду Героя он получил за бои на Миус-фронте в августе 1943г., где за короткий срок лично сбил четыре вражеских бомбардировщика...».

Разве не могут подвиги бойцов многонационального советского народа вдохновить молодого человека на трудовые победы, если он даже при поступлении после школы в военное училище написал сочинение на вольную тему «Герои-земляки» на «отлично» и иначе никак. Ведь один из них был даже из родного села.

Или вот, когда культивировал или вспахивал Кирилл на верхнем ярусе лесополосы на Волковой горе, которая известна, как ожесточёнными боями и огромными потерями красноармейцев и особенно краснофлотцев, морского десанта в феврале-марте 1943 г., а затем уже прорыва в конце августа, какие чувства накрывают волной душу бывшего моряка? Когда мины и снаряды визуально видишь впереди трактора и выехать или объехать лесополосу невозможно, деревья уже довольно взрослые и, если возможно, то с ущербом для деревьев или поломкой составных частей трактора. А, что делать?

Сейчас молодёжь скажет: позвонить в МЧС! Ну, конечно, по спутниковому телефону в 1983 году, да? Тут два решения проскакивало в голове у Кирилла: первое — поднять культиватор и проехать, не затронув мины; второе — «была — не была». Где наша не пропадала...» — полный газ и вперёд, выполнить задание «любой ценой». Говорят, что молодёжь страха не знает. Пожалуй, что это верно. Оправдан ли этот риск? Трудно сказать. Кирилл, оценивал эту ситуацию так: если, не дай бог, «жахнет», то от удара по взрывателю рабочих органов культиватора или корпусов плуга. Осколки пойдут «широким букетом» и, прикинув на взгляд траекторию их разлёта от культиваторных стоек, лап и борон, то в зоне поражения может стать спина и голова. Спину, хоть как-то защищает кабина с топливным баком и спинка кресла тракториста. Сильно спасёт, ели чё? Нет, конечно, но немного погасит пробивную способность осколков, хотя... А вот голове может достаться, что он неё мало что вообще может остаться. Страус, он — не дурак, голову в песок прячет.

Закурив, жадно сделав несколько глубоких затяжек (хоть и говорят, что перед смертью не накуришься, как и не надышишься), с выдохом произнеся: «Господи, спаси и помилуй!» Включив 3—4 передачу, отпустив педаль сцепления и поддав «газу», максимально ложился вперёд на руль и щиток приборов. Сердцебиение 150—200 ударов в минуту ощущается пульсацией в висках. В голове отсчёт: «Раз-з-з, два-а-а, три-и-и, че-ты-ре, пя-я-я-ть, шест-т-ь... всё!» Тишина, а стало-быть «пронесло». Конечно, все ощущения не передать. Но Кирилл, хоть и не донца, но мог представить, что чувствуют те, кто играл или испытывал судьбу в «русской рулетке» — непередаваемые острые, до «снятия крыши» ощущения.

При первой обработке этой лесополосы Кирилл «крутил барабан» судьбы трижды. Но это же, когда «эхо войны» была визуально видна, а сколько металлических «цок-цок» происходило там, под слоем земли — одному богу то известно. И вот только сейчас Кирилл осознал то, что рассказывал отец, сколько в послевоенные годы погибло трактористов, а ещё больше прицепщиков-плугарей, в большинстве которых были женщины. Неразорвавшиеся мины и снаряды взрывались в основном от ударов тех же лемехов и отвалов корпусов плугов, где было рабочее место плугаря.

Первая культивация террас с насаждениями сосен «седланием» культиватором рядка, когда снимаются средние стойки с лапами культиватора, дабы не уничтожить посадки, Кириллу пришлось выполнять на склонах кряжа у с. Александровка. Работа интересная, необычная и потому сложная. Кирилл уже был учёным по поводу постоянного поворачива-

ния головы назад во время движения трактора, чтобы проверить работу и в результате брак в работе. А вырезание культиватором сосёнок — это просто преступление.

Нижние две террасы не создали особой сложности, благо было в том, что Кирилл со своим «стопроцентным» зрением хорошо отличал среди зелёного ковра травы ещё слабые и невысокие саженцы сосен. Труднее всего было выполнить переезд с нижнего яруса на более верхний. Террасы нарезались гусеничным трактором, их привычно выполнял Фанфан. Но ведь Кириллу никто не объяснил, что «...колесным тракторам нельзя работать на косогорах с поперечным уклоном свыше 30°, а также запрещено движение на подъём при продольном уклоне свыше 25°...». И кто их, эти уклоны замерял, хотя у специалистов есть специальные карты, но... увы и ах.

Чаще всего дугообразные террасы начинались и заканчивались длинными и глубокими оврагами, и многолетними дождевыми и таловыми водными протоками до глубин 2—3 и более метров, с размывом и чернозёма, и суглинка, вплоть до материнской породы каменистого состава. Терраса заканчивалась и для подъёма на верхний ярус, было необходимо сделать довольно резкий поворот налево, с одновременным движением в гору.

Гидравлика на тракторе работала довольно шустро, тем более что масло в системе ещё сильно не прогрелось, так как тракторный агрегат двигался долго без подъёма культиватора, на «плавающем» положении гидравлического распределителя. Кирилл нажимал ногой на спаренные педали тормозов и включил режим «подъёма». Трактор, почувствовал перераспределение усилий, замкнутый «силовой многоугольник» изменял направление векторов, а стало быть, и форму всего многоугольника стремительно и изначально, трактор «присел» на задние колёса, как штангист перед упражнением «рывок» и... «вырвал» рабочие органы из почвы. Всё происходило так быстро, что описание этого секундного момента займёт, в разы больше времени.

Изначально переднее левое колесо оторвалось от земли на 30—40 сантиметров, следом и правое. Центр тяжести резко сместился к задней правой части трактора, расположенной ниже, чем левая. Кирилл уже с трудом различал вершину кряжа, которая «ушла» в подкапотное пространство — трактор пытался взлететь, отпусти Кириллу сцепление, но это был бы даже не взлёт, а «кувырок через спину», а если точнее, то через правый бок, с вращением по часовой стрелке вокруг правого заднего колеса, в сторону которого и устремился центр тяжести трактора.

Как всё это прекрасно понимал Кирилл и у него за доли секунд пролетел весь курсовой проект по расчёту машинно-тракторного агрегата, с единственной разницей, что там машиной в задании был не культиватор, а плуг. И даже весь «силовой многоугольник» промелькнул перед глазами, и Кирилл чётко знал, что нужно достичь обязательного условия: силы и моменты сил, равнодействующие и реакции сил, точки приложения сил, двуплечие рычаги и направление действия векторов и моментов... должны уравновесить друг друга. Всё пулей пролетело в голове. А трактор вот-вот начнёт кувыркаться, и его тракторист даже не успеет отмечать моменты, когда в ближайшей точке от земли будут ноги, а когда голова: «ноги — голова, голова — ноги».

Реакция была мгновенной и правильной — Кирилл резким движением включил на распределителе «опускание», а вернее, из-за быстроты и желания не опоздать, перескочил положение «опускание» и культиватор резко упал на почву. Трактор при этом изначально опустился полностью на левое заднее колесо и после этого на передние, но и стал медленно скатываться вниз. Видимо, от толчка, Кирилл ослабил удержание педалей тормозов, а вернее, вовсе соскользнула с них. Трактор пытался «догнать» культиватор. В следующую секунду Кирилл «врубил» первую передачу, успев подумать «только бы не девятую» — девятая рядом и её включение привело бы к рывку и остановке дизеля. Задние колёса пробуксовали и трактор стал медленно ползти в гору и к оврагу одновременно. Лапы культиватора, имея «угол атаки» легко зарылись в почву. Пока ещё было немного безопасного расстояния до оврага,

Кирилл максимально заглубил культиватор и остановил трактор, застопорив стояночный тормоз. Выключил передачу и осторожно отпустил педаль сцепления. Трактор был неподвижен.

Было ясно, без посторонней помощи никак. Кирилл глушит двигатель. Оставляет включенной первую передачу и блокирует «гидрозамок» гидроцилиндра. Вот теперь только можно было выпрыгнуть из кабины, присесть на свежей весенней травке и, хоть на минуту, не думая ни о чём том, что могло бы произойти, если бы..., покурить и расслабиться.

Пока дымилась сигарета, неугомонные мысли искали ответ на вопрос, как лучше добраться до лесничества. Было три варианта.

Первый — выйти на трассу Самбек — Донецк, но нужно было двигаться в сторону удаления от лесничества километра на полтора-два и там на остановке напротив Авило-Фёдоровки попробовать остановить попутку, проехав километров шестнадцать, добираться снова ещё пешком полтора километра.

Второй вариант — идти перпендикулярно трассе, через села Александровка и Алексеевка и, если не попадётся попутка, то километров пять-шесть, а затем снова голосовать на трассе и ещё ехать, и ещё идти. Круг приличный и вероятность, что повезёт в попутном транспорте и, главное, в сердобольном водителе, который возьмёт тракториста в робе, пропахшей соляжкой, близка к нулю.

Третий вариант — идти, если бы не речка, «выющаяся, як мий ус», то можно было по идеальной прямой на лесничество. А так было опять-таки два возможных способа и, в случае пешего способа, почти ничем не отличались по расстоянию, только маршрут через центральное отделение совхоза, второе отделение и консервный завод на полу был проложен по асфальту. Второй же вариант, через Демидовку, Шапошниково и мост через реку, а затем через первое отделение и садовые кварталы привели бы тыльной грунтовой дорогой к Немецкому озеру и за ним к угодьям лесничества.

Первый маршрут Кирилл сразу отклонил, так как удалиться на несколько километров от цели и, без уверенности, что повезёт с транспортом — не лучший вариант. А два другие маршрута на протяжении трёх километров пролегли по одной и той же грунтовой дороге. Было время до развилки дорог принять окончательный вариант.

С собой Кирилл взял только термос с чаем, с которого сделал всего пару глотков после того, как установил трактор на «пьедестал» горного массива. И, конечно, больше всего переживал бы за аккумулятор, но благо, что его дизель запускался с помощью «пускателя». Оставались лишь ключи, но они имели такой плачевный вид, что...

По этому поводу вспомнился один анекдот на такую тему. Вот такой, например: «Воры забрались в дом, но ничего не взяли, так как их взгляды разом упали на холодильник хозяина. На дверке его было множество магнитиков с видами Магадана. Почесав «бестолковки», они прибрались в доме, помыли пол и посуду, накормили кота и оставили на столе записку: «Извини, братан — ошиблись адресом». Вот такой анекдот, однако. Что те, кто увидят в инструментальном ящике наполовину переломанные рожковые ключи, самодельную отвёртку и погнутый пробойник, положит свой добротный инструмент, ожидать не приходилось, но и вероятность того, что позарятся на это «богатство» — приближается к нулю.

Или ещё одна байка: «Воры вломились в дом, чтобы „слямзить“ всё ценное и что можно было легко и быстро сбыть. А в доме „шаром покати“, хоть плачь. Вздохнули „домушники“ и недолго думая, положили на „голый“ стол сотню „баксов“ с запиской „Так жить нельзя!“».

11

Кирилл прошёл весь путь к лесничеству по третьему маршруту, устав, но слегка, молодость пока ещё не допускала одышки от ходьбы и выносливость с флотской закалкой, также не прошли даром. И, главное, Кирилл шёл налегке. Затрачено было около двух часов и в лесничестве вот-вот наступит час обеденного перерыва. Благо, что лесничий ещё не уехал на обед.

— Николай Константинович, беда! — с дверного проёма в кабинет выпалил Кирилл.

Лесничий даже вздрогнул и поднял глаза на вломившегося тракториста. Снял и протёр стёкла очков, видимо они моментально запотели от стресса. Одел очки, поправил на переносице, чуть помолчав, но не дождавшись доклада, спросил:

— Ну рожать будешь или как? Что? Трактор утопил, «застучал» движок, аварию совершил? Что? Не тяни кота за яйца...

— Да, нет!

— Так всё-таки «да» или «нет»?

— Нет-нет, конечно. Ни то и ни другое. Завис я... трактор завил на террасе.

— Ну ты могёшь до инфаркта довести, — начал перебирать бумага на столе, как будто искал там то, что сможет разрешить проблему. — Завалил, кувыркнулся, сам-то как? Целый?

— Целый-целый! Не успел перевернуться, но сам не выберусь. С опущенным культиватором мне не вытянуть в гору и овраг выше головы в двух метрах впереди. Помощь нужна гусеничная. Там колёсник — не помощник.

— Ясно. Беги к Фанфану, пока Лидка ему к обеду не поднесла графин. И скажи, пусть потом, хоть зальётся, а сейчас — ни капли. Он сегодня тут на месте культивировал. Пусть отцепит культиватор. Забирай его и вперёд, он дорогу напрямиком знает.

— Да я тоже «протоптал» уже тропу. Ясно.

— Да, ещё вот что, трос, даже пару тросов возьмите, чтоб «натяжку надежную сделать. Справишься, инженер, без пяти минут? — остановил Кирилла снова в двери. — Поставите «на ноги» и оба на базу. Фанфан питомник закончит, туда доделывать пошло. Аккуратно. Удачи!

— Спасибо! Всё ясно, — ответил Кирилл и так же стремительно побежал в общежитие, видя, что двор уже опустел от рабочих.

Звука трактора слышно не было: «Значит, уже дома, Иван Иванович», — подумал Кирилл. Дойдя до квартиры, увидел за углом и заглушенную «дэтэшку» — значит, хозяин дома.

Постучав во входную дверь и чуть приоткрыв, крикнул внутрь:

— Хозяин! Иван Иванович!

— Завали, коли по делу! Отвали, коль «хвостопад»! — отозвалась Лидка.

— По делу, по делу.

— Заходи! — пригласил Иван Иванович и подошёл к двери так, что Кирилл в приоткрытую дверь увидел его с ложкой в одной руке и куском хлеба в другой. — А, Кирюха! Заходи с чем пришёл — выходи с тем, что дадут.

— Хавчик будешь рубать?! — спросила хозяйка.

— Нет, спасибо!

— «За „спасибо“ бьют красиво», — снова вставила «свои пять копеек», если поддерживать жаргон. — Насыпать похлёбку, хоть и не окрошка, но встанет ложка так, что вилка раздвинет ножки?

— Лидка, Ванькина подстилка, — Иван Фанфан серьёзно повернулся к сожительнице. — Закрой «хлебальник», когда мужики «базарят». Заходи, чё замер? Не обращай внимание. Мы с Лидкой — любовь до гроба. Да, красота, страшилка ты моя ненаглядная!

— Хорошо, мой всегда сексапильный самец: гигант на полминуты и ленивец на всю ночь. Я заглохла, пошла в лю-лю. Целый час не кантовать.

— Заразиха, иди уже в свою лю-лю бай-бай. — Кирюха, ты же по делу? Если я нужен и срочно, то говори или пойдём, «порубаем». Не обедал?

— Иван Иванович, обедайте. Вы же в норме?

— В смысле, не дурак-ли я? А ты тут видел полностью здоровых людей, ну акромя тебя, может быть, да и ещё двоих-троих. Да и вы нездоровы, раз в этом «гадюшнике» работаете. Заходи...

— Ладно, я вот тут присяду и покурю. Слышу, что вы тут курите у себя.

— Як сапожники. Кури, коли «птюша» (пайка тюремного хлеба) в рот не лезет. В норме я, заспиртован так, что в мавзолее смогу полгода лежать без бальзамирования, своего «консерванта» хватит. А чё нужно? — уже присев за стол и принявшись хлебать первое в алюминиевой миске и периодически выковыривая этой же ложкой кильку их открытой консервной банки «Килька в томате». — Я не слышал звука твоего коня с резиновыми подковами. «Лёг»?

— Почти лёг, Иван Иванович.

— Да, что ты заладил, Иван Иванович да Иван Иванович. Называй просто, Иван. Я и не такой ещё старый. Тебе скоко?

— Двадцать восемь.

— На пятнадцать лет... Представь, я — твой старший брат. Всё. Обижаться буду или зови, как все, Фанфаном. А, чё, мне нравится. Рассказывай, чего время зря проливать. Что случилось?

— На террасе, на развороте у оврага «завис». Круто, переворачивает... — быстро выпалил Кирилл, сидя на табурете напротив Ивана за столом.

— Всё ясно. В Александровке? Я им тогда ещё, когда нарезал те террасы и сажил, говорил, что и культивировать на дэтэшке нужно... а потом, сам знаешь, что было. Пока трактор восстановил. Никто больше не собирался за старшого ехать?

— Нет, больше никто, — ответил Кирилл.

— Чтоб нас потом ни в чём незаконном не обвинили. Знаю я эти вещи. Сначала — «на авось, как-нибудь», а потом — «а почему сами... не дождались...».

— Нет Ив., нет, Ваня, лесничий отправляет двоих. Пару тросов, сказал, чтоб взяли...

— Вот так-то лучше. А это мы и без сопливых знаем, разберёмся. Ну вот и всё. Курево есть?

— Есть! — Кирилл протянул Ивану сигарету.

— Да, нет. Думал, если ты без сигарет, ещё пачку захватить. А бухать будем?

— Пока на базу не прибудем, ни-ни.

— Ясно. По ходу разберёмся.

В гусеничном тракторе, в отличие от «Беларуса», грохота было в разы больше, и значительная часть лязга издавала ходовая часть трактора. За семь лет, прошедших с тех пор, когда Кирилл сидел за рычагами подобных гусеничных машин, он изрядно от этого отвык.

— Ну, чт-т-то, на-на-на «д-дэт-т-тешке» — ни на-на-на ка-ка-калë-с-с-сах? — уверенно управляя гусеничной машиной, Иван, почему-то, стал сильно заикаться.

Кирилл посмотрел на него, но по этому поводу ничего не сказал, чтобы не затронуть за большое. Затем заметил, что он едет как-то не так, как Кирилл, спросив самую прямую дорогу у старика на Бумфабрике, шел буквально час тому назад.

— А мы правильно едем, Иван Ив..., старший брат Ваня?

— Да, ка-ка-ка-нечно! Ты з-з-знаешь танк Тэ-Тэ-Тэ-34? Сильный, б-бы-быстрый т-т-танк. Везде п-п-проходил, да? А Тэ-Тэ-Тэ-74? Чт-т-то изменилось? Одна цифра, с-с-стала больше. С-с-стало быть, он лу-лу-лучше?! Ве-ве-ве-з-з-де пройдёт. Мы на-на-напросто.

— А вы... ты заикаешься? Первый раз слышу.

— А з-з-знаешь, ка-ка-как я стал за-за-икой?

— Нет, откуда, не знаю.

— Ну вот. А-а-а-свободились мы втроём: я, Лидка — не-не-незамужняя дева и Микола Ча-ча-чаотка. А-а-а ка-ка-как жить на воле не-не-незнаем. Ра-ра-работать никто не-не-нехочет. А-а-а ку-ку-кушать-то хочется. По-по-поймали мы ко-ко-козу. А-а-а до-до-ить ни-никто не у-у-умеет. Решили её со-со-сосать. Сосём по-по-по очереди. Де-день со-со-сали, два, не-не-неделю. Ко-коза заболела, не-не даёт мо-молока. Отвели к-к-к врачу, ве-ветеренару. Он глянул и го-го-говорит: «Так это же не ко-ко-коза, а ко-ко-козёл!» Микола Чахотка с-с-сразу умер. Лили-лидка не-не-незамужняя дева родила. А-а-а я стал за-за-заикой...

Иван серьёзно посмотрел на Кирилла, а тот, давно поняв, что его названный старший брат «развёл», не смеялся, а «ржал», держась за живот и, от раскачки ударяясь практически в ветровое стекло, долго не мог остановиться.

— Может, хватит, я только кабину отрихтовал, а ты мне её снова помнешь или в хлам разнесёшь, вместе со стёклами, — спокойно попросил Иван и эти слова, не успокоили, а лишь довели Кирилла до истерического смеха.

Иван остановил трактор, закурил и пустил первую глубокую затяжку в лицо Кирилла со словами:

— Всё? Успокоился?

Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, Кирилл, уже только улыбаясь ответил:

— Юморист ты, Фанфан.

— Ага, юморист. Вот сейчас балку переедем. Не бойся, я тут все дороги и почвы знаю, не провалимся. Я тебе покажу, где я «наюморил», за что и срок схлопотал. И где мой старший сынок работает, да и дом, когда-то мой, теперь чужой вон там, перед кварталом грушевого сада стоит. Всё у меня было. И вот теперь один юмор и остался, да ещё и за-за-заикание.

Иван оказался разговорчивым и откровенным человеком. Рассказывал, как встретился с Лидкой. Как любили друг друга и где любили, как лупили друг друга и чем лупили, как потом мирились и снова скрепляли свою любовь распитием, где придётся бутылки вина, и обязательно с любовью после этого.

— Любовь — страшная вещь, кровь, вино, страсть, — так закончил свой рассказ Фанфан. С минуту молчали, каждый думал о своём.

— А мы пойдём на север! — скомандовал сам себе Иван, проехав мост через Миус и направил своего послушного железного коня в гору.

— Так это ж... тово... на запад, — решил поправить названного брата Кирилл.

— Совершенно в дырочку. Географию, как я, ты не прокурил. Вот выползем на гору и пойдём на север. Ты же шёл понижу, сколько мостов проходил?

— Два, ну с этим железным — три.

— А по асфальту шёл?

— А! Всё понял, мы же в «гусках», изуродуем, что порадуются или того хуже, оштрафуют, — засиял догадкой Кирилл.

— Не маленький, всё понимаешь, а глупые вопросы задаёшь. Лучше о себе расскажи.

Так вот, в разговоре время и прошло, не два часа, как шёл Кирилл, а час, точно. Вид трактора, штурмующего неприступные вершины, когда Кирилл с Иваном выехали к тому отрогу, где их ожидал поневоле оставленный трактор Кирилла, был не таким героическим, как казалось снизу. Можно сказать проще — плачевный, как у обреченных, с желанием броситься с кручи в море или пропасть и покинуть этот мир, но перед этим ощутить секунды незабываемого полёта.

Спускались медленно вдоль оврага, где ещё отчётливо видны были рытвины на почве от крутых разворотов трактора Ивана, при подготовке почвы и посадке сосёнок. Метрах в шести

от «Беларуса» Иван предусмотрительно развернул дэтэшку поперёк склона и остановив со словами:

— У меня нет, как на твоём культиватора, если покатится, только речка Крынка и останавливает.

И только сейчас Кирилл понял, что не полюбовался прекрасным видом поймы притока Миуса, селом за рекой с куполом церкви и другими видами, которыми он не успел насладиться, так как не взял «штурмом» эти высоты. Но ещё много раз это сможет сделать, так как земель в районе много, как и прекрасных и неповторимых красот, которые он ещё не раз посетит, и они на всю жизнь останутся в его памяти. Такое не забывается ни-ког-да.

— Командуй, старшой! — неожиданно предложил Иван Ковдря.

— Я?! Да, ты-ты-ты, чё?!

— Потом расскажешь, как ты стал заикой. А сейчас руководи спасательными работами. Ты же учёный, а меня с восьмого класса выперли, я не закончил школы. Не одну книжку с друзьями скупил в лесу, на берегах Миуса, сбегая с уроков. Давай, время не ждёт.

— Ну, я думаю, что два троса много не будет, шоп трактор не завертелся вокруг одного фала, — начал Кирилл мыслить, обходя вместе с Иваном свой трактор. — Один трос нужно зацепить как можно повыше центра тяжести агрегата... но не помять кабину, да и чтоб стекла не повывлетали. А второй (за навеску не получится, скат будет мешать, я же должен буду своим ходом тоже двигаться) лучше тогда за раму культиватора... Только за ту, дальнюю сторону рамы. Усилие создаст правильный момент, обратный опрокидывающему. Как-то так.

— Ну ты, прямо учёный. Всё так по полкам разложил. Всё правильно в общем, насколько я смог понять твою теорию. Проверим её на практике и результат покажет, насколько балов мы справились с задачей.

Все приготовили, закрепили, Иван поставил трактор почти перпендикулярно траектории движения колёсника с культиватором и его трактор также находился под большим, но не критическим уклоном, и сделал натяжку тросов.

— Теперь смело выключай передачу и запускай «пускач», — взял на себя обязанности «ведущего» Иван Ковдря. — Включай первую передачу и на малом ходу, с устойчивыми оборотами начинай движение с плавным поворотом, а я буду от тебя «убегать», шоп не переехал... «И никто не узнает, где могила моя...», — Иван закончил словами известной песни.

Кирилл, заметив, что верхний трос, при натяжении, может повредить кабину, снял свою куртку и намотал на трос в месте контакта. Иван одобрительно покачал головой. Запустив двигатель, Кирилл впрыгнул в кабину, прошептал тихо: «Господи, помоги!» — без крестного знамения (а вдруг Иван увидит, засмеёт) и тронулся, крепко вцепившись в баранку. Заскрипел металл — это нижний трос натянувшись раньше и сильнее верхнего, начал осуществлять подъём культиватора, а передние колёса «затанцевали», то отрываясь, то падая на опорную поверхность. В какой-то момент трос заскрипел даже через куртку по переднему углу кабины и Кирилл был вынужден добавить «коксу», чтобы ускориться за тягачом и ослабить натяжку троса. Медленно трактор проходил самую «критическую точку», перпендикулярно основанию склона. В этот момент дэтэшка, натягивая тросы неравномерно, а точнее, только верхним, стремительно начал вращать «Беларусь» на заднем левом колесе, да и так, что Кирилл не успел даже к Богу обратиться, как развернулся практически параллельно основанию и решительно замахал обеими руками Ивану, призывая остановиться. Получив ослабление нижнего троса, Кирилл быстро опустил культиватор, как спасательный якорь и слегка заглубил культиваторные лапы в почву.

Иван остановил трактор, неспешно вышел, именно вышел, наступая на гусеницу, затем на изуродованную, механическими повреждениями ступеньку, повернулся к Кириллу и поманил его рукою к себе.

— Иду, покурим спокойно, — когда Кирилл прытко выпрыгнул из кабины и подошёл, добавил. — Прожил немало, много повидал, чего и никому не пожелаю, но... Ты, молодчина. Я мог тебя заставить кувыркаться, как ты говорил; «придав момент» и «моменто...», нет, не в море — в речку Крынку, хоть она и вдалеке. Прости, задумался, виноват.

— Да прекрати. Всё нормально и профессионально. Талант не пропьешь.

— Не пойму, это упрёк или похвала?

— Похвала, похвала, конечно, и благодарность, — Кирилл протянул Ивану руку и крепко пожал. — Теперь, конечно, покурим.

Выполнив первую культивацию молодых насаждений лесополос по всему району, как междурядий, так и ротационными культиваторами, с самовращающимися рабочими органами, самих рядков, у «летучих аланов», как можно было назвать мобильное, самое активное и производительное звено тракторов в лесничестве в составе опытного механизатора Василия Ивановича Портнова и Кирилла Мельника, который в мастерстве уже мало чем уступал своему наставнику. Конечно, практика, положенная на теорию — это, как вовремя внесённые под дождик удобрения, обеспечивающие быстрый и уверенный прирост, в данном случае мастерства.

— Кирилл Фёдорович, — так официально лесничий редко обращался к молодому трактористу. — Вот пришло нам письмо из Департамента лесного хозяйства Ростовской области, с разнарядкой на оказание всевозможной помощи предприятиям агропромышленного комплекса в самый напряжённый период битвы за урожай. Предлагают отправить в колхозы и совхозы «трудовой десант» из состава самых благонадёжных специалистов.

Наступила тишина. Константинович испытывающе изучал реакцию Кирилла на эту информацию, но тот «перемалывал» её в своих жерновах разума спокойно и без эмоций.

— Сам понимаешь, — после того, как проверка на реакцию закончилась провалом с одной стороны и успехом с другой, лесничий продолжил, — Василий Иванович не согласится, и мы ничего с ним поделать не сможем, легче самому взять отпуск и «тряхнуть стариной».

— А вы тоже работали трактористом, — на последние слова лесничего Кирилл отреагировал с оживлением.

— Нет, но изучал, конечно, технику и на практике немного ездил... освоил бы быстро. Я же Новочеркасский политехнический оканчивал. — Догадываешься к чему это я?

— Да, конечно, задача не из трудных, — не задумываясь, ответил Кирилл.

— И? — только и спросил лесничий.

— Как скажите, я готов, если нужно.

— Нужно, Кирюша, нужно. Мы же с колхозами так или иначе сотрудничаем, это от них зависит и наша прибыль, и заработок от посадок и облуживания их. Я подаю тебя в приказ?!

— Николай Константинович, я «лошадей на переправе не меняю», коли нужно, то я готов.

— Вот и ладно. Подойди к Ивану Захаровичу, пусть масла отпустит, фильтра и что там ещё возможно на проведение теххода. Сегодня на месте оставайся, готовь технику на уборку. Только трактор нужен, без машин. Поедешь в Малокирсановку, в колхоз «Знамя коммунизма», будешь солому от комбайнов «мажарой» отвозить. С утра в конторе командировку, путёвку и всё, что нужно получишь и с Богом.

— Хорошо. Сделаем. — Только и сказал Кирилл, поднялся и пошёл искать во дворе механика.

12

Кириллу не впервой собираться в командировки и, если раньше, кроме прошлогодней в родное село жены, ему сумку помогала собирать мать, то уже второй раз это делала Любаша. Её основной заботой было постирать и прогладить сменную одежду, собрать нательное бельё, а ещё положить чего-нибудь вкусенького домашнего, хотя бы на первый перекус.

Технику и инструмент, кроме подготовки с механиком в лесничестве, окончательно «доводил до ума» ещё и дома. Завтра, не позднее семи часов утра нужно будет уже выезжать собранным и в хорошем настроении.

— Хотя бы дождей не было, — сидя за ужином как-то грустно и как бы невзначай сказала Люба.

— А что тебе дождь? Сейчас лето, два часа и сухо снова.

— Да я не о том, Кирюша, чтобы ты быстрее из этой командировки вернулся.

— А разве ещё не надоел за 488 дней? — испытывающим взглядом смотря в глаза супруге, но с лёгкой улыбкой, спросил Кирилл.

— Ты опять меня злишь, зачем? Вроде не знаешь, конечно, буду.

— А что тогда, свекровь «заклюёт»? Главное не дерзи, кивай головой в знак согласия. Это всё любят...

— Ладно, забудь. Это я так, на полмесяца или на дольше ты уезжаешь? А мы тут с дочуркой будем тебя дожидаться и в окошко выглядывать, как трактор заворчит...

— А вот это во многом зависит и от дождей в первую очередь, согласен. Сегодня раньше спать нужно постараться лечь, да? — допивая чай, завершил разговор на тему отъезда Кирилл.

— Да, конечно.

Есть несколько методов уборки зерновых культур по способу решения вопроса с соломой, после обмолота зернового вороха. И в каждом из них есть, как плюсы, так и минусы.

Первый, длительное время применяемый при уборке зерновых комбайнами с копни-телями. Копны укладывались на стерне убранного поля. Затем эти копны стягивались трoсово-рамочными волокушами, типа ВТУ-10. Она состояла из рамы в центре, к которой с левой и правой стороны присоединены были боковины, представляющие два сходящихся троса. Между тросами имеются перемычками, для задержания копен соломы. Сходящиеся концы боковины соединены с прицепным устройством трактора. Солому сволакивали на один из углов поля, где и производили скирдование с помощью стогамота и рабочих-скирдовальщиков.

Второй способ, имеющий одно очень важное преимущество в том, что солома сразу свозилась от комбайнов на площадки ферм, где и скирдовались. В зимнее время и корм и подстилка были под рукой. А недостаток в задержках бесперебойной работы комбайнов не только для выгрузки зерна в кузова автомобилей, но и на отцепление заполненных соломой и присоединение пустых прицепов-мажар к комбайну. Вот здесь и необходимо, в отличие от первого метода, в уборочно-транспортное звено, кроме комбайна и автомобилей, для транспортировки зерна, включать ещё и трактор с двумя прицепами с закрытыми бортами и верхом 2-ПТС 40 (двухосный прицеп тракторный самосвальный). Значительный объём прицепа (40 м³) позволял, пока комбайн набивал, при помощи измельчителя соломой один прицеп, тракторист отвозил на ферму ранее заполненный. Конечно, случались простои. И если поля были удалены от ферм, то трактористам приходилось не сладко, они все были «в мыле», особенно то место, на чём сидят. Но в те годы всем доставалось. В комбайнах СК-5 и СК-6 тоже ещё кондиционеров не было. Не зря уборочную страду называли — «жаркая пора».

Третий способ уборки мог осуществляться двумя разновидностями, с измельчением соломы, но без сбора её прицепами.

Первая разновидность: солома из измельчителя укладывалась в валок, после обмолота вороха и измельчения соломы. Затем по этим валкам пускали пресс-подборщики, которые солому прессовали в малые тюки и транспортировки на место складирования.

Вторая разновидность отличалась тем, что солома вообще не собиралась, а после измельчения её развеивали по полю, как удобрение. Этот способ стал активно применяться уже в годы развала сельского хозяйства, вслед за развалом страны. Животноводство практически всё было «убито» в пользу «ножек Буша» и мяса кенгуру из Бразилии, свинина из Китая, а также поставки различных видов мясной продукции из Парагвая, Швейцарии, Аргентины и других стран. Потому солома перестала пользоваться спросом.

Машинно-тракторный двор полеводческой бригады располагался на живописной стороне правобережья реки Мокрый Еланчик, уходящего стремительно вверх оконечностью Донецкого кряжа. И на этой стороне, у подножья горы вдоль её основания протянулась одна-единственная улица села Малокирсановка, с названием, конечно же Подгорная. Село и все остальные домовладения селян, производственные строения, магазины, дом культуры, школа и прочее — всё вытянулось с севера на юг на левом, менее стремительно уходящим ввысь, облюбованном основателями села берегу.

Кирилл бывал здесь раньше, но очень давно в гостях у тёти с дядей. Хорошо знал центр села и большой пруд между Малокирсановкой и Анастасиевкой. Там он впервые, будучи пацаном лет в 10—11, ловил со своими братьями, по приглашению двоюродного брата, краснощёрок. Конечно, такое запоминается надолго. А потом они ходили в малинник. Какая она вкусная, дома у Кирилла крыжовник и яблони со сливами всегда были, а вот малина — это что-то сказочное. Тётя, как и дядя, бывший директор местной школы, были на пенсии, а их дети выучились, обзавелись семьями и разъехались. Сын жил в ст. Вешенской и работал лесничим Шолоховского лесхоза. А дочь их преподавала в университете г. Уфы.

Конечно, не стал Кирилл заезжать к родственникам, а отметилсЯ сначала в правление колхоза, как прибывший в командировку на героический прорыв и после сразу отправился на правобережье, где находилась и контора, и общежитие, и бригадная столовая. Удобства, конечно, походные, но не на курорты же приехал, надо полагать, тем более, что эта уборка уже пятая, если считать ту, первую, в далёком 1969 года, когда Кир, четырнадцатилетним пацаном, после седьмого класса пошёл работать штурвальным на комбайн СК-4. Это было что-то, но об этом не сейчас.

Председателем колхоза Тарасенко Вера Ивановна, как и председатель исполкома Матвеево-Курганского райсовета народных депутатов, была также боевой женщиной. Да и иначе быть не могло, «размазня» не сможет руководить сотнями и тысячами тружеников и не просто, а чтобы добиваться значимых и высоких производственных результатов. Интересно, как себя чувствовали председатели сельхозпредприятий района — крепкие во всех смыслах мужчины — перед такой, в общем-то, хрупкой женщиной, когда им её ставили в пример. С ума сойти и сквозь землю провалиться, только представив эту картину. Может быть, уже тогда Кирилл твёрдо решил, что руководителем крупного предприятия он точно не будет. Возможно, что это даже не потому, что «жила тонка» — не его это и этим всё сказано. Но это в перспективе.

Бригадир Виктор Семёнович, назвал фамилию механика бригады — Деев Иван Николаевич, и фамилию того комбайнёра, в уборочном звене с которым придётся Кириллу работать.

— Вон там в ряду стоит третья «Нива», ты к ней прикрепляешься на всю уборку. Комбайнёр Брыкин Пётр Григорьевич. Можешь с ним начать знакомиться, так как две-три недели придётся бок о бок трудиться. Надеюсь, что конфликтных ситуаций не будет. Яки там у тебя документы имеются. Мне нужно и на довольствие поставить и для порядка.

Кирилл предъявил все имеющиеся документы. Бригадир, глянув, половину сразу вернул, записал где-то у себя в журнале данные Кирилла, поинтересовался, не просрочены-ли права

тракториста и согласен-ли он проживать в общежитии. Затем он провёл в это самое общежитие и сказал, что может занимать любую из оставшихся трёх коек из шести имеющихся в комнате.

— Трое командировочных уже сегодня поселились у окон, кажется, разберётся. Душ ниже обустроен, но греется только от солнца. И если не успеешь, выплескают, придётся в водопроводной воде обмываться. Есть пруд в полутора километрах, в сторону Анастасиевки. Водители знают где, если чё. Вопросы есть? — подвёл итог приёма командировочного, явно куда-то спешивший бригадир.

— Всё ясно, как везде и, как всегда.

— В одной стране живём, до будуаров нам ещё далеко, но шо имеем, тому и рады... Располагайся! — добавил бригадир. — Пора горячая, сидеть некогда. Будут проблемы, обращайся, будем решать по ходу поступления.

Кирилл подошёл к комбайну, указанному бригадиром, где на нём и возле других комбайнов суетились комбайнёры и штурвальные, делая последние приготовления к выходу степных кораблей — не на морские, а на бескрайние степные просторы созревших нив. И через день первый золотой ручеек из выгрузного шнека этого или другого комбайна, польётся сплошным драгоценным потоком в бурты зернового тока, в загрузочные ямы зерновых агрегатов очистки и калибровки зернового вороха, после сравнительно-грубой очистки решетных станов комбайнов. Он потечёт множеством ручейков, питая реки, которые сольются в огромное море, в закрома страны. И в этом общем «каравае» будет маленькая частичка каждого из тех, кто готовил почву, сеял и подкармливал зерновые нивы и, наконец, убирал, участвовал хоть в одной операции технологического процесса возделывая, уборки и послеуборочной обработки зерна. И где-то в этом длительном цикле есть и место, которое должен будет занять Кирилл и каждый, кто внесёт свою йоту труда, которая не даст прервать всё цепочку производственного процесса. Завтра будет дан старт самому ответственному этапу — жатве.

— Бог в помощь вам! — подойдя вплотную к комбайнёру, что-то заворачивающему (и Кирилл знал прекрасно, что он регулировал установочный зазор между декой подбарабання и барабаном), это были гайки тяг подвески деки.

— Бог сказал, шоп сам помог — ответил Пётр Григорьевич.

— Ну если нужно, то можно. Отчего же не помочь, — решительно ответил Кирилл.

Комбайнёр прекратил затягивать контрогайку, расправил спину, повернулся и внимательно посмотрел на подошедшего:

— А ты кто?

— Прикомандированный тракторист. Буду от комбайна у вас солому отвозить.

— Вот и иди, готовь трактор или там мажару. Мы как-нибудь сами. Да, Серёжка? — обратился к своему помощнику, школьнику, лет 14—15-ти.

Снова приступив к незаконченной работе, комбайнёр таким образом хотел показать, что разговор окончен, говорить больше не о чем. Так и так, хоть такое знакомство не сулило Кириллу ничего хорошего или первое мнение о человеке было обманным.

— Ну если что, то меня Кириллом Мельником кличут, — ответил Кирилл и, не ощутив реакции, пошёл искать механика.

Обговорив организационные вопросы, механик спросил у Кирилла:

— Брыкин показал тебе его мажары?

— Нет, — удивлённо ответил Кирилл, — просто послал...

— Ясно! — грустно произнёс Деев. — Это на него похоже. Собственно говоря, ты и сам их найдёшь. Ваш номер «шестой», входите во второе комбайново-транспортное звено. На комбайне и прицепах хозяйственные номера выведены краской и хорошо видны, не спутаешь. Просмотри внимательно, скаты подкачай (компресса у твоего трактора нет), если совсем пустые, попроси наших местных, чтобы на месте подкачали. А компрессор есть в мастерских.

Шпильки проверь и прицепной устройство, может быть, где-то подварить нужно. А когда их половой забьёт, всё гореть будет при сварке. Я тут почти постоянно, если нужно, найдёшь.

Обкосы и прокосы на полях были уже выполнены, как и обпашка. Оставалось, как говорится — начать и закончить.

В этом колхозе в этом году лесополосы не садились, а потому Кириллу пришлось знакомиться со всем впервые. И главное нужно было понять, на какой стороне от долины реки Мокрый Еланчик находятся те нивы, на которых предстоит убирать урожай. И ещё не заезжаться, чтобы первый выезд сделать «ведомым» за местным, «ведущим», кто покажет наилучший вариант маршрута.

А вы знаете, что такое «жатва»? Заголовками «Жатва-83» пестрят не только «передовички» районной печати, областных и российских газет. «Бюллетени жатвы», «Молнии» и прочие срочные новости о том, как идут темпы уборки в конкретном колхозе, добросовестно и пунктуально выносятся на обозрение всем участникам этой жаркой во всех смыслах поры. Работники сельских домов культуры, держат «руку на пульсе жатвы», через руководство колхоза, чаще всего через парторга и комсорга.

Жатва — это усиление активности и бдительности всех организационных структур и служб: райкомов КПСС и ВЛКСМ, сотрудников исполкома и управления сельского хозяйства, сельских и поселковых советов депутатов трудящихся, корреспондентов СМИ разных уровней, селькоров, сельских коллективов художественной самодеятельности, контролирующих и инспекционных органов, пожарной службы и ВДПО, МВД и других, сплотившихся в единый кулак с единой целью — максимально быстро и без потерь убрать урожай и сделать, желательно, рекордный вклад в закрома Родины.

Жатва — это применение современных технологий и грамотное лавирование при выборе способа уборки колосовых (раздельную или прямую) в зависимости от погодных условий; это верный расчёт и распределение комбайново-транспортных звеньев по мере созревания нив в севооборотах бригад и всего колхоза; это организация подготовки самих полей, разбивка загонков, противопожарная пропашка, доведение до кондиции просёлочных дорог, подготовка тока и комплекса машин по послеуборочной обработке зерна; организация технического обслуживания и ремонта комбайнов, машин и оборудования всего уборочного комплекса в мастерских и на месте проведения работ; организация питания и отдыха хлеборобов (передвижные пункты отдыха, приёма пищи, с душем и пр.); зарождение в коллективах соревновательного духа и вовлечение всех участников жатвы в социалистическое соревнование; работа по выявлению и стимулированию передовиков соцсоревнований (с присвоением переходящих званий и вымпелов: «лучший на свале зерновых», «чемпион дня на подборе зерновых», «лучший на отвозе зерна», отметки «звёздами» за новую тысячу центнеров обмолоченного зерна или тонны перевезённого от комбайнов, а также на элеватор зерна...).

Жатва — это забота, внимание и максимальное сосредоточение сил, ресурсов, включая и людские в планы поставки зерна в государственные закрома, желательно, чтобы с превышением по сравнению с прошлогодними и повышенными, по сравнению даже со сверхплановыми социалистическими обязательствами на текущий год.

Жатва — это почётная миссия и её, как правило удостоивают лучших, зарекомендовавших себя и как ответственных, инициативных до определенной дозволительной границы, работников, которые готовы трудиться с максимальной отдачей, даже по идейным соображениям, со звоном в ушах призыва — «надо», ты лучший и ты можешь, и ты сделаешь это, и тобою будут гордиться все, даже внуки...

Жатва — это возможность испытать себя и реализовать в тяжёлом, но почётном труде: возможность заработать в прямом смысле денег, вознаграждением в виде натуральной оплаты труда зерном для выкармливания домашнего хозяйства; получить моральное удовлетворение

от того, что ты в течение 2—3 недель являлся важным «винтиком» в сложной функциональной машине, под названием «жатва», и без тебя, если бы и обошлись, но в её работе могли быть свои изменения, что-то пошло бы иначе и не обязательно лучше, возможно, что и в разы печальнее, напряжённей и менее эффективно или всё совершенно наоборот, если ты — «тормоз», заклинивший «тормоз» этой, до тебя отлаженной машины.

Жатва — это «золотая» нива, это море остистых или безостых колосков в ветреную погоду; это первая загонка «всвал» с двойным валком, мощным потоком зерна из загрузочного транспортёра в бункер при хорошей урожайности, и «лиса» (забивание молотильного аппарата и наклонной камеры жатки с подающим транспортёром мощным потоком зерно-соломистой массы), которую приходится долго устранять путём прокручивания молотилки вручную в обратном направлении; это приклёпывание новых сегментов ножа жатки взамен сломанных при попадании камней и прочего, с чем режущий аппарат не справляется — он же не камнедробилка; это забивание соломотряса, зернового или колосового шнека или транспортёра, в случае того, что неопытный комбайнер неправильно отрегулировал регулировочные муфты; устранение серьёзных поломок, когда «доброжелатель», чтобы обойти кого-то из комбайнеров в личном зачёте, сунет ему в валок, а молотилка просто им «удавится» с последующим длительным простоем; это и дружеская взаимопомощь, даже не взирая на собственное отставание в соцсоревновании, бескорыстность и самопожертвование ради общего благого дела — результата труда всего коллектива; это тот запах жнивья, который хлеборобы помнят всю жизнь, даже проживая в заполярье; это музыка процесса отлаженной работы всех узлов и механизмов комбайна, по которой можно судить об исправности и даже качестве обмолота зерна, не за штурвалом его, а на расстоянии даже в сотни метров.

Жатва — это бурты зерна на токах, где с утра и до полуночи работают люди, даже когда комбайны уже ставятся «на прикол», но она не затихает на стационарных зерноочистительных комплексах ЗАВ-40 (зерноочистительный агрегат вороха, предназначенный для очистки и сортирования семян сельскохозяйственных растений зерновых, зернобобовых, технических культур). И они не затихают до тех пор, пока всё черно, поступившее с нивы от комбайнов, не пройдёт всю цепочку пути технологического процесса очистки и сортировки зерна до требуемой кондиции; это работы по переброске буртов с целью его охлаждения и уменьшения влажности, для недопущения его перегрева и «горения»; это погрузка зерна в автомобили, для транспортировки на районный элеватор или элеватор с. Успенского; это дежурство трактора с плугом и пожарной машины или транспортного средства с цистерной воды и насоса для подачи воды под давлением; это дежурная машина с кухаркой и горячими блюдами в термосах на обед или ужин.

Жатва — это палящее июльское солнце, раскаляющее металл комбайнов, тракторов и других машин до ожога при прикосновении; это забитые остистой массой радиаторы системы охлаждения и закипающие двигатели; это зазевавшийся в валке перепел, разбуженный шлепком под хвост пружинной граблиной транспортёра подборщика и подброшенный вверх. Увидев надвигающуюся громадину комбайна, он расширил испугом глаза и, на «третьей космической», упорхнул, не ведь куда; это специфическая пыль, зависающая в воздухе, особенно в тихие вечерние часы, от которой тело чешется, как от крапивы, и её забитые бронхи долго ещё будут очищаться кашлем, а глаза краснеют, как будто у всех, кто участвует в уборочной страде, конъюнктивит.

Жатва — уборка зерновых колосовых культур, является уборкой самой важной национальной сельскохозяйственной культуры. «Хлеб всему голова» — кто не знает и никогда не слышал таких слов, тот не россиянин, тот не русский. Хотя и сельскохозяйственный год заканчивается поздней осенью, после завершения послеуборочной подготовки почвы, посева озимых и уборки поздних зерновых пропашных культур, кукурузы и подсолнечника. Но основу продовольственного стратегического запаса составляет всё же продовольственное зерно, а на

втором уже фуражное. А потому важнейшим заключительным этапом жатвы является подведение итогов и праздник по поводу окончания этого важнейшего в году этапа, сабантуя. Выявляются победителя в различных номинациях, вручаются ленты с броскими золочёнными буквами слов: «Чемпион жатвы», «Гвардеец жатвы», «Лучший водитель», ... Накрывается длинный стол, человек так на пятьдесят, на всех, кто принял участие в уборочной страде — жатве в данной полеводческой или комплексной бригаде.

Это и многое другое мог бы рассказать Кирилл, на основе и теории, которую изучал в институте, и того богатого практического опыта, который он получил за несколько сезонов уборки урожая за штурвалом комбайнов СК-4, СК-5 «Нива» и СК-6 «Колос».

Но всё это будет ещё не скоро. Предстоит не просто прожить полтора-два десятка дней в напряжённом труде, когда на сон приходится в лучшем случае пять-часов. Конечно, комбайнёр может немного отдыхать в тени лесополосы тогда, когда помощник прошёл испытания и сдал «на самоуправление степным кораблём», как и проходил в своё время Кирилл, и не только степным, но и боевым кораблём на службе.

Распорядок дня мало чем отличался от распорядка на службе, а по напряжённости даже превышает то, что приходилось испытывать на воинской службе, в последние полтора года — это точно. Первые полтора года и вспоминать не хочется и не из-за больших физических нагрузок, а из-за душевного напряжения на грани и с попытками «опускания» человека, как это делают в первую очередь в тюрьме. Но что старое вспоминать, пора и забыть. Что было, то прошло.

Подъём в шесть часов. Умывание, одевание, разминка до хруста костей. Осмотр, техход, подготовка к двухсменной работе и заправка трактора. Калорийный завтрак. На что нельзя было жаловаться в те годы ни на один из колхозов или совхозов района, где доводилось Кириллу обедать просто или быть в командировке на уборке, что где-то кормили неплотно, некалорийно и невкусно. В каждом из них был приличный выбор мясной продукции, не закупленной, а выращенной на животноводческих и птицефермах.

Приготовленная пища практически не отличалась от домашней. Дважды за командировку Кирилл посетил своих родных. Конечно, тётя и дядя были рады, так как не виделись более двух лет со дня свадьбы, где присутствовала одна только тётя. В первый день визита после обеда прошёл ливневый дождь, и вечером, впервые выкупавшись не в холодной водопроводной воде, а в тёплой прудовой, побрившись и переодевшись, поехал разве что не на личном авто, а на своём труженике МТЗ-80.

Тётя расстаралась на кухне, а дядя достал из подвала грибочки, домашней закупорки сына, привезённые из Вёшенского леса, представляющего собой сосновый бор большей частью. Грибочки были, бесспорно, классные, да ещё и под коньячный спирт. Хотя изначально дядя Лёша долго сомневался, стоит ли наливать племяннику, но дорога ближняя, а время приближалось к полуночи, да и в случае чего можно было бы у него заночевать, а потому большую часть полулитра осушили. Дядя поплыл, всё-таки годы давали знать, а Кириллу что станет, молодому и под хорошую закуску.

И снова пекло в придачу к жаркой уборочной поре. Даже после дождя, уже через день, если ни к вечеру следующего дня, «кильватерный след» тракторной прицепы надолго завлакивало пыльной завесой. Самое опасное было после того, как разминались на довольно узких просёлочных дорогах, два трактора с «разгулявшимися» в поперечных заносах «мажарах», в этой самой пыли не совершить аварию, ДТП. Бывают и не в анекдотах, а в действительности, когда две «мажары» не могут «поделиться» приличную убранную полосу поля, размером гектаров в десять. Очевидное и невероятное в одном. Проще было, когда убранных полей стало больше, тогда по правилу «правой руки», кто мог уходить направо на убранную стерню, двигался по ней, там и пыли меньше и безопаснее.

«Летали» на уборке все, и трактористы, и водители, и даже комбайнёры, если позволяли условия, чтобы без потерь убирать, и «лис» не наловить. Тогда пиши пропал. «Большие гонки», «погоня за лидером» и хорошо, когда без «подстав» и открытого «вредительства». Сейчас же не сталинские времена, за вредительство «червонец» не присудят, да и попробуй доказать, если завистников «выше крыши».

У трактористов такого не замечалось. В звене с комбайном Петра Брыкина, который обслуживал Кирилл, если так можно сказать об отвозе соломы, рядом ходил агрегат Анатолия Белова, который, в отличие от Брыкина, был более человечный, улыбчивый и спокоен, даже своего штурвального не гонял, разговаривал на равных и уважительно. А Серёжке, штурвальному Петра Григорьевича доставалось именно криками и упрёками. Кирилл делал своё дело проворно и без задержек, а вот в душу к комбайнёру не лез. Да и вообще, все люди разные, как их можно «под одну гребёнку ровнять»?

Кирилл не понаслышке знал о взаимопомощи и выручке, которые всегда были и в тех уборочных сезонах, когда полностью звено, в количестве четырёх комбайнов, было укомплектовано только прикомандированными из «Райсельхозтехники». Здесь же комбайнёры были все местные. Белов, хоть и моложе многих, но был назначен звеньевых, и вовсе не потому, что он был коммунистов, его даже полушутя так и называли, вместо имени, а потому, что он «болел» за всех в звене, а не только о себе, своём экипаже. Если у кого-то случалась поломка, он садил за штурвал помощника, а сам активно помогал. И больше всего простоев было у Брыкине и вовсе не по вине Кирилла, комбайн часто подводил. Где требовалась помощь, Кирилл сам предлагал свою помощь, тем более что любая работа ему была не впервой.

Уже в середине уборки было ясно, что экипаж Брыкина, по результатам уборочной страды, если не случится серьёзной поломки, займёт итоговое место в нижней трети списка всех экипажей комбайнов. А что мог сделать Кирилл, сказать комбайнёру: «Давай поменяемся, ты на трактор, я за штурвал комбайна». Но и этого было мало. Нужно было начинать с подготовки техники к уборке.

Кирилл помнит, какие им доставались комбайны, хоть и в его бывшем колхозе — самые «убитые». Кто даст путёвый комбайн «чужаку», а себе рухлядь оставит? Да никто и не в жизнь.

Уборка длилась три недели и закончилась с неплохими результатами урожайности и валового сбора. В доме культуры чествовали победителей соцсоревнований во всех номинациях и категориях. Только звеньевой Белов занял почётное, но третье место и судя по всему, был этим не совсем доволен. Видимо планировал итоги получше, но не повезло и совсем чуть-чуть.

Бухгалтерия усиленно работала, чтобы рассчитать командировочных быстро и полностью. А комбайнёры со штурвальными мыли и чистили комбайны, трактористы прицепы и устанавливали на площадку для хранения. Иван Николаевич принял технику предупредил всех командировочных:

— Хорошо поработали, можно и отдохнуть. Сегодня часов на семь вечера намечается сабантуй тут же, у нас в бригаде. Погода позволяет, поставим столы во дворе. Вы ж не разбегайтесь. Успеете домой. Отдохнёте, а завтра туда, ближе к обеду отчалите. Не подведите.

— Добро! — ответил тракторист из рыбхоза, Василий. — Отчего же не гульнуть «на шару».

Затем механик глянул на угрюмого Кирилла и спросил:

— А ты, Кирюха, как?

— Николаевич, дома столько времени не был. Жена там...

— А что жена? Крепче только обнимать будет, коли соскучится. А, коли... Короче, оставайся. Работал на совесть, а что вот так... так твоей вине нет. Доживём до следующего года, приезжай. Я тебя к кому-нибудь попроворнее определяю. Съезди пока в гости к дяде. Алексей

Матвеевич — хороший человек. И директором, и председателем сельсовета, всегда на своём месте был. Моих детей выучил, да мало ли у него заслуг и фронтовик...

— Хорошо, Иван Николаевич. Вы тоже мужик, что надо. Приятно было работать. Наверное, так и сделаю.

— Не прощаюсь. До вечера.

Столы ломились от яств, приготовленных большей частью из экологически чистой, как модно стало говорить продукции местного производства отраслей животноводства и растениеводства, так как это были годы рассвета «эпохи застоя». Это уже потом ничего не станет местного: мяса, ничуть не отличающегося от того, что выращивали даже наши деды на зерне собственного производства, траве, тыкве, свекле и прочем; помидоры и огурцы с запахом и неповторимым вкусом именно этих овощей; яблоки, слегка тронутые вредителем, так как там нет такого количества нитратов и другой химии, как у импортных, которыми скоро завалят прилавки, рядами выстроенных вдоль дорог и улиц ларьков и палаток.

Люди здесь говорили мало, основные пламенные речи отзвучали на послеуборочном собрании в доме культуры, где чествовали и победителей среди производственных бригад колхоза, уборочных звеньев и чемпионов жатвы в личном зачёте. Было шумно, а когда стемнело, утихли шумы машин, мычание и кудахтанье живности в личных хозяйствах селян, и стих ветерок, резвившийся раскалённым июльским воздухом, послышались уже громкие голоса веселя, позитивной волной с горы, где был устроен сабантуй, стали разливаться по всей долине и даже смогли преодолеть наполовину подъём на левобережье Мокрого Еланчика, заселённого селянами.

Жёны без труда различали залиvistые голоса мужей после того, как прошла пора стеснения перед коллегами и «сухости горла», которые затягивали застольные песни и среди них можно было различить и два-три женский голоса, дающих колорит и красочность, сочность хорошему пению, без репетиции.

Люди от души веселились. Кирилл не мог ощутить того же, даже после того, как «на грудь было принято» приличное количества спиртного. Опынение не ощущалось, просто медленно уходила многодневная усталость, а её место занимала благодатная нега расслабления. Но особой радости не было по многим причинам.

Часам к одиннадцати вечера ряды застолья заметно поредели. Приезжали жены с сыновьями и забирали загулявших отцов. Те с неохотой, но соглашались, пропустив традиционно «на добрую дорожку» крайнюю рюмашку.

Кирилл зашёл в общежитие и не включая свет, осмотрелся. На своей койке, посапывая, не раздеваясь, спал командировочный тракторист их рыбхоза. Света, пробивающегося через окна от множества развешенных по двору ламп, было достаточно и Кирилл неспеша собрал свои вещи в сумку и, обойдя с тыльной стороны здания, мимо душа и между деревьями небольшой рощи, поднялся на площадку к своему трактору. Забросил в кабину вещи, поставил ногу на подножку, но вспомнив что-то, плавно прикрыл дверку и вернулся тем же манеров в комнату общежития.

Нашёл в тумбочке измятую и наполовину исписанную школьную тетрадь и ручку. Нацарапал крупными буквами на весь листок; «Я уехал домой! Всё будет хорошо. Спасибо всем за всё! Кирилл Мельник». Бросил открытую тетрадь с ручкой на свою коку и тихо удалился.

Из кабины трактора отлично было видно весь машинный двор бригады, как на ладони. Явно уже нетрезвые мужики уже разбрелись за длинным столом на группы по 2—4 человека, а где-то курили двое, обняв дерево, «чтобы то, упаси Боже не упало». Кто-то, усевшись на кассету воздухоочистителя комбайнового движка, опираясь спиной в стену, дремал.

Чуть подумав, Кирилл решился. Включил девятую передачу, выжал педаль сцепления и отпустил стояночный тормоз. Трактор резво покатился с горки в сторону застолья. Отпустил

педаль сцепления, слабый толчок и ровный рокот дизеля, разрезал ночную тишину. Кирилл резко вывернул руль влево в сторону выезда из бригадного двора на асфальтированную дорогу. Краем глаза увидел, что кто-то отвлёкся от разговора с товарищем, посмотрел мутным взглядом на удаляющийся трактор и принял привычное положение с упором локтей рук о стол.

Переключившись на шестую передачу и убавив газ, Кирилл покатился по серпантину спуска с горы. В долине воздух, поступающий через открытую левую дверь, был свежий, с запахом сырости и болота.

И вот уже позади село. Дорога пустынна. Дизель, работающий на максимальных оборотах, словно старый кот, не мурлычет, как молодые коты, а размеренно урчит, от удовольствия того, что хозяин позволил ему улечься на диван или, в худшем случае на коврик в уютном доме после того, как сытно накормил его самолично или же добрая хозяйка.

Кириллу часто приходилось в тёмное время ездить и за рулём транспортных средств и в качестве пассажира. И самое опасное в одиночной езде, расслабиться, тем более что этому способствовали и систематическое недосыпание, усталость и немаловажный фактор принятия средства, которое изначально является взбадривающим, а в последствии расслабляющим. И тот же угнетающий фактор сонливости и от «музыки» дизеля и от «сужения окружающего мира» до узкого пучка света, с освещением тополей на обочине и давящей сверху и обеих сторон темноты.

Как не хватало сейчас не просто разговорчивого, а болтливого попутчика или прыгающей из-за тряски трактора игрушки, свисающей от верха рамки ветрового стекла и помогающая не заснуть на ходу. Горланить песни — это не в привычке Кирилла, да и слов песен он немногих знал, радио или магнитофона в кабине не было, а потому оставалось лишь одно — курить и курить очень часто.

Отмечал для себя с удовлетворением, что вот уже проехал развилку с «воровским шляхом», спустился по затяжному склону в долину Широкую и пруду справа, который «улыбался» отблеском стареющей луны в её штилевой глади.

Стрелки часов приблизились к отметке один час после полуночи. По видимым, утопающим в ночи размытым контурам деревьев и возвышенностей рельефа её серо-чёрной палитрой сущности ночи, Кирилл успел осознать, что проехал развилку трассы с дорогой на мясоперерабатывающий комплекс «Модуль» справа и подъём к памятнику «Якорь» справа.

И всё...

13

Кирилл, очнувшись, не мог вспомнить, что произошло. Вспомнил, что проехал развилку у Волковой горы с памятником «Якорь» и провал в памяти. Он сидел, а вернее даже, лежал на баранке. У него болела грудная клетка, но ещё больше голова. Ощупал голову и обнаружил липкость крови на ладони. Захотелось «снять» себя с баранки и он, слегка отклонился от неё и при этом буквально упал, провалился спиной низко назад, упёршись в спинку сиденья, а затылком ощутимо проверил заднее стекло кабины на прочность.

Застонал и тихо заматерился. Он лежал на спинке так, что подняться без помощи рук было невозможно. Он находился почти так же, как космонавты находятся в спускаемой капсуле, при посадке, в позе эмбриона в чреве матери. Ноги зависли на рычаге переключения передач и тормозных педалях.

Осмотревшись в темноте и подвигавшись, Кирилл понял, что трактор стоит по большим углом в сторону подъёма и первое, что он подумал — снятся ему те террасы, на которых он не так давно зависал, но почему так реальны болезненные ощущения. Снова ощупал себя и всё внутри кабины трактора — нет, это не сон — явь. Трактор стоял с заглушенным двигателем в положении «на взлёт». На сиденье что-то было разбросано и ощутимо давило в зад.

Левая дверь, которая была открыта и даже подвязана впереди от самопроизвольного закрытия при езде, была закрыта. Отрыть с замка получилось, а отворить, чтобы выбраться из кабины не получалось, она падала вниз и больно била по рукам. Тогда Кирилл развернулся задом к дверному проёму, стал медленно выбираться из кабины, своим телом придерживая дверь. Опуская ноги, никак не мог нащупать ступень. Посчитав, что землю вот-вот нащупают ноги, опускаясь, не удержался на одной руке, которой держался за дверной проём, крутнулся и сорвался вниз, а опора оказалась ниже, чем предполагалось.

Благо, что зубы не остались на полу кабины, он только щекой, а не подбородком коснулся резинового уплотнения дверного проёма. Слегка подвернув ногу, Кирилл упал на землю и немного скатившись вперёд, упёрся в дерево. Осмотрелся, насколько было возможно в темноте и ощупав всё вокруг, понял, что трактор передним мостом завис на молодом дереве, ствол которого даже чуть прогнулся, но не сломился, на высоте более метра. Под трактором были разбросаны предметы, это были ключи, болты и мелкие детали, покинувшие инструментальный ящик.

Оглянувшись назад, Кирилл увидел лишь граничную грань между дорожным откосом и обочиной, которая была метра на три выше от той поверхности, на которой он сейчас стоял. Впереди, в метре от дерева глубокая оросительная канава, вернее водный канал, дно которого он не различил в темноте, но начинал понимать, где он находится на трассе от посёлка к Волчьей горе.

Выбраться на обочину проезжей части получилось не сразу и только с помощью «полного привода» всех человеческих конечностей «обеих ведущих мостов», с использованием «ручной лебедки», закреплением «загребущих» за любую растительность, попадающуюся на ощупь. Разогнувшись на обочине и повернувшись к трактору, увидел верхние части его контуров на уровне своих подошв.

Осмотрелся и глубоко вздохнув свежим ночным воздухом, ощутил острую боль в грудной клетке с тем неповторимым запахом жатвы, который разносился на большие расстояния от уже убранных полей и пожнивных остатков, с половой на стерне и неубранными копнами. Эти запахи доносились с тех полей, что располагались по правую руку, по направлению прерванного маршрута. А слева, с орошаемых полей огородной бригады Кирилл ощутил знакомый запах тронутой ботвы помидор, что говорило о начале сезона сбора овощей на открытом грунте.

Закурив и пройдясь метром на двадцать в сторону, откуда Кирилл двигался и, не обнаружив явных следов ДТП, а тормозной путь, если бы и был, его бы было очень трудно без света обнаружить. «Значит, аварии не было, — подумал с долей осторожного оптимизма Кирилл. — Это уже хорошо. Я жив — отлично. Трактор не перевернулся, а значит есть возможность выбраться отсюда своим ходом... Так почему я ещё здесь?»

Кирилл буквально съехал на туфлях по траве, как на коньках, вниз к трактору. С трудом дотянулся к рычагу передач и резко, но осторожно рванул на себя — трактор никак не среагировал, а рычаг находился в положении «нейтраль». Задние колёса упирались в откос, а перед трактора завис на дереве. «Во, блин, — подумал Кирилл, — опять „силовой многоугольник“ с равновесием сил и их реакций...».

Пусковой двигатель располагался на уровне его головы, и чтобы запустить его, Кириллу пришлось изрядно потрудиться. Тем более, что рывки пускового шнура отдавались резкой болью в грудной клетке — видимо ребрам изрядно досталось. Всё-таки с какого-то 27-го раза двигатель удалось запустить.

Кирилл сначала, хоть и с трудом, зафиксировал дверь в открытом положении, дабы она не разmozжила ещё сильнее голову, от толчка. Взобрался как на верблюда на сиденье и сделал пробу тронуться назад. Срабатывал дифференциал заднего моста и трактор подёргиваясь от слабых рывков поочерёдного одного из двух колёс, которые пытались помочь трактористу, но никак. Дальше, воспользовавшись блокировкой дифференциала, Кирилл предпринял несколько попыток, в результате которых задние колёса «отметили характерными следами место ДТП» на дорожном откосе, но вместе с этим передний мост немного сполз, и молодой тополь силой упругости ствола, пытаясь избавиться от невесть откуда свалившегося груза, как «спинкой» плеча стрелкового лука, выпрямляясь, пытался вытолкнуть навалившуюся на него массивную «стрелу». Тем более, что эта самая «стрела» также делала попытку взлететь метра на три в высоту и метров на пять-шесть от «тетивы».

«Эх, если бы была новая резина, то давно бы уже пил чай дома, а напротив, за кухонным столом сидела сонная жена в ночной рубашке и никак не могла понять, что случилось со мной этой ночью. Да я сам не всё ещё понимаю, что и как всё это произошло, — медленно выкарабкиваясь на подъём, раздумывал Кирилл. — Видимо, я просто уснул».

Остановив на обочине трактор с одной рабочей фарой головного освещения, Кирилл ещё раз спустился, и наощупь собрал попавшийся под руки инструмент. На часах минутная стрелка начала отсчёт третьему часу после полуночи.

Домой, быстрее домой. Благо, что ночами все нормальные люди спят и он в этой «неудобной» ситуации не был замечен, в крайнем случае, когда находился в сознании. А, что могло быть в то непродолжительное время, когда Кирилл был «в отключке», лучше сейчас и не думать.

— Кира, что ты так рано вскочил, — глядя на суетившегося на кухне мужа, спросила супруга. — Не проспав и время — ещё и шести часов нет... что-то случилось?

— Всё нормально. Просто в дороге, уже почти на подъезде к посёлку, колесо в яму попало, тряхнуло и колпак воздухоочистителя отлетел куда-то на обочину в траву. Темно было и он чёрный. Жалко. Поеду, поищу.

Кирилл старался не смотреть в глаза Любе, чтобы она не догадалась о той правде, которую он неумело пытался скрыть, но врать не был приучен с детства, не мог и не хотел, разве что чего-то мог недосказать.

— Ты заедешь за «тормозком» или у тебя сегодня ещё командировка?

— Нет, Люба, сразу на работу.

— Тогда минутку погоду, я тебе соберу перекусить...

Кирилл без труда нашёл место ночного ДТП, без участия других транспортных средств, в чём он теперь уже точно убедился при тщательном утреннем осмотре проезжей части. Встречались редкие автомобили — как легковые, так и грузовые, везущие зерно на элеватор. Они занимали очередь в веренице машин перед пунктом отбора проб на анализ у проходной элеватора. Жатва в районе входила в завершающую стадию, но ещё не закончилась.

Рассматривая все следы и новые, видимые отчётливо в утреннее время факты и мало-важные, на первый взгляд фрагменты, довольно ясно могли описать картину происшедшего ночью. Скорее всего, всё произошло в течение нескольких секунд, максимум 10—15, не более. Почему Кирилл пришёл к такому выводу?

Авария произошла метрах в тридцати от правого, хоть и не очень крутого поворота. Значит, непосредственно перед ним Кирилл задремал. Откуда такая уверенность? Ну он не мог спать, скажем целую минуту, соблюдая строго вертикальное положение тела и держа рулевое колесо крепко, направляя трактор по заданной траектории. Во сне мышцы тела расслабляются, что приведёт или к опусканию конечностей или наклону туловища. А стало быть, могло привести к резкому изменению траектории движения. А этого не было. Трактор как шёл до поворота по заданной траектории, так и пошёл, уходя на повороте с проезжей части, и вышел на крутой спуск откоса под углом.

Что произошло дальше? А дальше произошло чудо или вмешательство воли Всевышнего. По всем законам физики, даже при скорости 30—35 км/час, с которой двигался трактор, сохраняя траекторию движения, которая была избрана ещё перед поворотом, он неминуемо должен был опрокинуться, завалившись на левый бок, если, не сделав при этом кувырок через крышу. Но что-то произошло в тот момент, когда левое переднее колесо уже начало проваливаться вниз по склону откоса первым.

И Кирилла сразу осенила, и он увидел не просто мутное видение происходящего, а как говорят «картину маслом». Вот она, демонстрируется впервые и только для тех, кто не будет в дальнейшем решать судьбу Кирилла. Левая сторона трактора естественно становится на долю секунды ниже, тело задремавшего естественно склоняется в эту же сторону, и он машинально тянет за собой рулевое колесо. Следы на скосе подтверждают эту гипотезу. И даже больше, если внимательно рассмотреть траекторию правых колёс, хоть и при выезде трактор «пытался их скрыть» повторными следами, показывает — они какое-то время было в воздухе, те есть не оставили свой след на пути, расстоянием в два метра. И только создав «центробежную силу» трактору, благодаря резкому повороту колёс влево, установили их на почву откоса, с последующим ударом и заползанием его на дерево. Второго не дано. Даже то, что у Кирилла были ушибы головы как слева, так и справа, и лба при столкновении с деревом, подтверждает эту версию. Наклон налево — удар о боковое стекло или корпус кабины; толчок при постановке трактора на все четыре колеса, т.е. вправо — удар о правую стенку кабины; столкновение с деревом — неудачная попытка катапультироваться через лобовое стекло или, наоборот, удачно, что она не состоялась.

Можно сказать ещё и так — не судьба. Сколько бы нас жизнь не била, не учила, мы не перестаём верить в это великое слово надежды — «авось».

Кирилл заглянул в водный канал, по которому в сезон полива огородов пускают из Миуса мощными насосными станциями так необходимую растениям живительную влагу, воду водной артерии Примиусья. Повернув голову на Волкову гору, где на самой вершине возвышался величаво памятник «Якорь» в честь моряков-пехотинцев, павших, при освобождении Примиусского края от немецко-фашистских захватчиков, Кирилл сравнил этот канал с противотанковым рвом. Если бы не счастье или вмешательство высших сил, предотвративших опрокидывание трактора, и не дерево, которое спасло от вторичной трагедии — сворачивания молодой кудрявой головы о стенку «противотанкового рва» после того, как той же головой было бы

выбито лобовое стекло, — сегодняшнее утро не настало бы для него. Слава Всевышнему! Слава Богу!

Верил ли тогда Кирилл в Бога? Скорее всего просто осознавал то, что существуют Тот или Те силы, которым подвластно всё.

Собрав всё, чем было обильно усеяно место «вынужденной ночной остановки» Кирилла, помимо колпака воздухоочистителя и чутков поправив рытвины, где ещё с вечера произрастала травянистая растительность, глянув на часы, поспешил на работу.

В конторе Кирилл отчитался за командировку и передал письмо с благодарностью от председателя колхоза, Веры Ивановны, где руководитель благодарила директора лесхоза за оказанную помощь и добросовестный труд командировочного, принявшего самое активное участие в уборочной компании 1983 года. Директор более равнодушно отнёсся к этой информации, ему было важнее, что один из ключевых работников лесничества, который за эти три недели мог «выдать на-гора столько угля», исчисляемого, конечно, не тоннами, а гектарами культивации и прочего. И считал самым главным, хоть это и не высказывал открыто, но в глазах читалось: без ЧП командировка — хорошо (ох, если бы знал он, но...); трактор на ходу, не подвёл в командировке и готов уже сегодня приступить к работе по уходу за лесонасаждениями — отлично.

— Ну и ладненько, — только и ответил Андрей Владимирович сухо и без эмоций, да и какие тут эмоции, когда нужно и повторную культивацию подогнать, а потом и о глубокой обработке на зиму подумать. — Как говорил Никита Сергеевич Хрущёв: «Наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!»

Поняв, что разговор окончен, Кирилл лишь произнёс «дежурное»:

— До свидания! — закрывая за собой дверь кабинета, оббитого дерматином, как было принято в те годы, в качестве «шумоизоляции».

Совершенно иначе встретил трудовой коллектив и его руководители в лесничестве.

— Кирюха, магарыч ставь за то, что я тут сам отдувался за двоих, — как обычно с подколом встретил Кирилла Василий Иванович.

— Василий Иванович, а у меня встречающая «предъява»: ваша зарплата в этом месяце, как я по самым скромным подсчётам предполагаю, будет не меньше пяти сотен наших, обеспеченных «золотым запасом» рублей. А планово-экономический отдел точно «урежет» чуть ли не половину, и потому предлагаю два варианта: первый — поделиться, на что вы не готовы пойти, как я полагаю; второй — просто проставиться, а я могу в этом со своей стороны оказать помощь в равных долях с вами. Ну, как? — Кирилл, улыбаясь, протянул наставнику руку. — По рукам?!

— «Смотри-ка! Купили воду возить, а он рысаком оказался!» Недооценивал я тебя, коллега. Видать сразу, что далеко пойдёт. Вот, что значит — учёный человек. А мне мать говорила: учись, а я ей — трактористом хочу быть.

Кирилл и Василий Иванович крепко пожали друг другу руки. Механик, конечно же, интересовался: как трактор, не подводил-ли, не ломался и много-ли заработал. Все рабочие лесничества были рады видеть, давно отсутствующего молодого тракториста. А за лесничего и говорить не приходится, так как от того, что кто-то по распоряжению начальства свыше решал главную задачу продовольственной программы под девизом «Хлеб — всему голова», не снимает ответственности за выполнение плана по лесничеству уже в третьем квартале и всего текущего года.

И начались привычные трудовые будни. Если была возможность, то Кирилл договаривался с Василием Ивановичем о том, какие лесонасаждения колхозов кто будет обрабатывать. Зачем? Кириллу было престижнее и приятнее во многом направляться на восток района: там и земли родного колхоза, там осталась в селе родня, а в соседнем селе проживают родители

супруги. Да и всё тут знакомое, родное, трогательное, питающее духовные силы. И Василий Иванович был не против, обменяв лесополосы на землях восточных колхозов на более близкие к райцентру южные и северные, так как меньше времени тратилось на «холостые пробеги» и переезды. Кирилл пошёл на этот обмен ещё и с условием, что под его «опекой» также окажутся и дальние земли, где были посажены лесополосы более двух лет назад, начиная от колхозов «Знамя коммунизма» и «Победы» до оконечных земель «России», «Рассвета» и совхоза «Техника».

Судя по тому, как распределились объекты работ по территориальному признаку, Портнова можно было назвать «центровым», а Мельника — «отдалённым», а ещё лучше — «дальнобойщиком» из-за «холостых пробегов» до объектов работ, порой 20—50 километров. Кто-то скажет — ерунда. Конечно, если на легковом автомобиле. А если на тракторе, да ещё и с навесным культиватором, постоянно сворачивая на обочину, чтобы пропустить встречный или попутный быстроходный транспорт, или с плугом, когда он так раскачивает трактор, как качели, что не разгонишься, то дорога в одну сторону занимает до двух часов, и столько же — в обратную. Полсмены на дорогу. А нужно не только норму сделать, но и перевыполнить. А потому, в семь, а в жаркие дни и в шесть утра выезд и в 21—22 часа возвращение с работы. Помылся, покупался и спать. Если жену ещё видишь, а дочурку, как получится.

Но молодость чем хороша? Тем, что, если и устаешь, то для отдыха не требуется столько времени, как в старости. И, если спать пришлось 3—5 часов, то где-либо в тени деревьев, заглушив трактор, бросаешь на мягкую травку рабочую спецовку, которая всегда болтается на крючке в кабине, падаешь на неё или прямо в траву и, провалившись в короткий, но эффективный ободряющий сон, встаешь через 20 минут, свеженький, с желанием «всё и всех „порвать“, готов совершать подвиги».

Конечно, самая душевной работой является та, которую ты совершаешь, даже не ради подвига, а со всем усердием, бережно и качественно, потому что это земля твоей родины, земля предков, здесь остались твои корни, которые постоянно тебя притягивают. И не более чем год назад ты был здесь в командировке, чтобы оказать помощь, как малую толику того, что ты ей, своей глубинке, своей малой родине, будешь всю жизнь должен, и она тебя всегда будет к себе манить — той же могилкой деда, той одинокой, давно уже неухоженной, нежилой хатой, которая грустно встречает и провожает тебя покосившимися окнами, с треснувшей и разваливающейся стеной. Сердце кровью обливается, и вместе с тем, ты счастлив от потока тех воспоминаний из далёкого детства, которое прошло здесь. За эти моменты свидания с детством многое можно отдать.

Кирилл мог заехать и провести свою двоюродную сестру, покурить и заодно обсудить «наболевшие» вопросы. Заночевав у тётки, чтобы утром проснуться под «сельский будильник» — тёткиного петуха, победившего в отборочном конкурсе под названием «кого в суп отправить, а кого „за завод“», то есть в качестве того, кто теперь уже следующей ранней весной станет отцом десятков желторотых крошек. А уже в августе, как и сейчас, весь двор будет пестрить целой неугомонной стаей приземлённых пернатых. Выпив парного молока, после вкусного и сытного завтрака, поблагодарил и пообещал своей тётке, что на обед непременно будет, чтобы с нетерпением ждать плов, приготовленный в казане в русской печи, после выпечки в ней же свежайшего, хрустящего, ароматного и самого вкусного в мире домашнего хлеба. Это сказка! А потом, уже вечером, когда вечерним автобусом в гости к бабушке приедет внучка Вера со своей мамой, покатают её на тракторе. А после этого можно будет на ужин за семейным столом, к пирогу со сладкими сливами, с немногословным, но улыбочивым тестем, и по рюмке-другой «беленькой» пропустить, и о работе поговорить. Он же всю жизнь на тракторах проработал, да и сейчас без него животноводству придет крах, без тех кормов, которые он без выходных доставляет к кормушкам бурёнок.

И на следующее утро, перелезая осторожно через спящую супругу, чмокнуть проснувшуюся и на вопрос «На рыбалку?», ответить тихо «Угу». Выйдя через низкий дверной проём сельской хаты, потянуться и услышать замечание тёщи, уже хлопчущей у летней грубы во дворе:

— На печку нужно потягиваться... и утро будет добрым, и день удачным, и еда вкусной....

Уважив женщине, подойти и потянуться над русской печью, издающей жар от прессованного кирпичиками кизяка, применяемого в качестве топлива, сказав:

— А запахи. Голова кругом пошла. Я на часик на пруд. Надеюсь, что и мне от того, что в том казане, хоть «на понюх табаку» останется.

Тёща, залиvisto смеясь, отвечает:

— Останется, зятёк. Всем хватит. Мне-то сковороду ставить или как?

Подходя к трактору, ответно улыбнувшись тёще и наматывая пусковой шнур на шкив маховика пускового двигателя, Кирилл утвердительно кивал:

— И сковороду и кастрюлю или казан побольше на уху готовьте... Чего мы будем мелочиться. По такому случаю можно и выходной устроить. А завтра сразу две смены, от зари до зари жажну.

— Езжай уже, трепло! Языком молоть — не дрова колоть, — отмахнулась от бала-зятя мама Любаши.

— Ма, может, дровишек подрубить? — приняв за намёк слова тёщи, спросил Кирилл.

— Езжай уже, рыба долго ждать не будет, и моя сковородка прогорит...

Площади лесонасаждений в родном некогда колхозе, Кирилл, если выполнять только дневные нормы, без переработки, нужно было обрабатывать четыре дня. И ещё Кирилл мог экономить ежедневно до трёх-четырёх часов на дорогу домой и заправку в лесничестве, если оставался ночевать в селе. Бригадир комплексной бригады, в которой Кирилл уже трижды принимал участие в уборке урожая и тем более жил по соседству с родителями Любы, без проблем разрешил Кириллу заправляться на бригадной заправке:

— Ты же нам лесополосы будешь возделывать, а стало быть, урожайность повышать. Скажи Лене, заправщице, что я дал добро на заправку.

— Спасибо, Алексеевич! Магар с меня. У тестя вот на днях день рождения, проставлюсь.

— Ты, Кирюха или тесть проставится? — засмеялся бригадир, — одно общее дело делаем.

Кирилл распланировал так: два дня ударной работы, третий день — расслабуха, с рыбалкой и часа четыре-пять работы. И вот при таком раскладе дел, за трое суток управлялся.

План работы на день Кирилл планировал или заранее, с вечера, если была возможность и не сильно уставал, или уже с утра. В это время он был, как «главком», но с тем отличием, что не в блиндаже, на командном пункте армии или фронта, а за столом, разложив копию карты на кальке, где мог спокойно рассчитать, откуда лучше начать и как перемещаться, чтобы меньше было «холостых пробегов». И признал эти карты, которые выдал лесничий, очень важным элементом организации труда, повышающей её производительность.

«Таким макаром» можно было поступать и во время обработки лесополос соседнего колхоза им. Ленина, но Кирилл не хотел злоупотреблять гостеприимством родителей, так как в селах принято мамой и папой называть не только родных, но и родителей супруги или супруга. Да и перед начальством иногда отчитываться нужно было.

И вот после того, как все лесополосы в бывшем, некогда своём колхозе, практически были обработаны подлетел прямо по дискованному полю к Кириллу на «Ниве» председатель колхоза и выскочив из-за руля, начал энергично махать руками, чтобы тот остановился. Хотя при этом председателе Кирилл уже не работал в колхозе, но они были лично знакомы и встре-

чались даже на гулянке, когда племянница Любы, проживающая с родителями здесь, на центральной усадьбе, выходила замуж.

— Саша, сыночек, выручай! — с одышкой выпалил председатель.

— Что стряслось, Сергей Михайлович, неужели пожар? — не понимая в чём состоит срочность остановки трактора в междурядье лесополосы, да ещё и среди поля.

— Ну подойти на пять минут, разговор есть.

Кирилл выпрыгнул из кабины и, по привычке закурил. Подошёл к председателю: тот, улыбаясь, протянул руку и поприветствовал.

— У меня для тебя есть шабашка. Я видел, как ты лихо «седлаешь» рядки лесополос культиватором. Ну, я попросил своих трактористов сделать то же самое на бахче, а у них ничего не получается: вырезают или, наоборот, большая полоса с сорняками остаётся. Выручи, Саша! Сейчас уже трудно арбуз от травы берёзки отличить, а через неделю можно будет всю бахчу закультивировать сплошную. Не зря она получила более подходящее название — вьюнок полевой.

— Сергей Михайлович, я сегодня в вашем колхозе заканчиваю и мне нужно в колхоз Ленина «тархетель», а там побольше лесополос, чем в вашем колхозе.

— Да там немного, всего двадцать гектаров.

— Да, это для сплошной культивации немного. «Шестую» включил и за пару дней точно справишься, а тут ползать и ползать.

— Ну, хорошо, на месте потом договорился. Как закончишь, ты всё равно мимо правления будешь домой ехать. Забеги, я тебе поле покажу, тем более что он тебе будет по пути. Только не забудь, я буду ждать. — Председатель заспешил в свою машину, а Кирилл продолжил культивацию.

Бахча, действительно была запущенна с обработкой. Тот, кто посылал трактористов на культивацию, не учёл одного: все машины, предназначенные для возделывания пропашных культур, имеют типоразмеры по ширине захвата, такие как 2,8; 4,2; 5,6 и 8,4 метра, с расстановкой рабочих секций в зависимости от вида культуры и ширины посева между рядами. Потом ещё нужно учитывать «защитные зоны», чтобы не уничтожить посевы. Кирилл, в отличие от колхозных механизаторов, кроме посева и культивации сорго, практически ничего другого не выполнял, но теорию знал отлично. А потому сразу понял все допущенные, при регулировках ошибки, но председателю это не интересно, ему нужен был результат.

— Возьмёшься? Выручай! По два рубля за гектар плачу, — умолял Сергей Михайлович.

— Ладно, попробую завтра с утра и если получится, то дня три придётся тут поёрзаться, не разгонишься на этом сплошном ковре березки. Чтобы она ещё и арбузную завязь «за усы» не потянула.

Намучился Кирилл изрядно, два с половиной дня потратил, что означало объявить, как на флоте «аврал» и «свистать всех наверх». Но кто выйдет по тревоге на построение и станет в ряд с ним? Больше некому, «один в поле воин». А стало быть, долго не видать ни рыбалки, ни отдыха — штурмовать придётся то время, что на шабашку потрачено было.

Лесополосы колхоза Ленина Кирилл «закрыл» на день позже, чем следовало. Пришлось, отчитываясь лесничему, сослаться на поломки трактора. Не любил Кирилл врать и не умел, и даже терпеть ненавидел это, но тут пришлось. Как говорится, выручил земляков, сделал благое дело, не за спасибо, а за «чаевые».

Но самое главное, это был урок, который он получил в результате этой сделки с председателем. Урок следующий: «Не делай добра — не будет зла». Почему? Полтора месяца Кирилл потом и на тракторе, когда попутно было и много раз на своей «Яве», когда на выходные всей семьёй ехали в гости к родителям Любы, пытался «выбить» заработанные по устному договору деньги.

— Ну, потерпи, Саша. Ну нет у меня сейчас денег... Забеги через неделю... Что-нибудь придумаю. — Вот такие были ответы председателя.

Когда же приходилось работать на западных землях района, которые вытянулись ещё дальше от райцентра, то Кирилл, как бы поздно не заканчивал работу, хоть и в сумерках, возвращался всегда домой. И всегда поздняя дорога ему напоминала ту, памятную ночь, когда он возвращался с уборочной командировки. Урок этот был на всю жизнь и не должен был повториться никогда.

А однажды, когда ехал утром на работу, остановился у памятного места. Спустился по откосу, обнял дерево и, как другу произнёс:

— Спасибо, дружище! Ты меня спас в ту злополучную ночь. Прости за травмы! Они скоро затянутся на твоей коре, а шрамы останутся на ней и в моей душе. Прости!

14

Девять месяцев работы в лесхозе подходили к концу. Первые дни были памятни тем, что зима показала себя так, как и должно быть, была снежной и морозной. И декабрь месяц также сразу доказал свой зимний нрав, снежным покровом выше колена и достойными, уж для этой южной зоны России морозами. Это будет потом, лет через двадцать, как минимум, а ещё лучше, через 30—40 лет после этих зим 60—80-х годов, будут вспоминать их, как родители Кирилла вспоминают зимы военных лет: суровые и морозные, да ещё и голодные. Будут ли ещё такие зимы с морозами в 30—35 градусов, с ветрами и метелями, и не только снежными, но и пыльными? Но не только этим будут памятни эти годы, как и наше детство, когда всё впервые и всё памятно. Памятен тот зимний, более чем тридцатикилометровый марш-бросок, который Кирилл совершил перед Новым годом из дома в то село, где жила та, которая завладела его сердцем, оставив на нём такой глубокий след, что глубже тех следов, которые он в тот день оставлял на, казалось бы, бескрайнем снежном покрове полей, через которые пролягут через два с половиной года лесополосы в память о том дне. Так Кирилл думал, вспоминая в такую погоду, когда даже псы забиваются вглубь конуры, не показывая носа о том, что забыть невозможно.

И вот сейчас, когда в конце декабря исполнится тому памятному и безумному одновременно поступку три года, Кирилл с Любой ждали прибавление в семье. Так уж получилось, что этот год стал годом перемен и смены места работы, видения событий и общества с немного другого жизненного ракурса, и, в результате этого, с видением «дна общества», развития в некотором роде и изменения суждений в уже заложенном фундаменте философского мировоззрения.

И вот уже изо дня в день ожидание, как струны гитары, ежедневно подтягивались на колках на четверть оборота и, кажется, что вот-вот струны лопнут, но струны ведь не гитарные, а душевные.

Люба, уже традиционно, отложила мужу деньги на одно из самых важных, если не самое важное событие в жизни мужчины — рождение сына, наследника. Мать Кирилла убеждала, что будет обязательно сын. И в эти дни Кирилл невольно вспоминал, как его родители, узнав о беременности невестки, пытались уговорить Любу повременить, мотивируя это тем, что вы молоды ещё, дочка совсем ещё маленькая, пусть подрастёт, успеете... Даже Кирилл начал сомневаться в том, а может быть, родители правы. Они ютились в одной комнате втроем, а если ещё один ребёнок?

«Нет! Я буду рожать, — как отрезала, сказала категорично Люба, да так, что такую невестку никогда свёкор со свекровью не видели и не знали, что она может такой быть. — Это мой ребёнок и он появится на свет, как и должно быть».

Кирилл, возможно, тогда ещё не осознавал, насколько жена была права в своей категоричности и поступке, который только возвышает человека в своём благородстве и возможном самопожертвовании, если придётся защищать эту, ещё не появившуюся на свет, но живущую в её чреве, Богом данную жизнь, как это делает мать, даже не обладающая даром речи, как это делают те, кого мы иногда презрительно называем «зверями», защищая даже ещё не родившееся потомство. Честь и хвала! Материнский инстинкт — невероятная, «термоядерная» сила, которую может унять и справиться с ней только она — мать или наш Всевышний Создатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.